

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 4 (60)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Москва, Россия

Геворкян Е. Н. доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва

Агранат Д. Л. доктор социологических наук, доцент, проректор
заместитель председателя по учебной работе МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Кириллов В. В. кандидат исторических наук, директор, профессор
главный редактор Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия

Омельяничук И. В. доктор исторических наук, доцент, профессор
заместитель департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
главного редактора Москва, Россия

Андреев И. Л. кандидат исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Брэдли Дж. доктор философии по истории (PhD), заслуженный
профессор Университета Талса, Александрия,
Вирджиния, США

Васильев Д. В. доктор исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Вишняков Я. В. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва,
Россия

Гагкуев Р. Г. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Россия, Москва

Гайда Ф. А. доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории России XIX – начала XX века МГУ
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Демин В. А. доктор исторических наук, доцент, профессор департамента
истории МГПУ, Москва, Россия

Жангуттин Б. О. доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова
КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан

Иванов А. А. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
новейшей истории России Института истории СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия

Козловская Г. Е. доктор исторических наук, профессор, директор
Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия

Копелев Д. Н. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
Россия

Малышева О. Г.	доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Матвеев Г. Ф.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Михайловский Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Москва, Россия
Николаев А. Б.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
Орлов С. В.	кандидат экономических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Пазин Р. В.	кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Москва, Россия
Рокки Э. К.	магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
Ртищева Г. А.	кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Селезнев Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
Сорокин А. А.	кандидат педагогических наук, доцент, начальник департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Токарева Е. А.	кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Черникова Т. В.	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Андреев И. Л., Челнокова А. Ю.</i> Митрополит Никон в новгородских событиях 1650 г.	6
<i>Селезнев Ф. А., Аксянова О. В.</i> Государственная политика по отношению к старообрядческим скитам и ее осуществление в Нижегородской губернии (1825–1855).....	28
<i>Гребенкин А. Н.</i> Эволюция императорской охраны в контексте политического развития России в эпоху Александра II	48
<i>Могилевский Н. А.</i> Основные проблемы функционирования публичных библиотек накануне отмены крепостного права (1855–1861) по губернаторским отчетам	62
<i>Ван Хуни.</i> Политическая история дореволюционной России (1855–1917) в зеркале китайской историографии	76
<i>Чурилова И. М.</i> Истоки профессионального движения в России и возникновение первых профсоюзов (последняя треть XIX – начало XX в.)	94

Новейшая история России

<i>Муромцева Л. Х.</i> Арсений Григорьевич Зверев — первый секретарь Молотовского районного комитета ВКП (б) города Москвы (портрет на фоне эпохи).....	108
<i>Медведева Т. В.</i> Архивные документы по истории советско-канадских отношений конца 1920–1930-х гг.: источники для реконструкции разорванных связей	126
<i>Залесская О. В.</i> Два китайца и один русский: ключевые фигуры управления Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школой	140

Всеобщая история

<i>Култыгин И. Н.</i> Американские миссионеры на Ближнем Востоке как фактор американо-османских отношений в XIX в.	155
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки», 2025, № 4 (60).....	168
---	------------

Требования к оформлению статей.....	172
-------------------------------------	-----

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Andreev I. L., Chelnokova A. Yu.* Metropolitan Nikon
in the Novgorod events of 1650 6
- Seleznev F. A., Aksyanova O. V.* State policy toward
old believer hermitages and its implementation
in Nizhniy Novgorod province (1825–1855) 28
- Grebenkin A. N.* The evolution of the imperial guard
in the context of the political development of Russia
in the era of Alexander II 48
- Mogilevskiy N. A.* Main problems of functioning
of public libraries on the eve of the abolition of serfdom
(1855–1861) according to governor's reports 62
- Wang Hongyi.* The political history of pre-revolutionary Russia
(1855–1917) through the lens of Chinese historiography 76
- Churilova I. M.* The origins of the professional movement
in Russia and the emergence of the first trade unions
(last third of the 19th century – early 20th century) 94

Modern History of Russia

- Muromtseva L. Kh.* Arseniy Grigorievich Zverev — first secretary
of the Molotovskiy district committee of the VKP (b) of the city of Moscow
(a portrait in the background of the era) 108
- Medvedeva T. V.* Archival documents on the history of Soviet-Canadian
relations in the late 1920s and 1930s: sources for the reconstruction
of broken ties 126
- Zalesskaia O. V.* Two Chinese and one Russian: key figures
in the management of the Far Eastern Regional Higher Chinese
Lenin School 140

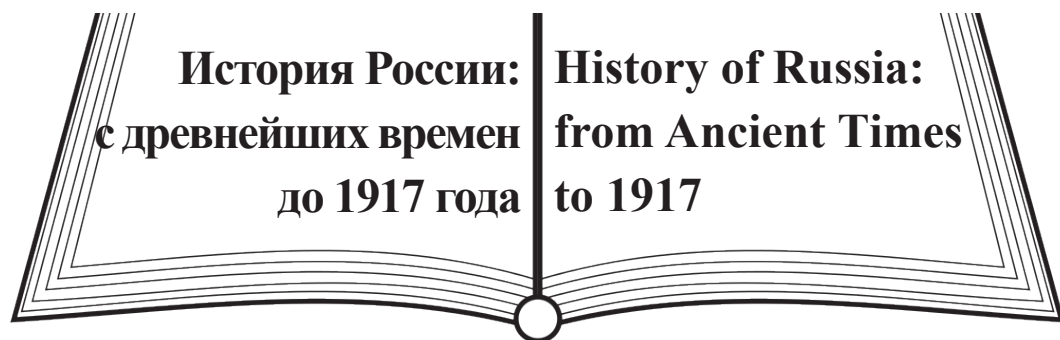
General History

- Kultygin I. N.* American Missionaries in the Middle East
as a factor in American-Ottoman relations in the 19th century 155

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

2025, № 4 (60) 168

Requirements for the Style of Articles 172

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-6-27

Андреев Игорь Львович

кандидат исторических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

andreev_hist@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5592-3379

Челнокова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

МИТРОПОЛИТ НИКОН В НОВГОРОДСКИХ СОБЫТИЯХ 1650 г.

Аннотация. Статья посвящена участию митрополита Никона, будущего патриарха Московского и всея Руси, в новгородских событиях 1650 г. Восстание в Новгороде приоткрыло еще одну грань характера владыки, его способность говорить с мятежными толпами, проявляя по необходимости и гибкость, и твердость в стремлении «утешить» бунт и восстановить порядок. Никон в новгородских событиях предстает как крупный церковный и государственный деятель, карьерный взлет которого не кажется случайным после того, как он показал образец поведения истинного подвижника и защитника «государева дела».

Ключевые слова: восстание в Новгороде, Новгородская митрополия, церковная иерархия, Дом Святой Софии, скоп, Никон, царь Алексей Михайлович, боярин И. Хованский, Иван Желтов.

Для цитирования: Андреев И. Л., Челнокова А. Ю. Митрополит Никон в новгородских событиях 1650 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 6–27. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-6-27>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-627

Andreev Igor L.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

andreev_hist@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5592-3379

Chelnokova Alla Yu.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

METROPOLITAN NIKON IN THE NOVGOROD EVENTS OF 1650

Abstract. The article is devoted to the participation of Metropolitan Nikon, the future Patriarch of Moscow and All Russia, in the Novgorod events of 1650. The Novgorod uprising revealed another facet of Vladyka's character, his ability to speak to rebellious crowds, showing both flexibility and firmness when necessary in an effort to «comfort» the rebellion and restore order. Nikon appears in the Novgorod events as a major church and statesman, whose career rise does not seem accidental after he showed a pattern of behavior of a true ascetic and defender of the “sovereign cause”.

Keywords: Novgorod uprising, Novgorod Metropolitanate, church hierarchy, House of St. Sophia, Skop, Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, Boyar Ivan Khovansky, Ivan Zheglov.

For citation: Andreev I. L., Chelnokova A. Yu. Metropolitan Nikon in the Novgorod events of 1650 // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 6–27. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-6-27>

Введение. История Новгородского восстания 1650 г. получила свое подробное освещение уже в дореволюционной литературе. Но еще больший интерес новгородские события вызывали у советских исследователей, увидевших в них проявление антиправительственных и даже антифеодальных устремлений низших слоев городского населения¹. Правда, при этом приоритет

¹ Тихомиров М. Н. Новгородское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 139–169; Коваленко Г. М. Адольф Эберс о новгородском восстании 1650 г. // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Новгород, 1987.

советские историки отдавали Псковскому восстанию, более масштабному и грозному в сравнении с новгородским бунтом. Естественно, при изучении новгородских событий никак нельзя было обойти фигуру митрополита Никона. Затрагивалась эта тема и в многочисленных биографических исследованиях, посвященных ему. При этом в большинстве случаев признавалось, что новгородская история в жизни будущего патриарха стала немаловажной вехой. Тем не менее специальной работы, позволяющей детально высветить деятельность митрополита в дни новгородского мятежа, оценить и понять ту роль, которую он сыграл в прекращении бунта, нет. Представленная статья — попытка заполнить этот пробел, акцентировав внимание на личность Никона, оказавшегося в чрезвычайных условиях.

Ход и результаты исследования. 11 марта 1649 г. в Успенском соборе Кремля Никон был возведен в сан митрополита Новгородского. 15 марта Никону была дана настольная грамота, в которой подчеркивалось, что он был избран «по совету Богом венчанного государя царя и великого князя Алексея Михайловича»².

Заметим, что атмосфера, сложившаяся в верхах духовенства на момент возвышения Никона, была достаточно напряженной. Едва ли дряхлеющий патриарх Иосиф испытывал симпатию к Никону, который вместе с «ревнителями древнего благочестия» при поддержке царя все чаще вмешивался в дела церкви. В этом позиция Иосифа сильно отличалась от позиции приехавшего в Москву иерусалимского патриарха Паисия, который не упускал возможности при каждом случае воскурить фимиам Алексею Михайловичу. В данном случае — за сделанный им выбор. Вскоре после хиротонии Никона в Посольский приказ была принесена грамота Паисия, свидетельствующая о том, что патриарх прекрасно знал, как польстить государю. Требовалось немного — хвалить Никона: «Смирение наше молит и благословляет великое ваше царствие сим нашим письмом прежде похвалити благодать, что просветил вас Дух Святый и избрали есте такова честнаго мужа преподобнаго инокосвященника и архимандрита Никона и возведе его великое ваше царствие на святыи престол митрополии новгородския, и той ест достоин утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова...»³. В заключение Паисий просил разрешения подарить Никону одну из своих мантий от святых мест, что и было им сделано.

24 марта 1649 г., в канун праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, Никон торжественно въехал в Новгород. Началась новая глава его жизненного пути.

С. 39–42; *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII в. Л., 1991; *Тимошина Л. А.* Новая публикация документов о новгородском восстании 1650 г. // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 270–298.

² Цит. по: *Севастьянова С. К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 19.

³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (СГГД). Часть третья. М., 1822, № 135. С. 449.

Обширная новгородская митрополия по числу церквей и монастырей уступала лишь патриаршей области⁴. В церковной иерархии новгородский митрополит также следовал за патриархом, что совсем не гарантировало ему получения в будущем посоха митрополита Петра — символа патриаршей власти. Часто первостоятеля избирали из числа игуменов монастырей, поскольку двойная хиротонизация считалась предосудительной. Случалось, что вопрос о патриархе решался «Божественным изволением» — простым жребием.

Зато куда важнее была царская приязнь! Здесь у Никона были большие преимущества. Однако с мартовским избранием у этого преимущества появился свой минус — расстояние между Москвой и Новгородом. Разделившие их версты могли со временем охладить привязанность царя. Но если кто-то из тайных недругов Никона и надеялся на подобный поворот, он был разочарован, так как этого не произошло. Напротив, случилось неожиданное: потребность в общении у Алексея Михайловича только усилилась. Царь нуждался в Никоне. Гонцы с царскими и владычьи грамотками сновали между Москвой и Новгородом с завидной частотой.

Эта частично сохранившаяся переписка чрезвычайно любопытна. В ней царь откровенен и простодушен до той степени, которая возможна при высшем градусе доверия. Вот один из таких примеров: получив в наследство от отца дворецкого, князя А. М. Львова, человека сурового и неуступчивого, молодой государь очень тяготился его опекой. Но за Львова стоял боярин Морозов, ослушаться которого Алексей Михайлович не смел. Приходилось терпеть. Однако в 1651 г. был найден весомый повод — почтенный возраст и пошатнувшееся здоровье Львова. На место старого князя был поставлен В. В. Бутурлин. Царь был в восторге от такой перемены. Не удержавшись, он совершенно по-детски хвастается Никону: «...А слово мое ныне во Дворце добре страшно и делается без замотчанья»⁵.

Свою роль играл и личностный фактор: Никон был возведен в ранг «собинного друга», чего не удосужился даже Морозов. Однако к этому добавилось еще одно обстоятельство, не дававшее царю забыть о Никоне, — его дела. То, что удалось за короткий срок осуществить Никону в своей епархии, сильно подняло его в глазах государя. Наконец-то был найден человек, способный воплотить в жизнь замыслы боголюбцев. Добавим к этому еще одно немаловажное и отчасти даже парадоксальное обстоятельство: смеем утверждать, что с Никоном легче было общаться на расстоянии, нежели часто и накоротке. Как человек, он был очень тяжел: причем чем выше подымался, тем требовательнее и безапелляционнее становился. Так что расстояние между Москвой и Новгородом скорее не отдаляло, а приближало его к государю. Наконец, влияние Никона не ослабевало, а, напротив, усилилось благодаря событиям

⁴ Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975. С. 78.

⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. IV. № 57. С. 86.

в Новгороде в 1650 г., точнее, тому, как повел себя митрополит в смутные дни новгородского бунта.

Явившись в Новгород, Никон стал руководить митрополией энергично и самоуправно, воплощая в жизнь свое представления об образцовом пастыре-владыке, который сложился у него за годы жизни на Севере. Последователи этого примера-образа не делали снисхождения ни себе, ни другим. В начале своего монашеского служения они много терпели от суровых северных игуменов, добивавшихся беспрекословного и безусловного послушания. Зато, став владыками, ждали подобного поведения от своих подчиненных.

Никон крепко взял бразды правления митрополией в свои руки. Этим он невольно укорял слабого и немощного патриарха Иосифа, неспособного навести твердый порядок в Русской церкви. Тем самым митрополит возвещал о грядущих переменах. И это возвещение имело своих адресатов.

Адресат первый — царь и «ревнители»: вот он, новгородский владыка, дает пример истинного пастыря, пребывающего в непрестанной заботе о своей пастве; он хлопочет, поучает, наставляет, он весь в Правде; он тот, кто так нужен для преодоления накопившихся «неустройств» и обретения первенства Русской церкви на вселенском поприще.

Адресат второй — епископат. Он, так же как и они, недоволен ущемлением церковных прав и привилегий; он тот, кто сможет приструнить приказных Монастырского приказа, добьется, если не отмены уничижающих священство статей Соборного уложения, то по крайней мере укоротит их. В самом деле, Никон явился в митрополию, получив право судить все население церковных земель по-прежнему своим церковным судом. Больше того, царь дал ему право надзора в Новгородской области даже над судом светским, тогда как новгородским властям было строго запрещено вмешиваться в дела митрополичьи⁶.

Наконец, адресат третий — паства. Грядут времена, в которых не будет «шатаний» и распушенности; будет послушание, единообразие, благочестие и благоговейный трепет перед крепким пастырем. В науке подобные устремления именуются политикой оцерковления, строгого контроля и подчинения духовенству повседневной жизнью мирян.

Очень скоро Никон превратил митрополию в «испытательный полигон» для реформ в духе «ревнителей». Он утвердил в церквях единогласие. При нем вместо нестройного «хомового пения» в новгородской Софии зазвучали стройные киевские песнопения, «пение одушевленное», для чего митрополит призвал к себе украинских певчих⁷. В духе требований «ревнителей» Никон отказался от всяких послаблений. Новый владыка строго взыскивает с нерадивых мирян и еще жестче с попов и дьяконов, забывших о своем долге. Одновременно митрополит являл пример нищелюбия и милосердия. Благотворительность

⁶ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. Т. 2. М.; Берлин, 2020. С. 115.

⁷ Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Вып. 1. Харьков, 1885. С. 44–45.

при нем достигла огромных масштабов. Он чуть ли не ежедневно кормил и наделял милостыней на митрополичьем дворе сотни убогих и сирых. Им были устроены четыре богадельни и погребальная палата для неимущих⁸.

Естественно, строгости Никона не вызывали большого воодушевления новгородцев. Изначально между ним и паствой сложились напряженные отношения, давшие знать о себе в дни бунта. Один только план Никона провести строительные работы внутри Святой Софии вызвал протесты новгородцев. Намеренье митрополита церковь «рушить и столпы ломать» было признано неприемлемым посягательством на святыню, возведенную «по ангельскому благовестию»⁹. Завершилось все выдворением новгородцами строителей из храма.

Наводить порядок приходилось не только в епархии, но и во владычьем доме Святой Софии. Явившись в Новгород, Никон быстро обнаружил непорядок в архиерейских владениях.

Дом Святой Софии был одним из самых богатых в среде епархиальных владений. Сюда стекались сборы с более чем двух тысяч соборных и приходских церквей. Велики были земельные владения архиерейского дома — около 11 % от всего церковного землевладения Новгородской земли¹⁰. Долгое время управлял всем этим богатством митрополичий приказной человек Иван Жеглов¹¹.

Иван Прокопьевич Жеглов представлял собой тип оборотистого и умного дельца, каких современники нередко относили к «сильным людям»¹². Таким, благодаря связям и высокому покровительству, закон был не писан. В приказы они входили широко, дела решали с черного крыльца. Будучи родственником по жене известного своими амбициями новгородского митрополита Киприана (1626–1634)¹³, Жеглов имел давние крепкие связи с Домом Святой Софии. Свою карьеру здесь он завершал в звании дворецкого, что позволяло ему заботиться не столько о Доме Святой Софии, сколько о собственном достатке¹⁴. При последнем престарелом митрополите Афонии он окончательно уверился

⁸ Карташев А. В. Указ. соч. С. 115.

⁹ Документы о Новгородском восстании 1650 г. // Новгород. К 1100-летию города: сб. статей / под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964. С. 295.

¹⁰ Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 78.

¹¹ Биографию Ивана Жеглова см.: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 155–157; Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии // Избранные труды: в 5 т. М., 1960. Т. 4. С. 300–301.

¹² Андреев И. Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20–40-е годы XVII века // История СССР. 1990. № 5. С. 77–88.

¹³ Это был тот самый Киприан, которого обвиняли в «большой гордости», что, в частности, находило свое выражение в требовании называть его «государем митрополитом». Проследживается несомненная аналогия с титулом патриарха Филарета, против которого Киприан позволял себе резкие выпады. См.: Зерцалов А. «О неправдах и непригожих речах» Новгородского митрополита Киприана (1627–1633) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1896. Кн. 1. С. 51–82.

¹⁴ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 5. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). СПб., 1878. С. 27–31.

в своей безнаказанности и всесии. Так что даже Никон сумел привлечь Жеглова к ответу и упечь в тюрьму, лишь возложив на него более тяжкую вину, нежели заурядное воровство, — обвинение в «государевом великом деле»¹⁵.

К началу новгородского бунта Жеглов уже несколько месяцев томился в митрополичьей тюрьме. Стрельцы и посадские люди освободили «ведомого вора» и водворили его в земской избе. Бывший дворецкий, таким образом, поневоле оказался в числе руководителей восстания. Он не спешил расстаться с этой неожиданной и опасной ролью. В мутной водиче новгородского бунта каждый пытался выловить свою рыбку. Был свой интерес и у Жеглова: ему надо было оправдаться от обвинений, возведенных на него Никоном. Для этого он попытался использовать бунт как средство очернить митрополита.

Жеглов стал задавать тон в земской избе. Дошло до того, что он вскрывал царские грамотки и отдавал распоряжения тогда, когда другие пасовали¹⁶. Наконец, воспользовавшись моментом, он принялся исподволь науськивать новгородцев на владыку и, похоже, был совсем не против того, чтобы они физически расправились с ним.

Здесь следует упомянуть о деле, из-за которого Никон еще до бунта отправил Жеглова вместе с его поделщиками, митрополичьими детьми боярскими братьями Негодяевыми, в тюрьму. Последние, еще до ареста Жеглова в 1649 г. отправились за решетку за то, что держали «воровские книги», будто бы позволявшие им знать, что «у царя и короля в полатах делаетца». Обвинение тяжкое. Здесь пахло не только ведовством, но и изменой. А в этом случае к делу привлекали всех тех, кто знал об этом или мог знать, но не донес. Начать следствие должен был воевода. Однако в сыске принял участие и Никон.

По приказу митрополита Жеглова бросили в «узилище». К этому времени стало известно не только о его причастности к делу братьев, но и о допущенных им злоупотреблениях в управлении Домом Святой Троицы. В итоге дошло до правеха: Жеглова, «возячи на дровнях», били и мучили «ослопьем насмерть в лежачь, и вымучили на нем денег триста рублей». Жеглов был брошен «во узилище» на митрополичьем дворе и «бысть цепь на выи его». Здесь он и оставался до начала Новгородского восстания.

Бунт в Новгороде стал серьезным испытанием для Никона.

Выступлению новгородцев предшествовали взбудоражившие горожан слухи о хлебной дороговизне. Причем в провоцировании ситуации повинны были сами власти. С февраля 1650 г. бирючи стали кричать на торгах, чтобы народ не скупал «из-за недорода хлеб во многих четвертях». В неурожайный год подобные призывы естественно привели к обратному результату — возрастанию спроса и росту цен. Повсюду ходили толки, что случившиеся — происки бояр,

¹⁵ Впрочем, Жеглову пришлось расплачиваться и за долги перед Домом Святой Софии, возникшие за годы его управления. Правда, произошло это после опалы бывшего управителя. Дом Жеглова с садом на Лубяницкой улице был отдан Софийскому митрополичьему дому. См.: *Севастьянова С. М.* Материалы... С. 26.

¹⁶ См.: *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 156–157.

которые отпускают за море «казну и хлеб». Действительно, по Стокгольмскому договору 1649 г. шведы получили разрешение на беспошлинную покупку в Новгородской земле большой партии зерна. К прибыльному делу тотчас прилепились дельцы типа Стояновых, хлебные спекуляции которых подняли хлебные цены.

Следует иметь в виду еще одну особенность настроений, которые доминировали в провинции после волнений 1648 г. Это уверенность в том, что бояре во главе с Б. И. Морозовым утаивают от царя всю правду о бедственном положении народа. Даже казну и хлеб бояре будто бы втайне отпускали за границу, чего, конечно, государь бы никогда не позволил¹⁷. В итоге любое недовольство фокусировалось на царском окружении. К нему новгородцы причисляли и своего воеводу, князя Федора Андреевича Хилкова. Тень подозрения падала и на Никона.

Для психологии народного бунта «боярская измена» — необходимая составляющая. С точки зрения его участников, выступление против измены оправдывало их действия и придавало им законный характер, даже если Соборное уложение приравнивало их действия к «скопу». В 1640–1650-х гг. главным «изменником» выступал, как правило, боярин Б. И. Морозов. В городе ходили слухи об обозе в Бронницах, где вместе с проданным шведам хлебом были бочки с морозовскими капиталами, которые тот якобы вознамерился вывести за рубеж¹⁸.

Ранней весной 1650 г. ситуация стала выходить из-под контроля местных властей. 1 марта в Пскове был разгромлен двор гостя Федора Емельянова, который скупал хлеб для шведов¹⁹. Вести о псковской «гили» быстро достигли Новгорода. Воевода Ф. А. Хилков поспешил донести в Москву, что в городе слышны «многие смутные речи».

15 марта полыхнуло в Новгороде. В этот день посадские люди собрались перед земской избой для избрания целовальников. Однако заговорили о другом — о хлебной дороговизне. Сапожник Елисей Лисица стал кричать, что гость Семен Стоянов вывозит за рубеж хлеб и мясо. Толпа заполонила Новгородский кремль. Вечером того же дня новгородцам нехстати подвернулся датский посланник Иверт Краббе, которого приняли за шведского торгового агента. Краббе был избит, ограблен и даже закован. Разбушевавшийся новгородец Трофим Волченоч бил его по щекам и вырвал серьгу с алмазом из уха.

¹⁷ См.: *Ляпин Д. А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб, 2018. С. 173.

¹⁸ Мятёжное время: Следственное дело о новгородском восстании 1650 г. / сост. Г. М. Коваленко, Т. А. Лаптева, Т. Ю. Соловьева. СПб.; Кишинев, 2001. С. 53.

¹⁹ Правительство Алексея Михайловича взяло на себя обязательство уплатить Швеции компенсацию — 190 тыс. рублей — за беглых русских людей, бывших подданных короны, принятых московской стороной. Часть суммы при этом возмещалась хлебом. Акцию, чтобы не отдавать «православных христьян в люторскую веру», активно поддерживала церковь (см.: *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 246–247).

Отобраны были у посланника и часы с боем («часы боевые»). Но главным преступлением стало изъятие бумаг, включая царское письмо к датскому королю²⁰. Избиение и грабеж Иверта Краббе грозили большими осложнениями. В Москве поступок новгородцев получил жесткую отповедь: новгородцы — «воры и мятежники» — своим проступком ссорили государей, «чего было не токмо делать — и мыслить страшно»²¹.

На аресте Краббе дело не кончилось. По городу прокатилась волна погромов. Восставшие разом квитались за все и с «мирскими губителями», и с «изменниками». Под горячую руку попали купцы Ганзейского союза и лучшие посадские люди²².

Воевода Хилков оказался бессильным пресечь выступление, поскольку стрельцы поддержали посадских людей. Единственное, что ему оставалось — поспешить вместе с Никоном известить о произошедшем Москву. Коротко поведав о начале бунта и об испуге стрелецких голов — «боятца, что убьют», — воевода и митрополит высказались за немедленную мобилизацию дворян из пятин для подавления выступления. Острота момента отразилась в заключительной фразе: «А переписать, государь, начисто не успели, стало вскоре». Послание завершала приписка «смирненного Никона»: он направил митрополитских детей боярских уговаривать новгородцев отстать от мятежа, но те «детей боярских били и их не в чем не послушали»²³.

Восставшие освободили из тюрьмы Игнатия Молодожника. Некогда зажиточный посадский человек, стоявший у сбора соляной пошрины, он столкнулся со Стояновыми, был ими разорен и брошен в тюрьму. Теперь открылась неожиданная возможность поквитаться с обидчиками. 16 марта Молодожник в окружении «худых людей» явился к Никону и потребовал выпустить своего наперсника и товарища Жеглова. Никон отказал. Вот тогда-то «Игнашко, собрався со многими людьми, Ивашка Жеглова из-за пристава выбил», о чем уже упоминалось выше.

Жеглов был водворен в земской избе, в одночасье превратившись из тюремного сидельца в одного из руководителей выступления. Чуть позднее Хилков доверительно писал всесильному боярину Б. И. Морозову, что Жеглов с единомышленниками «всем миром владеют»²⁴. Никон в своем послании царю был еще более категоричен. Жеглов «злым своим советом на всяко дурно

²⁰ *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Февраль. ССХХV. С. 215. Избиение датского посланника грозило осложнениями в отношениях с Данией. В Москве поступок новгородцев получил жесткую отповедь: новгородцы — «воры и мятежники» — били датского посланника и, таким образом, могли государей рассорить, «чего было не токмо делать — и мыслить страшно». Позднее часть имущества вернули владельцу, но многое так и не было найдено. См. Мятежное время. С. 39–40, 82.

²¹ Мятежное время. С. 39–40.

²² *Панях В. М.* Новые материалы о Новгородском восстании 1650 года // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 56 (док. № 10).

²³ Мятежное время. С. 14–15.

²⁴ Там же. С. 44. № 15.

их (новгородцев. — *Авт.*) учит и хотел всех православных христиан к крестному целованию привести своим воровским умыслом, неведомо в чем»²⁵.

Смена амплуа случилась в эти дни и с князем Хилковым. Правда, в отличие от Жеглова, все произошло в обратном порядке: 16 марта Хилков по крепостной стене перебежал на митрополичий двор, умоляя Никона укрыть его. Митрополит спрятал князя во внутренних покоях. Так воевода превратился в беглеца, дрожавшего за свою жизнь. Никон же продолжал держаться молодцом и не скрывался от восставших.

Москва на все реагировала с опозданием. И дело не только в расстоянии. При дворе не сразу оценили опасность случившегося в Новгороде и в Пскове. Первые грамоты воеводе и митрополиту прописывали традиционный рецепт «утешения» бунта — окрик, внушение, наказание: «И чтоб правые по своей правде от виноватых были отмены, а воры б и заводчики и мятежники были сысканы»²⁶.

Никон между тем стал действовать самостоятельно. Узнав, что Жеглов с товарищами вознамерились связать новгородцев общей клятвой стоять заодно, владыка решился на опережающий удар. Благо подоспел подходящий повод — 17 марта, день царских именин. Во время торжественной службы в Святой Софии Никон проклял руководителей движения «за то, что они, забыв государево крестное целованье, завели мятеж»²⁷. Ход был сильным. Проклятие митрополита внесло растерянность в ряды восставших²⁸. Жеглову и его сторонникам потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Сам Никон высоко оценил свой поступок. На следующий день, 18 марта, он писал в Посольский приказ: «воры» заводили запись, чтобы весь мир «с ними стоял бы заодно в их замышлении. И я, богомолец твой, за то их великое воровство придал проклятию... и оне от тово было поунялись»²⁹. Два дня спустя, 19 марта, в грамотке к Тишайшему царю Никон написал о своих заслугах еще категоричнее: «Ево, Ивашка (Жеглова. — *Авт.*), изменника твоего государева, предал клятве, и тоя ради клятвы у них крестное целованья разрушил»³⁰.

День «государева ангела» бурно отпраздновали и в Пскове. Но там почин исходил не от митрополита, а от псковичей. Служившего обедню архиепископа Макария по выходу из церкви окружила толпа и потребовала выдачи

²⁵ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 291.

²⁶ Мятежное время. С. 18–19. № 3.

²⁷ *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. С. 344; Мятежное время. С. 55.

²⁸ В продолжение всего бунта вокруг поручной клятвы шла борьба. Организаторы пытались привлечь к целованию новгородских дворян, которые, в свою очередь, упорно стремились уклониться от подобных обязательств. Дело доходило до прямых столкновений. В первые дни дворяне пошли в кремль с намереньем заявить властям о своей лояльности. Однако стрельцы и посадские «худые люди» их «поворотили». В ответ дворяне попытались безуспешно вразумить новгородцев: «Надобно де им и та беда утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить» (см.: Мятежное время. С. 54–55).

²⁹ Мятежное время. С. 47.

³⁰ Там же. С. 73. № 30.

ненавистного всем приказного Михаила Турова. Архиепископ «отговорился, а сказал, что Михайло от него збежал». Тогда Макария «миром... водили по площади и посадили на чепь в богадельню». Сам Макарий о «чепи» ничего не говорит. Но зато пишет, что «волочили его по площади часа четыре»³¹.

События последующих двух дней уже в Новгороде изложены в источниках противоречиво. По одной из версий, 19 марта к Никону явился пристав Гаврилка Нестеров, «единомышленник отлученных... с лестью, будто прощения просить»³². Речь шла о снятии проклятия. Никон не стал с этим спешить и велел Нестерова задержать «для подлинного сыску». Сам Никон позднее станет утверждать, что хотел его «разрешить и молитвы разрешительные проговорить»³³.

Жеглов с товарищами, узнав о поступке Нестерова, сильно испугался: пример мог стать заразительным. Тотчас ударили всполох, и толпа, посланная Жегловым с торговой стороны, кинулась к кремлю. Ворота были выломаны бревном, двери высечены, а пристав Гаврила освобожден. При появлении толпы Никон попытался урезонить новгородцев. Но его не стали слушать. В ответ посыпались обвинения: мол, государь на своего ангела из тюрем «винных людей отпускает, а он де, митрополит, их в такой праздник проклинаяет». Похоже, что эти обвинения были ответным ходом руководителей восстания. Они перетолковали начинание Никона: тот «проклинаяет не их одних... а всех новгородцев». А между тем «у них де у всех дума одна!» Таким образом, руководители земской избы попытались повернуть анафематствование против самого Никона. Несправедливость митрополита, по мысли инициаторов, была очевидной, что должно было не разъединить, а, напротив, сплотить новгородцев. Заодно этим можно было обезопасить и себя, исходя из принципа «будет казнить велит государь — всех, а пожалует — всех же»³⁴.

Уговоры и возражения Никона ни к чему не привели. В митрополита полетели камни, следом посыпались удары. Вот отдельные эпизоды этого избиения, зафиксированные позднее в следственном деле: с митрополитом стали говорить «с большим невежеством и ево лаяли и камнем в него бросали и зашибли камнем в груди»; «воры зашибли ево кирпичем по боку больно»; «били и бесчестили» «ухватя его за руки и ноги, тащили волоком до Софеи»³⁵.

Позднее софийский служака И. Кузьмин в расспросе в Посольском приказе добавил к этим описаниям еще несколько выразительных деталей. Никон якобы сам выдал пристава толпе: «Мы де за него не стоим, как хотите и с ним». Но новгородцы не унялись и попытались ворваться в Казенный приказ.

³¹ Цит. по: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 160–161.

³² Мятёжное время. С. 68. Репутация Нестерова в изложении воеводы Хилкова была сильно подмочена: «И тот пристав Гаврилка и отец ево за многие их воровства биты кнутом и батоги».

³³ Там же. С. 74.

³⁴ Мятёжное время. С. 25.

³⁵ Там же. С. 55, 57, 74, 90.

Никон вышел к ним с вопросом: «За что двери ломают?» Здесь его и стали бить «в грудь ослопьем, и кулаками и шапками его били, а в шапках было камень»³⁶.

Об избиении поведал царю и сам Никон: «И оне меня ухватили со всяким безчинием, и в те поры бранили всякою неподобною бранью, и ослопом в грудь торчма ударили, и грудь розшибли, и по бокам камением, держа в руках, и кулаки били...»³⁷.

Характерно, что первоначально Никона толпа намеревалась отвести в земскую избу к «изменнику твоему государеву к Ивашку Жоглову». Хорошо понимая, чем подобный «поход» может закончиться, Никон воспротивился. Он стал уговаривать, чтобы его «отпустили со кресты к Знамению пречистыя богородицы, что готовился я грешной святую литоргию служить, и оне едва на то преклонились (согласились. — *Авт.*). И я, богомолец твой, велел благовестить и собрався с соборными и с иными с невеликими священники одва добрел с великою нуждею до Знамения пречистыя богородицы. И тамо час, стоя и сидя, слушал и святую литоргию с великою нуждею и спехом служил и назад болен в санях взвалясь приволокся. И ныне лежу в конце живота и кашлею кровью и живот весь запух и чая себе скорой смерти святым маслом соборовался. А того не ведаю, надолго ли моего живота продолжитца и буду ли жив»³⁸.

Трудно судить о действительном состоянии Никона после избиения. Был ли он действительно так плох, что готовился к смерти, или, желая произвести впечатление на царское семейство, преувеличивал? Как известно, Никону не чужды были экстравагантные жесты: достаточно вспомнить о его бегстве с Анзера или историю с избранием в патриархи. Но ситуация действительно складывалась для Никона с неясным исходом.

К слову сказать, советские исследователи рассматривали стенания Никона по поводу побоев как доказательство его двоедушия и лицемерия³⁹. Понятно, что подобная оценка скорее диктовалась принятым в советской историографии отношением к высшим церковным иерархам. Но, думается, что интерпретация происшедшего в своих интересах (а она явно присутствует в послании Никона) в порядке вещей. Те же новгородцы в челобитной царю обвинили митрополита в том, что тот проклял всех жителей города, когда как в действительности Никон пропел анафему только «заводчикам» движения. Разница существенная. Шла «пропагандистская война», и противники в обращениях к царю, следуя законам жанра, старательно чернили противную сторону и обеляли свою. Те же новгородцы в своей челобитной уверяли, что Никон по наговору воеводы

³⁶ Мятёжное время. С. 98.

³⁷ В довершение Никон поведал царю о своем намеренье «посхимитца», что должно было окончательно убедить Алексея Михайловича в серьезности положения: схизму иноки стремились принять перед кончиной (*Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 336).

³⁸ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 292.

³⁹ *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 152.

Ф. Хилкова «нас по имяном и безымянно всех православных христиан всего Великого Новгорода всяких чинов людей проклинать велел... и назвал нас всех еретиками без твоего государева указу и без патреарша и безо всего освященного собора»⁴⁰.

По такому же принципу и Никон преувеличил свой «урон», хотя бы уже потому, что бунтовщики подняли руку на митрополита. Между тем после побоев Никон уже на второй день участвует в церковных службах. Это как-то мало вяжется с поставленным им самим диагнозом близкой смерти. Получается, «умирающий» все же был больше жив, чем мертв.

Избиение Никона должно было стать актом устрашения. Но Никон не испугался. Его крепкостояние сыграло свою роль в развитии событий. Если в Пскове движение развивалось по восходящей, то в Новгороде, не без усилий Никона, стало пробуксовывать. Участвующие в бунте испугались, сомневавшиеся засомневались еще сильнее. Колебания стал испытывать даже Жеглов, который искал возможность договориться с властью. Среди новгородцев поползли слухи, «что де Ивашко Жеглов и сам ныне каецца, что такую беду завел»⁴¹.

Одной из первых мер земских руководителей стала изоляция прежних властей. Они, правда, не решились по примеру псковичей арестовать воеводу и митрополита. Но воеводская власть в лице Хилкова пребывала в полном параличе. Не смирился лишь Никон. Однако его возможности в эти дни сводились в основном к увещанию. Он продолжал собирать у себя на дворе «добрых людей, которые слушали (Никона. — *Авт.*) и к дурну ни к какому не приставали». Увещание сопровождалось угощением. Стол оплачивал Никон, о чем он не преминул позднее упомянуть в послании царю⁴².

Однако одной духовной власти владыки оказалось недостаточно, чтобы прекратить волнения. Согласно донесениям шведов, новгородцы на все попытки Никона внести раскол в их среду отвечали, что среди них нет ни «воров», ни «плутов» и все делается по общему согласию⁴³. Так что, Никону нужны было искать аргументы повесомее словесных увещаний.

Жеглов с товарищами не упускали возможности предстать перед новгородцами всезнающими вождами, диктующими ход событий. Никон писал, что Жеглов с Федором Негодяевым «хвалятся перед многими людьми, что, де, у митрополита и у околничего ни делаетца, и мы, де, то все ведаем»⁴⁴. Был ли это намек на прежнее дело о колдовстве, за которое пострадали Негодяевы, сказать трудно. На самом деле свою информацию они получали, совершая страшное с точки зрения закона преступление, — вскрывали перехваченную переписку новгородских властей с Москвой. Мера, однако, была разумная, поскольку интерпретация событий под пером Хилкова и Никона ничего хорошего

⁴⁰ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 294.

⁴¹ Мятежное время. С. 100.

⁴² См.: *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 344.

⁴³ *Форстен Г. В.* Указ. соч. С. 217.

⁴⁴ Цит по: *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 21.

им не сулила. Подвергались контролю и послания из приказов, адресованные воеводе и митрополиту. Когда в конце марта приехавший из Москвы дворянин Яков Соловцов явился к Никону с запечатанными царскими грамотками, тот не смог скрыть удивления: «Диво де то, что он, Яков, проехал, а никого мимо земской избы к нему митрополиту и к окольничему (воеводе Хилкову) не пропускают»⁴⁵. Заметим, что в этом случае эмоции заслонили для Никона рациональное объяснение случившегося: московского посланника пропустили не по недосмотру, то был со стороны Жеглова знак готовности к компромиссу, о чем и поведал Соловцов. Оставшись с ним наедине, Жеглов будто бы принялся оправдываться: «То дело (т. е. бунт. — *Авт.*) не он учинил, а он де сидит неволею, взяли его из желез да и с чепо миром». При этом, продолжал оправдываться Жеглов, все могло быть много хуже, но он этого не допустил и «унял смертное убийство»⁴⁶. Бывший митрополичий дворецкий не лукавил. Он действительно опасался крайностей, что не мешало ему, как уже отмечалось, попытаться руками новгородцев свести счеты с Никоном.

В грамоте, привезенной Соловцовым, Никону было наказано продолжать уговаривать новгородцев, чтобы они «от дурна, престоли и... государю вину свою принесли». Был в послании пункт, сильно смущавший митрополита трудностью исполнения: раскаявшиеся новгородцы должны были «воров, меж себя сыскав», выдать властям. Никон понимал, что выдворенные за границы царского милосердия вожди движения, естественно, продолжают мутить воду, делая возложенную на него задачу просто невыполнимой. Тем не менее он попытался.

28 марта во время службы в Софии Никон призвал новгородцев покаяться и принести свои вины государю. В ответ раздались крики: «Мы, де, государю не виноваты. И вины, де, нам государю приносить не о чем». Попытка Никона прочесть царскую грамоту также не принесла успеха. Грамота была объявлена «непрямой», а Яков Соловцов, который ее привез, человеком «изменника» Морозова. Никону пришлось уговаривать горожан не убивать Соловцова, затем вызволять его из-под ареста и наскоро выпроваживать из города⁴⁷.

Бунт сделал Никона одной из главных фигур в новгородском противостоянии. Само его поведение разительно отличалось от того, что демонстрировали представители светских властей. Все, что ни предпринимал Никон, делалось им с уверенностью и твердостью. Из-за этого новгородцам постоянно приходилось убеждать самих себя, что правда за ними и то, что они творят, не «гиль» и не «скоп», а изобличение «государевых неслуг» и «изменников». Однако Никон под эту категорию никак не попадал. Его даже трудно было уличить в корыстолюбии и стяжании. Быть может, именно из-за этой неуязвимости Жеглову

⁴⁵ Мятёжное время. № 64.

⁴⁶ Цит. по: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 153–154.

⁴⁷ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 342–343. Соловцова, которого заподозрили, что он послан не от государя, собирались по «доброй» новгородской традиции даже скинуть с моста в Волхов. Жеглов потом станет уверять курьера, что это он спас его от смерти.

пришлось сосредоточить обвинение на незаконности отлучения новгородцев. Показательно, как в связи с этим интерпретировался факт избияния митрополита.

Эта интерпретация впервые прозвучала в новгородских челобитных, отправленных в Москву царю и патриарху. Последняя известна в изложении патриарха Иосифа, который обратился к новгородцам после ее прочтения с осуждением и наставлением. Похоже, что послание к Иосифу было даже радикальнее обращения к Алексею Михайловичу. Наслышанные о трениях между патриархом и митрополитом, челобитчики посчитали возможным придать своему обращению более резкую тональность. Никон, «умысля своим высокоумием и гордостью», 17 марта «о царском многолетии Бога не молил» и по наговору воеводы «проклял нас по имению и безимянно всяких чинов людей и называл он, митрополит, всех еретиками. И от того де митрополичья ложного проклятья и отписок в Великом Новгороде в мире всяких чинов людем учинилось смятение великое».

Логика челобитной предопределила объяснение якобы случившегося с Никоном удара во время службы в церкви Знамения на Ильиной улице, когда Никон стал ходить со свечою и произносить молитву: его при народе «обличило силою Божиею, будто ударило его недугом и всего роздробило, и учал быть болен и собою не владеть»⁴⁸.

Патриарх Иосиф не принял версию новгородцев. Он поддержал строгости Никона: «Наша должная о таковом деле стоять неподвижно и обличать и проклинать клятвопреступников — на то мы избраны». Одобрил Иосиф и Никоновское проклятие: «А что Никон митрополит проклинал крестопреступников воров и заводчиков, которые воровство завели, и то он учинил делом»⁴⁹.

Никону, конечно, нетрудно было доказать, что его «раздробило» не «Божье попущение», а кулаки и камни новгородцев. Он как раз и ставил себе в заслугу, что не испугался и прибегнул к радикальному средству, какое у него было, — к отлучению. В своей отписке Алексею Михайловичу от 1 мая он вновь напоминал о своем поступке: «...как то [проклятие] слышали Ивашковы товарищи, и от них отстали, и мне о том били челом, чтоб я их простил. И я их прощал».

Не меньшую свою заслугу Никон видит в том, что запретил под страхом отлучения прикладывать руку к «воровской записи», о чем даже разослал по церквям память. Выходец из низов, владыка хорошо знал, что такое круговая порука и как крепко она вяжет людей. Не допустить ее значило разорвать строй протестантов и посеять в их рядах разброд и неуверенность. Митрополичья память сработала. Многие уклонились от подписи. «И всякое худое дело у Иванка да Игнашка с товарищи, — похвалялся Никон, — моего ради постояния, разорвалось и в совершение не приходило»⁵⁰.

⁴⁸ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 214–215.

⁴⁹ Там же. С. 217.

⁵⁰ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 344. В ответ на действия митрополита «заводчики» прибегли к угрозам. Поскольку им особенно важно было продемонстрировать «единачество» с дворянами, именно по их адресу и раздавалась большая

Избиение Никона возмутило Алексея Михайловича. Мятежники осмелились поднять руку на царского богомольца! К этому инциденту второй Романов возвращался снова и снова. Когда в апреле в Москве появился посланник Жеглова Ф. Негодяев, царь распорядился допросить его особо. Для этого Б. И. Морозов отправил думному дьяку М. Ю. Волошенинову соответствующее указание: «Роспроси Фетьку, коим обычаем митрополиту скорбь учинилась — в церкви от их удару занемог или какая над ним скорбь учинилась? Роспрося подлинно, с тем же, государь, подьячим отпиши»⁵¹.

Негодяев не осмелился поддержать версию Жеглова про никоновское «раздробление» как наказание Божье. Он ответил уклончиво, ссылаясь на то, что не был свидетелем инцидента: когда его «худые люди» взяли и повели к земской избе и в то время митрополита будто бы били и камни бросали. Никон упросил отвести его «сходить за кресты к Знамению Пречистой Богородицы... и слышал де он, что в той службе, как учал митрополит кадити и осеняти свечами, и в то де время задрожал и хотел было упасть, и ево де поддерживали под руки и упасть не дали». А отчего задрожал — от болезни или что били, — «про то де он подлинно не ведает»⁵².

Сам Никон в эти дни по сути работал на два фронта: гасил новгородский пожар и одновременно повышал свой «рейтинг» в глазах Тишайшего. Так, в начале апреля он писал царю, что для пользы дела было бы лучше, чтобы его «переменили». Причина в том, что новгородцы настроены против него⁵³. Но Алексей Михайлович и слышать не желал об удалении митрополита. Напротив, он становился фигурой заглавной, с которой всем властям велено было советоваться по поводу бунта. Никон в данном случае напоминал о себе от обратного — попробуйте обойтись без него! Вообще же перечислять перед государем свои заслуги, причем нередко их преувеличивая, скорее норма, нежели исключение. По тогдашним понятиям, напомнить о себе и потребовать положенного в соответствии с местом, отечеством и чином, справедливо и даже обязательно. Никон не устоял перед этим искусом. «А только бы я о том не стоял — много бы хуже псковского было в Великом Новгороде», — утверждал в одном из поздних посланий, присваивая славу главного «утешителя» мятежа⁵⁴.

Надо заметить, что у Никона была еще одна причина напоминать о своих заслугах. Пытаясь скомпрометировать митрополита, не унимался Иван Жеглов. Учитывая видимую разницу в положении, это кажется почти невероятным. Однако Жеглов умел рисковать. Он вознамерился самолично явиться в Москву для оправдания. Но побег не удался из-за того, что на Волхове

часть угроз типа «кто руку к записи не приложит... их де велят побить и дома их розгрябят». После подавления бунта пострадавшие уверяли, что Жеглов принуждал подписать челобитную с пистолетом в руках (см.: Мятежное время. С. 85, 296).

⁵¹ Мятежное время. С. 210–211. № 81.

⁵² Там же. С. 211–212. № 82.

⁵³ Севастьянова С. К. Материалы... С. 26.

⁵⁴ Цит. по: Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 344–345.

«ледом реку забило» и переправа стала невозможной. Пришлось вернуться. Это не помешало Жеглову отправить грамотку посланному на подавление бунта боярину И. Н. Хованскому. Из грамотки видно, как собирался строить свою защиту Жеглов. Он писал, что Никон и Хилков «в мир пускают словесную речь с устрастием болшую, бутто ты, государь, в Великий Новгород едеш по их митрополичья и окольничего отпискам православных христиан вешать и пластать без сыску и без очных ставок. И теми, государь, они речми в миру чинят великое сумнение и смуту»⁵⁵.

Для Жеглова и его сторонников опорочить Никона значило оправдать самих себя. И они, по-видимому, знали, что делали: при царском дворе у Никона уже в это время хватало недоброжелателей. Так что митрополиту приходилось периодически опровергать возведенную на него небылицу. Никон даже посчитал, что после таких «ложных слов ты, де, государь, на меня, богомольца своего, кручинишься». Любопытно, что дало ему повод так думать: находясь с государем в постоянной пересылке, он в мае перестал получать царские письма. Молчание Тишайшего было воспринято им как опала вследствие ложных обвинений. Однако митрополит напрасно беспокоился. Задержка в пересылках объяснялась занятостью царя. Но не государственными делами, а охотой.

Все попытки скомпрометировать Никона оказались тщетными. Его заслуги в глазах Тишайшего были неоспоримы. Челобитчики получили жесткую отповедь, а их послания квалифицировали как «воровские письма»⁵⁶.

13 апреля Хованский вошел со своим отрядом в Новгород. Восстание было подавлено. «А ныне в твоей, государеве, отчине в Великом Новгороде... тихо. И всяких чинов люди тебе, государю, покорны», — писал Алексею Михайловичу Никон⁵⁷.

Никон встретил И. Н. Хованского настороженно, по-видимому, из-за опасения, что боярин попытается присвоить себе все заслуги в прекращении бунта. Но Хованский не стал оспаривать роль митрополита в прекращении бунта, и они очень быстро нашли общий язык. Когда же Москва, недовольная неспешным розыском, выговорила воеводе за медлительность, Никон вступился за Хованского. Он написал Алексею Михайловичу, что «боярин твоим государевым делом промышляет неоплошно». В заслугу Хованскому митрополит поставил и то, что тот следует его советам вести розыск «не вскоре, з большим розсмотрением, чтоб... сыскивалось впрямь... А вскоре было такова великого дела сыскати нельзе. А здеся, государь, ныне твоим государевым счастьем приходит дело в совершение работою твоего государева боярина князя Ивана Никитича Хованского, и работал тебе государю тихим обычаем для того, и не вдруг, чтоб в чем не ожесточилися»⁵⁸.

⁵⁵ Мятёжное время. С. 177, 191; Цит. по: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 165.

⁵⁶ Там же. С. 177–200.

⁵⁷ Там же. С. 201.

⁵⁸ Там же. С. 268.

Действительно, и митрополит, и боярин сошлись на том, что милосердием и мягкостью они достигнут большего, нежели жестокостью и казнями. Сотрудничество Никона и Хованского было в конце концов оценено в Москве. В адрес обоих последовали царские «милостивые слова». И разумеется, неслучайно через несколько лет они вместе отправятся на Соловки во главе посольства за мощами митрополита Филиппа. Боярин окажется покладист, а жесткий ригорист Никон по отношению к Хованскому — снисходительно терпелив.

В Москве первоначально намеревались преподать новгородцам предметный урок. Однако Никон воспротивился подобным планам. В отличие от московских политиков он чувствовал всю зыбкость примирения. К тому же непокоренным оставался Псков, с чем нельзя было не считаться. Роль миротворца взял на себя Никон. В дни бунта он позиционировал себя как взыскательный и бесстрашный пастырь, пытавшийся образумить заблудшую паству. Теперь он предстал перед новгородцами как заступник. Искренность подобной позиции Никона в советской историографии ставилась под сомнение. Его призыв к милосердию трактовался как трезвый расчет, рожденный страхом перед бунтовщиками. Но, вероятно, здесь было всего понемногу. И исполнение пастырского долга, когда «печаловаться» — заступаться и взывать к милосердию — было частью архиерейского служения. И ясное понимание момента.

Надо сказать, что в Москве вняли совету Никона не только потому, что советчик был так угоден Алексею Михайловичу. Были причины и повесомее. Раздувать протестный огонь жестокостью опасались, памятуя о недавних городских восстаниях, потрясших страну. Пристально следивший за происходящим шведский агент Эберс доносил в Стокгольм, что «в Москве далеко неспокойно»⁵⁹.

События в Новгороде и Пскове побудили власти к созыву Земского собора, на котором было принято решение послать «для уговору пскович» посольство. 1 августа земские выборные во главе с коломенским епископом Рафаилом прибыли в Новгород. Посольство было уполномочено от имени Земского собора объявить псковичам, что в случае покаяния они будут прощены, «опричь четырех человек пуших воров». Никон в ответ спешит предупредить царя: ему известно, что восставшие под страхом клятвы обещали «друг друга не подать и стоять за одно». Воры же те во Пскове «владельтельны» и их «во всем псковские воры слушают, не здадутца и вины своей... не принесут». К слову сказать, мятежный Псков не спешил следовать призыву Никона покаяться по примеру новгородцев: «Полно де ему митрополиту и того, что де он Новгород обманул, а мы де не новгородцы, челобитных де нам повинных ко государю не посыловать»⁶⁰.

Отповедь псковичей не была случайной. Они изначально действовали много решительнее новгородцев. Иные в своем радикализме посягали даже

⁵⁹ Фостерн Г. В. Указ. соч. С. 220.

⁶⁰ Цит. по: Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 65–66.

на самого царя. «...Хотя бы и сам государь был под городом Псковом, и то бы (ему) пульку в брюхо ввязили», — грозились они по адресу Тишайшего⁶¹. Подобные высказывания, конечно, не были типичны: мятежники крепко надеялись на государеву милость и признание правоты их «мирской правды».

К осени 1650 г. положение вокруг Пскова осложнялось. Никон писал в Москву, что из-за действия шишей многие дворяне и дети боярские «посечены», их села и деревни пограблены и пожжены, ратные люди «подо Псковом и по дорогам от псковских воров побиты». Митрополит настоятельно советовал проявить гибкость, «пущих четырех воров» простить, «вместо смерти живот дать»; если не пойти на уступки, Пскова не взять, «а которые люди подо Псковом и тех будет и достальных потерять». Никон в очередной раз напоминает, что милосердие уже дало свои плоды в Новгороде: «А я, богомолец твой, уговаривая новгородцев, дал им свое слово, что тебе, государю, за их вину бити челом, и того ради твоей государеве отчине Великому Новгороду и твоей государеве казне убытку и людем поруки никаковы не учинилось. Да и вперед бы мне... о всяких твоих государевых делах говорити с новгородцы надежно и постоянно»⁶².

Переговоры земского посольства в Пскове и начавшаяся блокада города в конечном итоге сломили псковичей. Они изъявили готовность повиниться и в доказательство освободили всех задержанных, включая воевод и дворян. Еще ранее был освобожден сидевший на цепи архиепископ Макарий. «А которые деи есть немногие люди пошумливают, и тем воли не дают», — отмечали свидетели⁶³.

Никон напрямую не участвовал в Псковских событиях. Но к подавлению бунта был причастен. Население обоих городов жадно ловило известия о происходящем у соседей. Когда Псков проявлял строптивость, то и в Новгороде поднимала голову «радикальная партия». Когда же здесь все было кончено, то и псковичи пребывали в унынии. Никон немало сделал для подавления Новгородского восстания и, таким образом, косвенно повлиял на судьбу псковского выступления.

Обращает на себя внимание активность Никона. Получив право «государево дело ведать», он выступает первым номером в общении с новгородцами, дает им обещание вступить за них перед государем и, по сути, требует от Алексея Михайловича, чтобы ему не мешали это обещание сдержать. Конечно, перед нами случай экстраординарный, рожденный мятежом. Но показательны намерения митрополита и тот стиль общения, включая его общение с государем, который он усваивает.

Новгородские события обогатили историю общения Алексея Михайловича и Никона еще одной любопытной страницей. Речь идет о видении, случившемся с Никоном накануне избиения 18 марта. Никон собственноручно описал его

⁶¹ Цит. по: Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. С. 114.

⁶² Мятежное время. С. 275–276.

⁶³ Там же. С. 291, 292.

в письме царю. Случилось все во время заутрени в Софии и связано со списком особо почитаемой иконы «Спас Златая Риза». «И се внезапно я, богомолец ваш, — пишет Никон, — стоя на своем месте, увидел венец царский на воздухе злат над Спасовою главою. И помалу тот венец стал приближаться ко мне, и я, богомолец ваш, от великого страху, аки забылся, точию своим очима на тот венец смотрю и свещу пред Спасовым образом, как горит, вижу. И то в разуме помыслил, как тот венец движится, и то в памяти есть, что тот венец собою двигся, и пришед стал на моей главе грешной. И аз мало от великого того страха пременился, чая чювственно и обоими руками на своей главе осязал, и от того времени тот венец невидим бысть. И пришед из церкви от заутрени и твоему государеву околничему и воеводе князь Федору Андреевичу и дьяком и домашним своим такое страшное видение сказывал, и от того времени почал ожидать иного себе посещения...»⁶⁴.

Видения наяву или в тонком сне — неотъемлемая часть религиозности человека Средневековья. При этом увидевший если и сомневается, то, скорее, не в провидческом характере видения, а в том, могло ли оно явиться к тому, кто объявляет о нем. В конечном счете видения — удел избранных. А в повествовании Никона не просто избранничество, а его избранничество.

В интерпретации Никона случившееся — пророчество о мученическом венце, страдании за Правду, которое, однако, не оттолкнет Никона от намерения отстаивать ее до конца. Вместе с тем пророчество сбылось: именно на следующий день он примет мученичество, но не отступит.

Надо сказать, что Алексей Михайлович был впечатлен признаниями митрополита: «...Камнем и кольем забит насмерть ради тебя!»⁶⁵ Такое запоминается. Особенно если подтверждается. Случившееся, на наш взгляд, приоткрывает одну из тайн влияния Никона: для второго Романова Никон не просто советчик и «государев богомолец». Связь крепче: он — избранник, посланный свыше. Пока он рядом — быть ему и его православному царству в благочестии и славе.

Заключение. Новгородская эпопея много добавила Никону. Он предстал в новом свете: не просто неутомимый царский богомолец, чьи молитвы доходят до Бога, а энергичный, сильный архиерей, способный настоять на своем и вразумить неразумных. Он оказался посредником и миротворцем между властью и бунтующим «миром». Он урезонивал, вразумлял, наставлял, подавлял и просил о милости. Пока в масштабе одного города, но уже чувствовалось — может и большее.

Когда в декабре 1650 г., спустя несколько месяцев по окончании волнений, Никон приехал в Москву, то он был принят Алексеем Михайловичем «якова инем владыкам новгородским, прежде бывшим, таковые великие чести не бысть, яко же ему»⁶⁶. Царь от избытка чувств одарил подарками не только

⁶⁴ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 291–292.

⁶⁵ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие... С. 441.

⁶⁶ Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 289.

«собинного друга», но и его соборных служащих. Таким образом, 475 верст между Москвой и Новгородом не только не охладили царскую привязанность, а только укрепили ее, предопределив дальнейшее возвышение Никона в патриархи.

Литература

1. Андреев И. Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20-40-е годы XVII века // История СССР. 1990. № 5. С. 77–88.
2. Варенцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII в. Л.: Лениздат, 1991. 155 с.
3. Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. Сборник статей к 70-летию Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 70–96.
4. Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии // Избранные труды: в 5 т. Т. 4. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 485 с.
5. Коваленко Г. М. Адольф Эберс о Новгородском восстании 1650 г. // Изучение истории и культуры Новгородской земли: тезисы докладов научной конференции (Новгород, 12 декабря 1986 г.). Новгород: Новгородский государственный педагогический институт, 1987. С. 39–42.
6. Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 334 с.
7. Мятежное время: Следственное дело о Новгородском восстании 1650 года / сост. Г. М. Коваленко, Т. А. Лаптева, Т. Ю. Соловьева. СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. 502 с.
8. Панях В. М. Новые материалы о Новгородском восстании 1650 года // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 83–90.
9. Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 518 с.
10. Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.
11. Тимошина Л. А. Новая публикация документов о Новгородском восстании 1650 г. // Очерки феодальной России. М.: Едиториал УРСС, 2002. Вып. 6. С. 270–298.
12. Тихомиров М. Н. Новгородское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 139–169.
13. Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 23–138.

References

1. Andreev I. L. «Sil'nye liudi» Moskovskogo gosudarstva i bor'ba dvorian s nimi v 20–40-e gody XVII veka [“Strong men” of the Moscow state and the struggle of the nobility against them in the 20–40s of the 16th century] // Istoriia SSSR [History of the USSR]. 1990. № 5. P. 77–88. (In Russ.).
2. Varentsov V. A., Kovalenko G. M. Khronika «buntashnogo» veka. Ocherki istorii Novgoroda XVII v. [Chronicle of the “rebellious” century. Essays on the history of Novgorod in the 17th century]. Leningrad: Lenizdat, 1991. 155 p. (In Russ.).

3. Vodarsky Ya. E. Tserkovnye organizatsii i ikh krepostnye krest'iane vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v. [Church organizations and their serfs in the second half of the 17th – early 18th centuries] // Istoricheskaiia geografiia Rossii. XII – nachalo XX v. Sbornik statei k 70-letiiu L. G. Beskrovnoho [Historical geography of Russia. 12th – early 20th century. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of L. G. Beskrovny]. Moscow: Nauka, 1975. P. 70–96. (In Russ.).
4. Grekov B. D. Novgorodskii dom Sviatoi Sofii [Novgorod house of St. Sophia] // Izbrannye Trudy [Selected works]: in 5 vols. Vol. 4. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 485 p. (In Russ.).
5. Kovalenko G. M. Adol'f Ebers o Novgorodskom vosstanii 1650 g. [Adolf Ebers on the Novgorod uprising of 1650] // Izuchenie istorii i kul'tury Novgorodskoi zemli: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Novgorod, 12 dekabria 1986 g.) [Study of the history and culture of the Novgorod land: abstracts of the scientific conference (Novgorod, December 12, 1986)]. Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1987. P. 39–42. (In Russ.).
6. Lyapin D. A. Tsarskii mech: sotsial'no-politicheskaiia bor'ba v Rossii v seredine XVII veka [The Tsar's sword: the socio-political struggle in Russia in the mid-17th century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. 334 p. (In Russ.).
7. Miatezhnoe vremia: Sledstvennoe delo o Novgorodskom vosstanii 1650 goda [Rebellious time: Investigative case of the Novgorod uprising of 1650] / comp. G. M. Kovalenko, T. A. Lapteva, T. Y. Solovyova. St. Petersburg, Kishinev: Nestor-Historia. 2001. 502 p. (In Russ.).
8. Paneyakh V. M. Novye materialy o Novgorodskom vosstanii 1650 goda [New materials on the Novgorod uprising of 1650] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1981. № 2. P. 83–90. (In Russ.).
9. Sevastyanova S. K. Materialy k «Letopisi zhizni i literaturnoi deiatel'nosti patriarkha Nikona» [Materials for the “Chronicle of the life and literary work of Patriarch Nikon”]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. 518 p. (In Russ.).
10. Sevastyanova S. K. Epistoliarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty [Epistolary legacy of Patriarch Nikon. Correspondence with contemporaries: research and texts]. Moscow: Indrik, 2007. 776 p. (In Russ.).
11. Timoshina L. A. Novaia publikatsiia dokumentov o Novgorodskom vosstanii 1650 g. [New publication of documents on the Novgorod uprising of 1650] // Ocherki feodal'noi Rossii [Essays on feudal Russia]. Moscow: Editorial URSS, 2002. Issue 6. P. 270–298. (In Russ.).
12. Tikhomirov M. N. Novgorodskoe vosstanie 1650 g. [Novgorod uprising of 1650] // Tikhomirov M. N. Klassovaia bor'ba v Rossii XVII v. [The class struggle in Russia of the 17th century]. Moscow: Nauka, 1969. P. 139–169. (In Russ.).
13. Tikhomirov M. N. Pskovskoe vosstanie 1650 g. [Pskov uprising of 1650] // Tikhomirov M. N. Klassovaia bor'ba v Rossii XVII v. [The class struggle in Russia of the 17th century]. Moscow: Nauka, 1969. P. 23–138. (In Russ.).

Научная статья

УДК 908

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-28-47

Селезнев Федор Александрович

доктор исторических наук, профессор

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

fsелезнев@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0934-3312

Аксянова Ольга Владиславовна

Нижегородский государственный

историко-архитектурный музей-заповедник

Нижний Новгород, Россия

aksyanova.ov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7931-8799

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСКИМ СКИТАМ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (1825–1855)

Аннотация. Авторы рассматривают формирование и реализацию государственной политики по отношению к старообрядческим скитам на реке Керженец в эпоху царствования Николая I. В качестве источников привлечены законодательные акты и материалы официального делопроизводства. По мнению авторов, пример Нижегородской губернии показывает, что в эпоху Николая I не существовало единой скоординированной программы действий государства и церкви по ликвидации старообрядческих скитов. Правительственные распоряжения возникали как реакция на предложения с мест и носили локальный характер. Инициатором активизации борьбы со старообрядческими скитами выступил архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иаков (Вечерков). Его деятельным помощником выступил чиновник по особым поручениям П. И. Мельников. Губернатор М. А. Урусов покровительствовал старообрядцам. При попустительстве губернских и полицейских чиновников способ реализации правительственных мер на местах был максимально мягким по отношению к скитам. Самые значимые керженские скиты — Оленевский, Комаровский, Улангерский, Чернухинский — пережили эпоху Николая I.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядческие скиты, Российская империя, история России, Николай I, П. И. Мельников, Нижегородская губерния.

Для цитирования: Селезнев Ф. А., Аксянова О. В. Государственная политика по отношению к старообрядческим скитам и ее осуществление в Нижегородской губернии (1825–1855) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 28–47. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-28-47>

Original article

UDC 908

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-28-47

Seleznev Fedor A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Lobachevsky University

Nizhny Novgorod, Russia

fseleznev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0934-3312

Aksyanova Olga V.

Nizhny Novgorod State Reserve

Museum of History and Architecture

Nizhny Novgorod, Russia

aksyanova.ov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7931-8799

STATE POLICY TOWARD OLD BELIEVER HERMITAGES AND ITS IMPLEMENTATION IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE (1825–1855)

Abstract. The authors examine the formation and implementation of state policy toward Old Believer hermitages on the Kerzhenets River during the reign of Nicholas I. Legislative acts and official administrative documents serve as the primary sources. The authors argue that the case of Nizhny Novgorod Province demonstrates the absence of a unified, coordinated program between the state and the Church for the elimination of Old Believer hermitages under Nicholas I. Government directives emerged in response to local initiatives and were limited in scope. The main proponent of the crackdown on Old Believer hermitages was Archbishop Iakov (Vecherkov) of Nizhny Novgorod and Arzamas. He was actively supported by special assignments official P. I. Melnikov. Meanwhile, Governor M. A. Urusov favored the Old Believers. Due to the leniency of provincial and police officials, the enforcement of government measures was notably mild. The most prominent Kerzhenets hermitages — Olenevsky, Komarovsky, Ulangersky, and Chernukhinsky — survived the Nicholas I era.

Keywords: Old Believers, Old Believer hermitages, Russian Empire, Russian history, Nicholas I, P. I. Melnikov, Nizhny Novgorod province.

For citation: Seleznev F. A., Aksyanova O. V. State policy toward old believer hermitages and its implementation in Nizhniy Novgorod province (1825–1855) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 28–47. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-28-47>

Введение. Известный старообрядческий публицист Ф. Е. Мельников (1874–1960) охарактеризовал эпоху Николая I как «мрачную и грозную для старообрядчества»¹. Однако кто был инициатором гонений против приверженцев староверия, происходивших в правление

¹ Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 166.

этого императора? Сам царь или кто-то из его окружения? С какой целью проводились указанные акции? Каков был механизм репрессий, и насколько эффективно их осуществляли местные власти? Какова была роль при этом духовенства главенствующей церкви? На все эти важные для истории старообрядчества вопросы в научной литературе пока нет однозначных и обоснованных ответов.

Ф. Е. Мельников главным недругом старообрядцев считал лично Николая I, «миссионера на царском троне», стремившегося обратить раскольников в единоверие². Однако А. В. Апанасенок полагает, что переход к консервативно-охранительной политике, «имевший весьма ощутимые последствия для жизни старообрядцев», наметился еще в конце правления Александра I. Правда, он соглашается с тем, что «кардинальное изменение вектора государственной политики» в отношении старообрядцев произошло все-таки при Николае I, но связывает названный поворот не с личными амбициями монарха, а с тем, что власть во второй четверти XIX в., после кодификации законов, приобрела характер «правомерной бюрократической монархии». И коль скоро раскол по-прежнему оставался за рамками правового поля, выходявшие при Николае I акты были направлены на то, чтобы «максимально ограничить его публичные проявления»³. В данной статье эта проблема рассматривается на примере политики государства по отношению к старообрядческим скитам в эпоху Николая I.

Ход и результаты исследования. В. И. Даль характеризовал старообрядческие скиты как «раскольниковы монастыри», которые «строились втихомолку, исподволь»⁴. Исходя из этого понимания, в литературе внутреннее устройство скитов часто сближают с порядком, существовавшим в православных монастырях. Так, в описании И. И. Верняева все скитское движимое и недвижимое имущество находилось в руках одного человека — настоятеля или настоятельницы, которые получали это звание в ходе выборов или по завещанию от предыдущих управляющих. При этом настоятель, как и в православных монастырях, определял по своему усмотрению каждому жителю скита келью, предоставляя только право проживания⁵.

Однако, судя по документам, скит представлял собой не монастырь, а селение, не имевшее единого начальника (начальницы). Как и любая деревня, скит состоял из отдельных домохозяйств. Эти большие жилые помещения назывались обителями. Каждая обитель состояла из нескольких келий с общей крышей и сенями. Внутри обители (очень редко отдельно, рядом с ней)

² Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. С. 166–167.

³ Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX в. Курск, 2014. С. 130–131.

⁴ Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / авт.-сост. В. И. Даль. 2-е изд. СПб., 1882. Т. 4. С. 201.

⁵ Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017. С. 401.

имелась моленная. Обители назывались по имени хозяйки (хозяина) избы. Например, Манефина обитель, Глафирина обитель, Капитолинина обитель. Хозяйка юридически являлась собственницей всех строений обители, официально — просто жилого дома⁶.

Такие дома могли передаваться от одного родственника к другому. Например, Таисина обитель досталась «мещанской девке Ярославской губернии города Романово-Борисоглебска Федосье Егоровой Медниковой после умершей родной сестры Татьяны Егоровой»⁷. Но подобные случаи были редки. Обычно дома наследовались не по принципу родства. Определяющее значение, по-видимому, имело решение общины.

Абсолютное большинство обителей и, соответственно, скитов были женскими. В них временно проживало немало молодых девушек-мирянок. В. Ф. Соколова в этой связи цитирует жалобу священника с. Пафнутово Самсона Тихонравова епископу Нижегородскому и Арзамасскому на то, что жители сел Ронжино, Елфимово, Васильево отдают своих дочерей на жительство в Комаровский скит. Исследовательница делает вывод о том, что скиты таким образом приобретали значение «старообрядческих пансионатов»⁸. Целью пребывания девушек в скитах было их обучение домашнему хозяйству и воспитание в духе старообрядческого благочестия.

П. И. Мельников подробно исследовал динамику развития керженских скитов в XVII–XVIII вв.⁹ Не говоря об этом прямо, он, по сути, соотносит увеличение или уменьшение числа скитов с изменениями правительственной политики по отношению к старообрядцам — репрессивной при Петре I и благожелательной при Екатерине II.

Уточнение в эту схему можно внести, исходя из выводов, сделанных А. В. Морохиным при изучении истории старообрядчества в царствование Елизаветы Петровны. Именно тогда, а не при Екатерине, согласно данным этого исследователя, началось возрождение заволжских скитов, вопреки политике Елизаветы, не отличавшейся веротерпимостью и направленной на усиление мер борьбы с раскольниками. «Но практические результаты этих мер зависели от деятельности властей», — делает вывод А. В. Морохин¹⁰.

Автор имел в виду нижегородское епархиальное начальство, внимание которого к проблеме раскола после кончины Питирима ослабело. Церковь

⁶ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 20.

⁷ Там же.

⁸ Соколова В. Ф. Нравственное состояние и экономическое положение нижегородских старообрядцев XIX в. (по материалам научных и художественных исследований П. И. Мельникова-Печерского) // Старообрядчество: история, культура, современность. 2000. Вып. 8. С. 21.

⁹ Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IX. Ч. 1. Н. Новгород, 1910. С. 107, 111.

¹⁰ Морохин А. В. Заволжские старообрядческие скиты в 40–50 гг. XVIII века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. трудов. Н. Новгород, 2001. С. 145.

«большее значение стала придавать миссионерской деятельности среди языческих народов Поволжья»; в этих условиях и «начинается возрождение старообрядческих скитов в Заволжье»¹¹.

На основе исследования А. В. Морохина можно сделать вывод о том, что императрица Елизавета и ее окружение давали общие установки государственной политики по отношению к старообрядчеству, но не следили внимательно за их осуществлением. Таким образом, эффективность правительственной политики по отношению к раскольничьим скитам при Елизавете зависела преимущественно от позиции местных церковных властей. Светская же администрация губернского уровня самостоятельной роли в этом вопросе не играла.

В эпоху Екатерины II верховная власть более пристально наблюдала за ситуацией на местах, проводя в целом покровительственную по отношению к старообрядцам политику¹². Александр I по отношению к старообрядческим скитам следовал линии Екатерины II. Более того, он даже побывал в одном из них. В 1824 г., путешествуя по Уралу, император посетил старообрядческую часовню в ските на озере Шарташ около Екатеринбурга¹³.

В результате политики Екатерины II и Александра I, делает вывод историк И. А. Мельников, «появилась тенденция легализации старообрядческих центров»¹⁴. Они стали полулегальными, или, употребляя терминологию того времени, гласными¹⁵.

Суда по данным, имеющимся в литературе, на протяжении большей части правления Николая I в положение скитов никаких существенных изменений не произошло. Негласные раскольничьи монастыри в конце 1830 – начале 1850-х гг. успешно действовали в Новгородской губернии¹⁶. Скитская жизнь продолжалась на Урале, причем об этом знали екатеринбургские архиереи¹⁷. В Саратовской губернии легально действовали возникшие при Екатерине II на реке Большой Ирғиз так называемые Ирғизские старообрядческие монастыри. Их настоятели были наделены правами сельских старост и в этом качестве с 1828 г. официально подчинялись казенной палате и находились под контролем губернатора.

¹¹ Морохин А. В. Заволжские старообрядческие скиты...

¹² Ибнеева Г. В. Императрица Екатерина II и старообрядческое население Нижегородского края // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. трудов. М., 2010. Вып. 4. С. 64–79.

¹³ К 200-летию пребывания Александра I в Екатеринбурге (к истории вопроса) / В. Н. Синько и др. // Право и управление. 2024. № 12. С. 430.

¹⁴ Мельников И. А. Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии во второй половине XVIII – XIX вв. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1060.

¹⁵ Белобородов С. А. О типологии старообрядческих скитов на Урале // Церковь. Богословие. История. Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Екатеринбург, 2015. С. 55.

¹⁶ Мельников И. А. Указ. соч. С. 1061–1065.

¹⁷ Белобородов С. А. Указ. соч. С. 55–56.

Правда, положение Иргизских монастырей резко ухудшилось, когда в 1826 г. должность саратовского губернатора занял князь А. Б. Голицын. Он, во многом под воздействием местного епископа Ириней (Нестеровича), отправил в МВД проект по лишению старообрядцев всех вольностей, дарованных им в предыдущие царствования, и путем угроз добился в 1829 г. присоединения одного из Иргизских монастырей к единоверию. Но, как признал даже С. А. Зеньковский, в общем критически настроенный к Николаю I, князь Голицын действовал по собственной инициативе, а не по приказанию свыше. Царь же повелел прекратить начатое преследование раскольников, ограничившись исполнением общих законов¹⁸. Добавим, что в 1830 г. Голицын был лишен губернаторского поста.

В 1836 г. Николай I, беседа с новым саратовским губернатором А. П. Степановым, пообещавшим монарху привести старообрядцев «к одному знаменателю», сказал в ответ: «Без сильных мер; надо действовать осторожно и не раздражать». Но Степанов, с одной стороны, уяснивший для себя, что царь находит оптимальным решением проблемы Иргизских монастырей их присоединение к единоверию, а с другой — попавший под влияние убежденного борца с расколом, епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова), стал действовать резко и жестко. Он написал письмо министру внутренних дел Д. Н. Блудову о том, что нужно «спешить с исполнением высочайшей воли». На основании этого письма Секретный комитет по делам о расколе в 1836 г. принял решение о присоединении следующего Иргизского монастыря к единоверию. Постановление комитета было утверждено императором. Уведомление об этом было доведено до губернатора Степанова и (по линии Синода) до епископа Иакова. Местные власти немедленно приступили к выполнению теперь уже официально выраженной воли монарха, для чего в 1837 г. пришлось применять военную силу. Это вызвало недовольство Николая I и выговор со стороны министра внутренних дел Блудова¹⁹.

Губернатор Степанов лишился должности. Но епископ Иаков остался на месте и методично воздействовал на его преемников. Так, Иаков выступал «постоянным и даже фанатичным оппонентом» губернатора А. М. Фадеева в вопросах, связанных с борьбой с расколом²⁰. И тому приходилось уступать. Под влиянием епископа Фадеев с самого приезда в Саратов оказался лично вовлечен в процесс перехода насельников Иргизских монастырей в единоверие, что в конце концов обеспечило успех этого мероприятия²¹.

¹⁸ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М., 2009. С. 417–418.

¹⁹ Рыков Ю. Д. Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. трудов. М., 1999. Вып. 4. С. 303–304.

²⁰ Клейтман А. Л. Рукописное наследие епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова) в российских архивах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 112.

²¹ Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Одесса, 1897. С. 159.

Однако главную роль в присоединении Иргизских монастырей к единоверию сыграл епископ Иаков²². На волне этого успеха в 1847 г. он был переведен в Нижегородскую губернию.

Вскоре после своего прибытия в Нижний Новгород Иаков направил губернатору М. А. Урусову официальный запрос о том, «на каком основании находящиеся в Нижегородской губернии раскольничьи скиты пишутся деревнями»²³. Губернатор в ответ сослался на решение Министерства государственных имуществ.

Оказалось, что, согласно предписанию министра государственных имуществ П. Д. Киселева от 28 ноября 1838 г., находящиеся в Семеновском уезде скиты были переименованы в деревни²⁴. Тем самым снимались проблемы, связанные с незаконностью их существования и статусом их насельников, превращавшихся в обычных крестьян. Это вызвало недоумение Иакова. Но в официальных нижегородских документах скиты и далее фигурировали как деревни, обители — как крестьянские дома, а их насельники — как крестьяне. Название «скит» используется реже и только как уточнение. Так, в деле от 20 сентября 1848 г. место проживания настоятельницы Шарпанского скита Анны Ивановой обозначено как «деревня Шарпан (скит тоже)». Сама она названа крестьянкой²⁵. В деле по рапорту семеновского исправника об отправившихся в Москву для сбора подаяний жительницах раскольнических скитов от 6 февраля 1849 г. Комаровский скит назван деревней Комарово²⁶.

Таким образом, для властей скиты остались деревнями, несмотря на недовольство Иакова. Как видим, новому нижегородскому епископу не удалось добиться эффективного взаимодействия с М. А. Урусовым, как это у него получилось с саратовским губернатором А. М. Фадеевым.

М. А. Урусов же дистанцировался от вопроса борьбы со старообрядцами, с которыми связывал осуществление важных для себя проектов. Он ограничился тем, что поручил помогать Иакову своему чиновнику для особых поручений П. И. Мельникову.

Этот известный в будущем писатель был назначен чиновником особых поручений при нижегородском военном губернаторе 8 апреля 1847 г.²⁷ В течение трех лет нахождения на указанной должности он исполнил 87 поручений, большинство из которых имели секретный статус²⁸. При этом значительная

²² Наумлюк А. А. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратовско-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. С. 18.

²³ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 1562. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Оп. 6. Д. 419 Л. 16.

²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 2634 Л. 1.

²⁷ Усов П. С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб.; М., 1897. Т. 1. С. 92.

²⁸ Там же. С. 95.

часть поручений, выполненных Мельниковым, заключалась в проведении расследований по делам, касавшимся старообрядцев²⁹.

С самого начала П. И. Мельников вел их в тесном взаимодействии с епископом Иаковом. Они быстро сошлись на почве общего интереса к истории и приступили к обращению старообрядцев в единоверие. Для этого в 1847 г. они стали вместе ездить по лесному Заволжью. Иаков увещевал староверов, а П. И. Мельников сопровождал епископа³⁰.

В это время власти проявляли повышенное внимание к приверженцам старой веры, которые в 1846 г. обзавелись собственным митрополитом. Центр митрополии (Белая Криница) располагался за границей — на Буковине (Австрийская империя). Это вызвало возмущение и тревогу Николая I³¹. 13 мая 1847 г. царь повелел министру внутренних дел при содействии шефа жандармов принять срочные меры к прекращению сношений российских старообрядцев с буковинскими раскольниками³². Особое внимание было уделено старообрядцам Черниговской губернии, наиболее близким к границе. Царь взял положение в раскольничьих слободах Черниговской губернии под личный контроль. Там надлежало наладить учет раскольников. 3 апреля 1848 г. Николай I определил к черниговскому гражданскому губернатору двух чиновников особых поручений «для дел раскольничьих» с жалованием 500 рублей каждому³³.

Министр внутренних дел Л. А. Перовский принял аналогичные меры в отношении старообрядцев Нижегородской губернии. Решено было узнать их точную численность и определить, где они живут. 12 мая 1848 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский возложил эту задачу на своего чиновника особых поручений В. А. Алябьева (1784–1857). Ему предписывалось «осмотреть по Нижегородской губернии находящиеся в оной раскольнические скиты и моленные, и составить подробные о них сведения» по образцу описания скитов в Черниговской губернии³⁴.

Пожилой чиновник не торопился ехать в Нижний Новгород. Он прибыл туда только 5 сентября 1848 г. В Нижнем Алябьев обратился к губернатору Урусову с просьбой о содействии в сборе сведений относительно раскольнических скитов Семеновского уезда. Представителя МВД прежде всего интересовали описи каждого «строения и другого недвижимого имущества, если таковые имеются, с объяснением: каким образом сие последнее приобретено в собственность скита», а также «документы на право владения», с которых следовало списать копии. Кроме того, надлежало сделать «описи икон и книг, находящихся в моленных», скрепив их подписями настоятелей и настоятельниц обителей. Помимо этого,

²⁹ Селезнев Ф. А. Особые поручения чиновника Мельникова: Писатель Андрей Печерский на государственной службе // Родина. 2014. № 2. С. 37–40.

³⁰ Мельников П. И. Указ. соч. С. 144–145.

³¹ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 471, 474.

³² Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 378.

³³ Там же. С. 396.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 69.

требовалось составить именные списки раскольников, проживающих в скитах, «как жительствовавших в оных до того времени, когда скиты были переименованы в деревни, так и тех, которые после того водворились на жительство в означенных скитах, и все ли эти раскольники имеют узаконенные виды»³⁵.

М. А. Урусов 16 сентября 1848 г. уведомил Алябьева, что сбор всех этих сведений возложен на состоящего при нем старшего чиновника особых поручений Мельникова. Распоряжением губернатора П. И. Мельников был прикомандирован в помощь Алябьеву. 10 декабря 1848 г. Мельников доставил Алябьеву необходимые сведения. В рапорте министру внутренних дел от 26 февраля 1849 г. Алябьев доложил, что при личном осмотре раскольниковских скитов в Семеновском уезде все сведения Мельникова «по проверке мною на местах оказались совершенно верными»³⁶.

Таким образом, Алябьев сам побывал в скитах. Есть сведения, что в декабре 1848 г. П. И. Мельников провез Алябьева по семи из них³⁷.

На основе полученных сведений Алябьев предложил разделить выявленные раскольниковские скиты на классы: «первый состоит из главных скитов по количеству живущих в них раскольников обоего пола, по влиянию и по известности оных»; второй класс менее значителен, а «третий заключается в малых скитах». По этой классификации к первому классу Алябьевым были отнесены скиты «Комаровский в коем считается жителей раскольников 300 душ, Оленевский 295, и Улангерский 95 душ обоего пола» (все — поповцы). Вторым класс составляли скиты Фундриковский (44 жителя), Шарпанский (41 житель), Гордеевский (49 жителей), Осинковский (40 жителей), и Чернухинский (34 души) — все поповские (кроме Осиновского — Спасова согласия). В третьем классе, по Алябьеву, значились скиты Пуриховский (34 жителя, поповцы), Липовский (22 жителя, Поморское согласие), Прудовский (17 жителей, поповцы), Крутов-ражский (14 жителей, поповцы), Быстренский (12 жителей, поповцы и Спасово согласие), Кошелевский (10 жителей, поповцы), Керженский, или Благовещенский (10 жителей, поповцы, а потом единовверцы), Ворошиловский (7 жителей, Спасово согласие), Федосеевский (6 жителей, поповцы), Малиновский (5 жителей, поповцы) и Муховатовский (две души, Спасово согласие)³⁸.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 69 об., 70, 70 об.

³⁶ Формулярный список о службе П. И. Мельникова // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IX. В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. I. С. 88; ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 70 об. — 71 об.

³⁷ Пивоварова Н. В. Скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии и П. И. Мельников (По материалам Российского государственного исторического архива) // Старообрядец. 2002. № 25. С. 15.

³⁸ ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 71–73.

Никакой информации, способной вызвать гнев или тревогу монарха Алябьев наверх не отправил. Наоборот, его сведения носили, скорее, успокаивающий характер. «Вновь устроенных моленных не имеется, и чтобы образные горницы у раскольников по безпоповщине заключали в себе настоящие моленные не замечено», — докладывал Алябьев министру внутренних дел в рапорте от 5 марта 1849 года³⁹.

Правда, Алябьев указал на наличие в скитах жителей, чье пребывание там не было никак зафиксировано официально. В этой связи в своем отчете министру он отметил, что обращение скитских раскольников в единоверие (что считалось оптимальным решением проблемы) возможно только при условии очистки скитов «от наброда безпаспортных, то есть людей, не приписанных к ним по ревизии»⁴⁰.

В отличие от Алябьева П. И. Мельников полагал, что к обращению Семёновских скитов в единоверие можно приступить прямо сейчас. Формально Павел Иванович выполнял поручение губернатора М. А. Урусова⁴¹. Но есть все основания полагать, что вдохновителем поездок П. И. Мельникова летом 1848 г. был епископ Иаков. С его благословения Павел Иванович, как он сам с гордостью вспоминал, «вступил в полемические споры с раскольниками Керженских скитов, и главнейший из них Керженский мужской и Осиновский женский, обратил к единоверию...»⁴².

Под Керженским мужским имеется в виду Благовещенский скит, основанный в 1814 г. на правом берегу Керженца иноком Тарасием. Самого Тарасия П. И. Мельников лично убедил перейти в единоверие.

В том же ските и вообще на Керженце большим авторитетом пользовался монах Дионисий, он же Дмитрий Рахманов, брат известных московских хлебных торговцев Алексея Андреевича и Федора Андреевича Рахмановых, попечителей Рогожского старообрядческого кладбища. Купцы Рахмановы хотели сделать Дионисия старообрядческим архиепископом Московским. Тот, возвращаясь из частых поездок в Москву, рассказывал, что он или его брат Алексей разговаривали с царем или наследником престола и слышали от них, что все стеснения свободы раскольников происходят без ведома императорской власти. Кончилось это тем, что Дионисий стал писать подложные царские указы о свободе богослужения для старообрядцев⁴³. При обыске Керженского

³⁹ ОР РГБ. Ф. 17... Л. 10.

⁴⁰ Звездин А. И. Нижегородский секретный совещательный комитет по делам о раскольниках и его деятельность // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IV. Н. Новгород, 1900. С. 32.

⁴¹ Аксянова О. В. Служебные поручения П. И. Мельникова (1848–1849 гг.) // Нижегородский краевед: сб. науч. статей. Вып. 4 / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Н. Новгород, 2018. С. 143–149.

⁴² Автобиография П. И. Мельникова // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IX. В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Ч. I. С. 79.

⁴³ Усов П. С. Указ. соч. С. 97–98.

скита П. И. Мельников обнаружил такой ложный указ. Выявили, что писал его Дионисий (Рахманов). Было открыто дело, к которому привлекался и один из московских братьев Дионисия — купец Рахманов⁴⁴.

Разоблачение фальшивого характера указа, который Дионисий выдавал за царский, произвело большое впечатление на насельников Благовещенского скита и способствовало их переходу в единоверие. На основе Благовещенского скита нижегородские духовные власти в 1849 г. открыли Благовещенский единоверческий монастырь, игуменом которого стал Тарасий. Именно в единоверческий Керженский Благовещенский монастырь будет передана главная святыня керженских скитов — список Казанской иконы Божьей Матери⁴⁵. Этот список хранился в Шарпанском ските. По преданию, он принадлежал царю Алексею Михайловичу и был подарен им Соловецкому монастырю, а потом соловецкий инок Арсений доставил икону на Керженец. 19 августа 1848 г. П. И. Мельников явился в Шарпанский скит и забрал Казанскую икону⁴⁶. Ее изъятие произвело на старообрядцев ошеломляющее впечатление. Они сочли это событие грозным предвестием упадка скитов. Поездка Мельникова обросла легендами⁴⁷.

По мнению В. Ф. Соколовой, Мельников изъезжал Казанскую икону из Шарпанского скита «по приказу» Иакова⁴⁸. Однако документальных подтверждений этому она не привела. Да и не мог епископ приказывать чиновнику. Но то, что Павел Иванович и епископ Иаков действовали согласованно, несомненно. Общую позицию они заняли и по поводу возвращения иконы настоятельнице Шарпанского скита — Анне Ивановой.

Анна Иванова (в иночестве — Августа) обратилась с соответствующей просьбой к исполняющему обязанности начальника Нижегородской губернии (на время отсутствия губернатора Урусова) вице-губернатору М. М. Панову. Панов распорядился удовлетворить ее ходатайство, о чем написал епископу Иакову. Тот, однако, отказался выполнить предписание вице-губернатора: 27 сентября 1848 г. икона была отправлена в ризницу Нижегородского кафедрального собора на хранение⁴⁹.

13 января 1849 г. Мельников писал вновь приступившему к исполнению обязанностей губернатора М. А. Урусову, что передача иконы в Шарпан «возвратит раскольникам прежнюю их энергию», и, напротив, если им не будет

⁴⁴ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2856. Л. 3, 5.

⁴⁵ Селезнев Ф. А., Иванова Т. Ю. П. И. Мельников в Шарпанском скиту (1848 год): документы ЦАНО // Нижегородский краевед: сб. науч. статей. Вып. 1 / отв. ред. Ф. А. Селезнев. Н. Новгород, 2015. С. 98–110.

⁴⁶ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 2 об.

⁴⁷ Рудаков С. В. Краткая история заволжских скитов. «Мельниковское зрение» // Старообрядец. 1997. № 5. С. 14.

⁴⁸ Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький, 1981. С. 66.

⁴⁹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 6.

«оказываемо послабления», они в скором времени обратятся к единоверию⁵⁰. В итоге прошение скитницы Анны Ивановой Нижегородскому губернатору о возвращении ей иконы было отклонено рапортом Семеновского земского суда от 18 февраля 1849 г.⁵¹ и список Казанской иконы Божьей Матери был передан в единоверческий Керженский Благовещенский монастырь.

П. И. Мельников продолжал энергично действовать в заданном направлении. Немалое число старообрядцев тайно изъявили ему желание перейти в единоверие, в частности 17 человек в первоклассном (по определению Алябьева) Оленевском ските и 12 человек в Осиновском ските. «Кроме того, известны мне еще 68 человек, живущих в скитах, которые склонны к единоверию, совершенно понимают свое заблуждение, но до открытого или официального обращения не решающихся изъявить согласие», — докладывал П. И. Мельников⁵². Остальные «были уже на ниточке: все бы приняли единоверие», писал Мельников Д. Н. Толстому в марте 1850 г.⁵³

Однако слишком активная деятельность Мельникова на этом поприще пришлось не по вкусу кое-кому из влиятельных нижегородских чиновников. «Чтобы не иметь с ними столкновений, я оставил в покое раскольников», — признавался Павел Иванович в том же письме⁵⁴.

Речь шла прежде всего о нижегородском губернаторе М. А. Урусове, чье «благорасположение и дружбу» удалось завоевать неформальному лидеру местных беглопоповцев Петру Бугрову. Тот, когда в Нижнем Новгороде сгорел городской деревянный театр, построил за свой счет новый каменный. Урусов же обожал театральное искусство и в благодарность Бугрову позволял перестраивать и достраивать керженские скиты и саботировал правительственные распоряжения, опасные для раскольников⁵⁵.

Так, в мае 1849 г. министр внутренних дел затребовал от М. А. Урусова прислать как сведения, так и заключение о раскольнических скитах и моленных, находящихся в разных уездах Нижегородской губернии. Заключение, естественно, предусматривало соответствующий план действий по отношению к скитам в контексте оценки сведений и предложений В. А. Алябьева о выселении из них беспаспортных. Не получив названные документы, министр в конце сентября 1849 г. потребовал от губернатора поспешить. Тот, однако, никак не отреагировал. И Л. А. Перовскому 22 декабря 1849 г. пришлось требовать прислать эти бумаги «в самоскорейшем времени» с объяснением, почему министерское распоряжение до сих пор не выполнено⁵⁶.

⁵⁰ Селезнев Ф. А., Иванова Т. Ю. Указ. соч. С. 107.

⁵¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 16.

⁵² Там же. Оп. 4. Д. 2596. Л. 17.

⁵³ Письма П. И. Мельникова (Печерского) к графу Д. Н. Толстому // Труды Рязанской [губернской] ученой архивной комиссии за 1887 год. 1888. Т. II. № 1. С. 5–6.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 429.

⁵⁶ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 2–3.

Тем не менее и в 1850 г. приказание министра не было исполнено. Дело сдвинулось с мертвой точки только в 1851 г., когда в Нижнем Новгороде был открыт Секретный совещательный комитет по делам раскольников⁵⁷. Туда и было перенесено М. А. Урусовым рассмотрение данного вопроса. Губернатор потребовал от чиновников обсудить «сведения и предложения о раскольнических скитах Семеновского уезда»⁵⁸. Комитетом были привлечены обширные сведения по данному делу, включая давность заселения Семеновских скитов, прежние распоряжения, нюансы жизни скитниц и т. д. По завершении заседания было принято решение считать предложение В. А. Алябьева «в некоторой степени стеснительным»⁵⁹ и переселять только тех жителей скитов, которые не успели обзавестись значительным хозяйством, а точнее, проживали на этом месте менее 7–10 лет. Сторонники жесткой линии — начальник Удельной конторы В. И. Даль и жандармский полковник Панютин — оказались в меньшинстве. Они приложили свои соображения по данному вопросу отдельно. Оба они были согласны с предложениями В. А. Алябьева о выселении всех не приписанных к семеновским скитам раскольников. Даль и Панютин полагали, что никакой опасности в «раздражении и озлоблении раскольников» данными действиями правительства не будет. Наоборот, по их мнению, полумеры властей в отношениях со старообрядцами только усугубляли существующую ситуацию⁶⁰.

В итоге все существующие положения и отчеты были переданы в Министерство внутренних дел и доведены до сведения Николая I, который 1 мая 1853 г. издал повеление о Семеновских скитах. Иногда его трактуют как распоряжение закрыть скиты, что неверно. Однако последовавшее в 1853 г. ужесточение политики государства по отношению к старообрядцам несомненно. Оно, вероятно, было связано с появлением у старообрядцев в феврале 1853 г. епископа Владимирского и всея России. В этот сан в Австрии был рукоположен Антоний (Шутов), нелегально выехавший в Москву. Как представляется, в ответ 18 февраля 1853 г. создается Особый секретный комитет по делам раскольников во главе с новым, более жестким, чем Перовский, министром внутренних дел Д. Г. Бибиковым. 10 июня комитет Бибикова представил царю ряд очень болезненных для старообрядцев мер. В их числе было Положение об упразднении всех старообрядческих скитов «без всякого исключения». Однако эта мера, как и прочие, должна была исполняться постепенно. 9 июля Особый комитет отдельно это подчеркнул⁶¹. 17 апреля 1855 г. (уже при Александре II) указанный орган упразднили. Принятые им акты новый царь повелел проводить «постепенно, с осторожностью»⁶². Фактически же они были положены под сукно.

⁵⁷ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Д. 27. Л. 12.

⁵⁸ Звездин А. И. Указ. соч. С. 35.

⁵⁹ Там же. С. 37.

⁶⁰ Там же. С. 38.

⁶¹ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 470, 476.

⁶² Там же. С. 499–500.

Вернемся теперь к повелению Николая I о Семеновских скитах от 1 мая 1853 г. Оно, в соответствии с рекомендациями нижегородского губернатора Урусова и Нижегородского секретного комитета, предписывало выслать из скитов всех раскольников, не приписанных к ним по 9-й ревизии. Принадлежавшие им дома предназначались на продажу под снос⁶³. Таким образом, скиты как таковые сохранялись. Их обитатели, зарегистрированные 9-й ревизией (1850 г.), так называемые «ревижские», могли и дальше там проживать. И лишь новички, имевшие паспорта, но прописанные в других местах («паспортницы»), а также лица без документов подлежали удалению.

Данное повеление было объявлено на местах 15 мая 1853 г. Однако большинство скитских жителей в первое время его проигнорировали. Причинами тому послужили надежды на скорую отмену указа, а также сомнения в его подлинности. Слух об этом распространяла настоятельница Игнатьевой обители в Комаровском скиту Александра. Но когда в октябре 1853 г. семеновский уездный исправник лично проследил за сломом часовни в Игнатьевой обители, скитницы начали сами рушить свои дома и уезжать. За месяц «было сломано 358 жилых строений и выехало из скитов 741 человек»⁶⁴.

Однако даже из этой ситуации старообрядцы сумели извлечь для себя пользу. Им было на руку то, что в скитах практически повсеместно отсутствовали письменные документы на право владения той или иной недвижимостью. Поэтому исправник их не требовал. Он отдавал решение указанного вопроса на откуп самим скитницам. Соответственно, «каждая ревижская объявляла своей собственностью какое-нибудь просторное строение, обитаемое до того времени паспортницами, а паспортницы объявляли своими домами большею частью ветхие и тесные кельи»⁶⁵. В результате ветхие дома сносились, а официально приписанным к скиту жителям оставались крепкие постройки. П. И. Мельников свидетельствует о том, что «до 1854 года из всего скитского строения было три четверти ветхого, а теперь только одна пятая часть»⁶⁶.

Кроме того, именной список раскольников, обитающих в скитах, имевшийся у властей был устарелым (1843 г.) и содержал множество ошибок и неточностей. Наличие паспортов у скитниц в нем указано не было, поэтому местная полиция, столкнувшись в 1853 г. с необходимостью отбора лиц, подлежащих депортации, действовала по обстоятельствам. Исправники высылали всех паспортных жителей без предъявления последними документов и их изъятия. Соответственно, проследить их новое место жительства не представлялось возможным.

Многие скитники переселились в ближайший уездный город Семенов. Протоиерей Райковский в этой связи с сожалением констатировал: «чем меньше

⁶³ Собрание постановлений... С. 468.

⁶⁴ Мельников П. И. Указ. соч. С. 118.

⁶⁵ Там же. С. 121.

⁶⁶ Там же.

скитов в уезде, тем более они образуются в самом Семенове»⁶⁷. Сетуя на умножение числа «раскольнических притонов» в Семенове, местный священник Павел Лебедев в 1854 г. предлагал епископу Иеремии, якобы по предписанию МВД, а скорее всего, по проекту местных полицейских властей, все скиты переместить в один и в рамках этого мероприятия выселить всех скитниц из Семенова. «Более удобными для сего предмета, писал Лебедев, земская полиция находит два скита: Оленевский и Улангерский...»⁶⁸.

В 1853 г. властями было ликвидировано шесть керженских скитов: Гордеевский, Кошелевский, Крутовражский, Прудовский, Федосеевский и Малиновский. Но, по классификации Алябьева, они в основном относились к третьему классу, т. е. были малонаселенными. Зато сохранилось восемь скитов, причем почти все первоклассные (многонаселенные и значимые для старообрядцев): Оленевский, Комаровский, Улангерский, Шарпанский, Чернухинский, Быстренский, выселок Осинового скита и Липовский. Кроме того, остался Муховатовский скит, в котором старообрядцы занимались земледелием, следовательно, с точки зрения государства не могли считаться «скитскими жителями»⁶⁹.

На наш взгляд, подобная ситуация была следствием попустительства местных властей, и прежде всего губернатора М. А. Урусова. О потворстве старообрядцам говорят и обстоятельства осмотра скитских поселений губернатором 2 и 3 января 1854 г. В каждом ските была произведена перекличка. Посторонних лиц не оказалось (они на время проверки покинули скиты, а когда начальство уехало, вернулись). Так произошло потому, что местные жители ожидали визита губернатора в указанные даты⁷⁰. Но информацию эту они могли получить лишь от представителей власти.

Кроме того, М. А. Урусов, вопреки правительственным распоряжениям, по просьбам скитниц — «престарелых и дряхлых старух, из которых многие по преклонным летам не в силах управлять домохозяйством», — позволил им иметь в качестве работников крестьян из окрестных селений⁷¹.

Особенно об этом просили скитницы Шарпанского и Быстренского скитов. Видимо, желая поставить этот порядок на легальную основу, губернатор переадресовал указанную просьбу министру внутренних дел Д. Г. Бибикову. Но тот не только не одобрил эту инициативу, но и приказал оба названных скита закрыть⁷².

Кроме того, своим предписанием от 22 января 1854 г. Д. Г. Бибиков попросил губернатора предоставить сведения о «взаимном расстоянии оставшихся

⁶⁷ О мерах, предпринятых в 50–60 годах настоящего столетия для ослабления раскола в Нижегородской епархии (По официальным, неизданным, документам консисторского архива Нижегородской епархии). Н. Новгород, 1896. С. 63.

⁶⁸ Там же. С. 65–66.

⁶⁹ Мельников П. И. Указ. соч. С. 123.

⁷⁰ Там же. С. 125–126.

⁷¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 193–194.

⁷² Мельников П. И. Указ. соч. С. 125–126; ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 280, 295, 301.

к существованию скитов и о том, в каком положении находятся теперь места, на коих существовали уничтоженные шесть скитов». М. А. Урусов тянул с ответом полгода, до 27 июля, и ограничился отпиской, в которой сведения о расстояниях между скитами отсутствовали. Что касается мест, на которых были уничтоженные скиты, то губернатор предоставил недостоверную информацию о том, что они находятся впусе. Но, как доложил министру П. И. Мельников, на месте Гордеевского скита оставалась раскольническая моленная⁷³. В письме Урусову от 11 декабря 1854 г. Д. Г. Бибиков, по сути, уличил М. А. Урусова во лжи и в недобросовестном выполнении распоряжений министерства и высочайших повелений. Естественно, М. А. Урусов в такой ситуации больше не мог занимать должность нижегородского военного губернатора. Он был от нее освобожден, но при этом переведен на более высокую должность витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора. Это, на наш взгляд, свидетельствовало о том, что Николая I действия М. А. Урусова не слишком разгневали.

Характерно, что сменивший М. А. Урусова на посту нижегородского губернатора Ф. В. Анненков также не принадлежал к числу гонителей старообрядцев. При Александре II власти оставили всякие попытки прекратить функционирование скитов. Самые значимые первоклассные скиты — Оленевский, Комаровский, Улангерский, Чернухинский — просуществовали до начала 1930-х гг.⁷⁴

Заключение. Пример Нижегородской губернии показывает, что в эпоху Николая I не существовало единой скоординированной программы действий государства и церкви по ликвидации старообрядческих скитов. Правительственные распоряжения, включая знаменитое повеление Николая I от 1 мая 1853 г., возникали как реакция на предложения с мест и носили локальный (относящийся к конкретной местности) характер. Инициаторами активизации борьбы с раскольничьими скитами являлись некоторые епископы и чиновники среднего звена. Причем модель поведения чиновника по особым поручениям П. И. Мельникова не являлась типичной, а была, скорее, исключением из правил. Губернаторы, полиция, чиновники Удельного ведомства нередко покровительствовали старообрядцам. При попустительстве губернских и полицейских чиновников способ реализации правительственных мер на местах был максимально мягким по отношению к скитам. Более того, пользуясь скрытой поддержкой некоторых представителей власти, староверы сумели кое в чем использовать ситуацию для своей пользы. Самые значимые керженские скиты — Оленевский, Комаровский, Улангерский, Чернухинский — пережили эпоху Николая I. Ликвидация других скитов привела к тому, что их жители перенесли свои объединения в Семенов и некоторые другие города.

⁷³ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5152. Л. 1.

⁷⁴ Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2000–2024. Т. XXXII. С. 493.

Литература

1. Аксянова О. В. Служебные поручения П. И. Мельникова (1848–1849) // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 4 / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 143–149.
2. Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX в. Курск: Региональный открытый институт, 2014. 397 с.
3. Белобородов С. А. О типологии старообрядческих скитов на Урале // Церковь. Богословие. История. Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. С. 50–57.
4. Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
5. Ибнеева Г. В. Императрица Екатерина II и старообрядческое население Нижегородского края // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сборник научных трудов. М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 4. С. 64–79.
6. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК; Квадрига, 2009. 688 с.
7. К 200-летию пребывания Александра I в Екатеринбурге (к истории вопроса) / В. Н. Синько и др. // Право и управление. 2024. № 12. С. 426–431. <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-12-426-431>
8. Клейтман А. Л. Рукописное наследие епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова) в российских архивах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 109–114.
9. Наумлюк А. А. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 198 с.
10. Мельников И. А. Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии во второй половине XVIII–XIX в. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1058–1069. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2020-4-1058-1069>
11. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: БГПУ, 1999. 557 с.
12. Морохин А. В. Заволжские старообрядческие скиты в 40–50 гг. XVIII века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических трудов. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. С. 144–150.
13. Пивоварова Н. В. Скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии и П. И. Мельников (по материалам Российского государственного исторического архива) // Старообрядец. 2002. № 25. С. 15.
14. Рудаков С. В. Краткая история заволжских скитов. «Мельниковское зорение» / Старообрядец. 1997. № 5. С. 14.
15. Рыков Ю. Д. Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сборник научных трудов. М.: Языки русской культуры, 1999. Вып. 4. С. 301–313.

16. Селезнев Ф. А. Особые поручения чиновника Мельникова: Писатель Андрей Печерский на государственной службе // Родина. 2014. № 2. С. 37–40.
17. Селезнев Ф. А., Пинаева Т. Ю. П. И. Мельников в Шарпанском скиту (1848 год): документы ЦАНО // Нижегородский краевед: сборник научных статей / отв. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород: Pixel Print, 2015. Т. 1. С. 98–110.
18. Соколова В. Ф. Нравственное состояние и экономическое положение нижегородских старообрядцев XIX в. (по материалам научных и художественных исследований П. И. Мельникова-Печерского) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2000. С. 18–22.
19. Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1981. 191 с.
20. Усов П. С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского): в 14 т. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1897. Т. 1. С. 1–316.

References

1. Aksyanova O. V. Sluzhebnye porucheniia P. I. Mel'nikova (1848–1849) [Official assignments of P. I. Melnikov (1848–1849)] // Nizhegorodskii kraeved: sbornik nauchnykh statei [Nizhny Novgorod local historian: collection of scientific articles]. Issue 4 / compiler and scientific editorship by F. A. Seleznev. Nizhny Novgorod: Center for Local History Research at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2018. P. 143–149. (In Russ.).
2. Apanasenok A. V. Religiozniy traditsionalizm v provintsial'noi Rossii: istoriia staroobriadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ia v XVII – nachale XX v. [Religious traditionalism in provincial Russia: the history of Old Believer communities in the Central Black Earth region in the XVII – early XX centuries]. Kursk: Regional Open Institute, 2014. 397 p. (In Russ.).
3. Beloborodov S. A O tipologii staroobriadcheskikh skitov na Urale [On the typology of Old Believer skits in the Urals] // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii, posviashchennoi 130-letiiu Ekaterinburgskoi eparkhii i pamiati Sobora novomuchenikov i ispovednikov Tserkvi Russkoi [Church. Theology. History. Proceedings of the III International Scientific and Theological Conference dedicated to the 130th anniversary of the Yekaterinburg Diocese and the memory of the Council of New Martyrs and Confessors of the Russian Church]. Yekaterinburg: Yekaterinburg Theological Seminary, 2015. P. 50–57. (In Russ.).
4. Vernyaev I. I. Ocherki istorii etnokonfessional'noi politiki v Rossii. [Essays on the history of ethno-confessional policy in Russia]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 640 p. (In Russ.).
5. Ibneeva G. V. Imperatritsa Ekaterina II i staroobriadcheskoe naselenie Nizhegorodskogo kraia [Empress Catherine II and the Old Believer population of the Nizhny Novgorod region] // Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.) [Old Believers in Russia (XVII–XX centuries)]: a collection of scientific papers. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010. Issue 4. P. 64–79. (In Russ.).
6. Zenkovsky S. A. Russkoe staroobriadchestvo [Russian Old Belief]: in 2 vols. / compiler G. M. Prokhorov; general editorship by V. V. Nekhotin. Moscow: Institut DI-DIK; Kvadriga, 2009. 688 p. (In Russ.).

7. К 200-letiiu prebyvaniia Aleksandra I v Ekaterinburge (k istorii voprosa) [On the 200th anniversary of Alexander I's stay in Yekaterinburg (on the history of the issue)] / V. N. Sinko et al. // Law and Management. 2024. № 12. P. 426–431. <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-12-426-431> (In Russ.).
8. Kleytman A. L. Rukopisnoe nasledie episkopa Saratovskogo i Tsaritsynskogo Iakova (Vecherkova) v rossiiskikh arkhivakh [The manuscript heritage by the Bishop of Saratov and Tsaritsin Eparchy Jacob (Vecherkov) in the Russian archives] // Izvestiya of Saratov University. History. International Relation. 2014. Vol. 14. Iss. 3. P. 109–114. (In Russ.).
9. Naumlyuk A. A. Gosudarstvennaia konfessional'naia politika po otnosheniiu k staroobriadchestvu v Saratovo-Samarskom Povolzh'e vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v. [State confessional policy towards the Old Believers in the Saratov-Samara Volga region in the second half of the XVIII — early XX centuries]: PhD thesis abstract. Saratov, 2009. 198 p. (In Russ.).
10. Melnikov I. A. Staroobriadcheskie skity i bogadel'ni Novgorodskoi gubernii vo vtoroi polovine XVIII–XIX v. [Old Believer sketes and almshouses of the Novgorod gubernia in the second half of the 18th – 19th century] // Herald of an Archivist. 2020. № 4. P. 1058–1069. (In Russ.).
11. Melnikov F. E. Kratkaia istoriia drevlepravoslavnoi (staroobriadcheskoi) tserkvi [A brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul: BGPU, 1999. 557 p. (In Russ.).
12. Morokhin A. V. Zavolzhskie staroobriadcheskie skity v 40–50 gg. XVIII veka [Volga Old Believer skits in the 1740s – 1750s] // Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii [Nizhny Novgorod research on local history and archeology]: collection of scientific and methodological works. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2001. P. 144–150. (In Russ.).
13. Pivovarova N. V. Skity Semenovskogo uезда Nizhegorodskoi gubernii i P. I. Mel'nikov (po materialam Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva) [Skits of the Semenovsky district of the Nizhny Novgorod province and P. I. Melnikov (Based on materials from the Russian State Historical Archive)] // Staroobriadets [Starobryadets]. 2002. № 25. P. 15. (In Russ.).
14. Rudakov S. V. Kratkaia istoriia zavolzhsikh skitov. «Mel'nikovskoe zorenii» [A brief history of the Volga skits. “The Melnikov dawn”] // Staroobriadets [Starobryadets]. 1997. № 5. P. 14. (In Russ.).
15. Rykov Yu. D. Novonaidennaia povest' o razorenii Irgizskogo Sredne-Nikol'skogo monastyria v 1837 g. [Newly found story about the destruction of the Irgiz Middle-Nicholas Monastery in 1837] // Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.) [Old Believers in Russia (XVII–XX centuries)]: : collection of scientific papers. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999. Issue 4. P. 301–313. (In Russ.).
16. Seleznev F. A. Osobyie porucheniiia chinovnika Mel'nikova: Pisatel' Andrei Pecherskii na gosudarstvennoi sluzhbe [Special assignments of official Melnikov: Writer Andrey Pechersky in state service] // Rodina. 2014. № 2. P. 37–40. (In Russ.).
17. Seleznev F. A., Pinaeva T. Yu. P. I. Mel'nikov v Sharpanskom skitu (1848 god): dokumenty TsANO [P. I. Melnikov in the Sharpansky skit (1848): documents from the TSANO] // Nizhegorodskii kraeved [Nizhny Novgorod local historian]: collection of scientific articles / ed. by F. A. Seleznev. Nizhny Novgorod: Pixel Print, 2015. P. 98–110. (In Russ.).

18. Sokolova V. F. Nravstvennoe sostoianie i ekonomicheskoe polozhenie nizhegorodskikh staroobriadtssev XIX v. (po materialam nauchnykh i khudozhestvennykh issledovaniy P. I. Mel'nikova-Pecherskogo) [The moral state and economic situation of the Nizhny Novgorod Old Believers in the 19th century (based on the materials of scientific and artistic research by P. I. Melnikov-Pechersky)] // Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost' [Old Believers: history, culture, modernity]. Issue 8. Moscow: Museum of History and Culture of the Old Believers, 2000. P. 18–22. (In Russ.).

19. Sokolova V. F. P. I. Mel'nikov (Andrei Pecherskii). Ocherk zhizni i tvorchestva [P. I. Melnikov (Andrey Pechersky). Essay on life and work]. Gorky: Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. 191 p. (In Russ.).

20. Usov P. S. Pavel Ivanovich Mel'nikov (Andrei Pecherskii), ego zhizn' i literaturnaia deiatel'nost' [Pavel Ivanovich Melnikov (Andrey Pechersky), his life and literary activity] // Polnoe sobranie sochinenii P. I. Mel'nikova (Andreia Pecherskogo) [The complete works of P. I. Melnikov (Andrey Pechersky)]: in 14 vols. St. Petersburg; Moscow: Tovarishchestvo M. O. Vol'f, 1897. Vol. 1. P. 1–316. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-48-61

Гребенкин Алексей Николаевич

доктор исторических наук, доцент

Академия ФСО России

Орел, Россия

angrebyonkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9873-0092

ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ОХРАНЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА II

Аннотация. В статье на основе неопубликованных документов и источников личного происхождения рассмотрена эволюция охраны императора Александра II на фоне политических событий 1860 – начала 1880-х гг. Осуществлен анализ роли императора в создании системы охраны резиденций и формировании полицейских подразделений охраны. Дана характеристика Охранной стражи Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии как составной части проекта умной полиции, разработанного в 1866 г. П. А. Шуваловым. Рассмотрено влияние покушений на Александра II на модернизацию его охраны. Приведена оценка начальником Охранной стражи К. И. Кохом влияния М. Т. Лорис-Меликова на развитие системы безопасности царя. Особое внимание уделено мифу о народных героях, чудесным образом спасающих императора, который, по мнению автора, являлся серьезным препятствием на пути модернизации охранных структур.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, императорская охрана, политическое пространство, мифотворчество.

Для цитирования: Гребенкин А. Н. Эволюция императорской охраны в контексте политического развития России в эпоху Александра II // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 48–61. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-48-61>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-48-61

Grebenkin Alexey N.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation

Orel, Russia

angrebyonkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9873-0092

**THE EVOLUTION OF THE IMPERIAL GUARD
IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL DEVELOPMENT
OF RUSSIA IN THE ERA OF ALEXANDER II**

Abstract. Based on unpublished documents and sources of personal origin, the article examines the evolution of the protection of Emperor Alexander II against the background of the political events of the 1860s and early 1880s. The author analyzes the role of the emperor in creating a system of protection of residences and the formation of police protection units. The description of the Security Guards of the Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery as an integral part of the smart police project, developed in 1866 by P. A. Shuvalov, is given. The influence of the assassination attempts on Alexander II on the modernization of his guards is considered. The assessment by the head of the Security Guard K. I. Koch of the influence of M. T. Loris-Melikov on the development of the tsar's security system is given. Special attention is paid to the myth of folk heroes miraculously saving the emperor, which, according to the author, was a serious obstacle to the modernization of security structures.

Keywords: The Russian Empire, Alexander II, the Imperial guard, political space, myth-making.

For citation: Grebenkin A. N. The evolution of the imperial guard in the context of the political development of Russia in the era of Alexander II // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 48–61. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-48-61>

Введение. Вплоть до начала 1860-х гг. подразделения царской охраны в России занимались решением задач преимущественно церемониального характера. На сцене имперского политического театра они являлись одной из декораций, призванных убедить зрителей в могуществе главного актера — самодержца или самодержицы. Вопросы, связанные с обеспечением физической безопасности монархов и членов их семей, даже не выносились на повестку дня. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, до начала стремительной радикализации российского общества, вызванной Великими реформами, главную опасность для монарха представляли не бунтовщики и террористы, а представители политической элиты, от которых было невозможно защититься с помощью гвардейских караулов. Во-вторых, чрезмерное внимание к мерам предосторожности

могло быть расценено и иностранцами, и собственными подданными как трусость. Для императоров, неизменно облаченных в военную форму и считавших себя вождями русской армии, это было категорически неприемлемо. То же самое относилось и к императрицам, чья принадлежность к слабому полу, казалось бы, могла являться оправданием при выстраивании системы безопасности. Елизавета Петровна и Екатерина II, рискнувшие совершить дворцовые перевороты, были женщинами отнюдь не робкого десятка и предпочитали не прятаться за спины своих гвардейцев, а командовать ими.

Пренебрежительное отношение к охране со временем стало своеобразной визитной карточкой династии Романовых. В 1837 г. цесаревич Александр Николаевич в беседе с послом США, обратившим внимание на то, что наследник совсем не заботится о своей безопасности, отметил: «По правде говоря, я предпочитаю обходиться без конвоя. Кажется, мы единственный царствующий дом в Европе, который отваживается на это...»¹ Подобную линию поведения Александр II демонстрировал и в первые годы своего пребывания на престоле. Однако обстоятельства вынудили царя-освободителя изменить свой взгляд на охрану.

Целью статьи является комплексная научная характеристика процесса развития института государственной охраны в России в контексте политических событий эпохи Александра II.

В дореволюционной историографии вопросы, связанные с охраной Александра II, освещались лишь фрагментарно в работах, посвященных отдельным охранным структурам². Из работ советского периода следует назвать монографию И. В. Оржеховского, в которой была дана характеристика Охранной стражи Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии³ (далее — Собственная Е. И. В. канцелярия). В последние два десятилетия вопросы охраны Александра II затрагивались как в специальных исследованиях (работы И. В. Зимина⁴, Д. А. Клочкова⁵), так и в научно-популярных работах (книга Б. Н. Григорьева и Б. Г. Колоколова⁶). Однако исследований, посвященных

¹ Даллас Д. Американский посланник при дворе Николая I // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 2. М., 2000. С. 198.

² Петин С. И. Собственный Его Императорского Величества конвой. СПб., 1899; Гринев С. А. История роты дворцовых гренадер. СПб., 1912.

³ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982.

⁴ Зимин И. В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011; Его же. Царский телохранитель Карл Кох // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 70–72.

⁵ Клочков Д. А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества конвой. 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб., 2014; Его же. На охране российской государственности. К 80-летию создания Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.; СПб., 2016.

⁶ Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007.

развитию охраны в контексте политической истории России 1860 – начала 1880-х гг., в отечественной исторической науке еще нет. Настоящая статья призвана хотя бы в какой-то мере восполнить этот пробел.

В основу работы положены неопубликованные документы из фондов Российского государственного исторического архива, опубликованные документы по делу Д. В. Каракозова, а также воспоминания и дневники современников.

Ход и результаты исследования. Подготовке главной из Великих реформ — отмены крепостного права — предшествовали масштабные крестьянские волнения. Поскольку условия освобождения крепостных достаточно серьезно расходились с народными ожиданиями, возникло опасение, что сразу же после объявления положений реформы последует взрыв недовольства. Не исключалась возможность того, что крестьяне, по-прежнему видевшие в царе своего заступника, будут просить у него дать им настоящую волю и с этой целью ворвутся в Зимний дворец. Санкт-Петербургский генерал-губернатор генерал-адъютант П. Н. Игнатьев еще в 1860 г. предлагал усилить охрану главной резиденции за счет казаков Собственного Е. И. В. конвоя. Однако Александр II, по-прежнему убежденный в том, что не нуждается в телохранителях, наотрез отказался.

Спустя несколько месяцев ситуация серьезно изменилась. Опасения, что крестьяне будут бунтовать, оправдались, и в ряде случаев потребовалось привлекать войска для их усмирения. Кроме того, стали возникать радикальные организации, распространявшие прокламации антигосударственного характера. Поскольку Европу и США захлестнула волна политического террора, можно было ожидать покушений и на Александра II. Это заставило приступить к работе над планами усиления охраны императорских резиденций и прежде всего Зимнего дворца. В совещаниях принимали участие сам царь, министр императорского двора генерал от инфантерии граф В. Ф. Адлерберг, военный министр генерал от артиллерии Н. О. Сухозанет, шеф жандармов генерал от кавалерии В. А. Долгоруков, Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор генерал от инфантерии светлейший князь А. А. Суворов, командир Отдельного гвардейского корпуса генерал от кавалерии Н. Ф. Плаутин и начальник его штаба генерал-лейтенант граф Э. Т. Баранов. Участники совещания пришли к мнению, что необходимо организовать охрану подъездов в Зимний дворец. Для этой цели в декабре 1861 г. была создана команда дворцовых городских стражей. Подразделение, призванное служить заслоном на пути возбужденной крестьянской толпы, было крошечным — всего 30 человек, причем на смену у восьми подъездов одновременно должны были заступать восемь человек, по одному на каждый подъезд. Примечательно, что сначала штат новой охранной структуры определили в 25 человек и на его увеличении настоял сам Александр II. Дворцовые стражи должны были «о всяком сборище, хотя б и не в значительном числе людей, составляющемся близ Дворца или приближающемся к оному, уведомлять немедленно Коменданта и заведующего

Зимним дворцом, в случае когда б сборище это намеревалось проникнуть во Дворец, противиться сему с помощью патрулей; а если увидят, что не будут в силах воспрепятствовать вторжению сборища, немедленно дать знать о сем: прежде всего, швейцару ближайшего подъезда и затем одновременно Коменданту, заведующему Дворцом, военному генерал-губернатору и обер-полицеймейстеру»⁷. Стражам должны были помогать швейцары и их помощники, дежурившие у подъездов.

Под контроль были взяты не только входы в Зимний дворец, но и его внутренние помещения. Осуществление мер безопасности было возложено на роту дворцовых гренадер, служительскую дворцовую команду, а также внутренние караулы — кирасирский, пехотный и легкокавалерийский. Была устроена звонковая сигнализация, позволявшая направить дополнительные силы охраны туда, где возникала опасность. Дежурные по караулам и начальники отдельных караулов были снабжены особыми инструкциями, в которых описывался порядок действий в случае объявления тревоги.

Обеспечением пропускного режима внутри дворца занимались дворцовые гренадеры, а придворнослужители должны были им помогать. Рота дворцовых гренадер, прежде закамуфлированная под синекуру для заслуженных инвалидов, стала считаться полноценной строевой частью. При объявлении тревоги во дворце или в городе гренадеры незамедлительно должны были прибыть из своих казарм в Зимний дворец «в Малую Фельдмаршальскую залу, в сюртуках и фуражках, но в полном вооружении и с боевыми патронами, забрав притом и боевую амуницию для всех товарищей, находящихся на дежурстве во дворце»⁸.

Таким образом, Зимний дворец, который прежде мог посетить любой человек, носивший офицерский мундир, стал превращаться в полноценный охраняемый объект. Вместе с тем царь не желал, чтобы принятые меры предосторожности имели зримую связь с членами его семьи. Так, Александр II распорядился не выставлять особый караул возле спальни наследника, цесаревича Николая Александровича, а ограничиться назначением парных часовых от внутреннего пехотного караула. Таким образом, спальня цесаревича охранялась так же, как и любое другое помещение, взятое под контроль.

Аналогичные меры безопасности были приняты в Царском Селе, куда императорская фамилия имела обыкновение переезжать на лето. Весной 1862 г. был составлен план охраны Большого Царскосельского дворца. Его правкой занимались не только обер-гофмаршал А. П. Шувалов и министр императорского двора В. Ф. Адлерберг, но и сам Александр II, сделавший ряд собственноручных помет. Как и в Санкт-Петербурге, под контроль были взяты все входы во дворец. Эту задачу должны были решать командированные из столицы чины команды дворцовых городских стражей. Поскольку ко дворцу примыкал

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

⁸ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

Собственный садик, часовые из числа городских унтер-офицеров должны были обеспечивать надзор и за ним. Если возле дворца собиралась большая толпа людей, часовым следовало предложить ей разойтись, а в случае отказа повиноваться немедленно доложить главному караулу (дежурной службе. — А. Г.) дворца.

Анализ помет царя на документах по охране Большого Царскосельского дворца позволяет судить о том, что он стремился сделать принимаемые меры безопасности как можно менее стеснительными для своих близких. Так, обход Собственного садика патрульными должен был осуществляться не с внутренней, а с наружной стороны ограды. Это избавляло высочайших особ от постоянных встреч с часовыми, которые могли бы напомнить им о грозивших опасностях.

Некоторые распоряжения императора свидетельствовали, что он стремился сначала усилить охрану своей царскосельской резиденции, однако затем, не видя попыток покушений, осмелел и отказался от своих намерений. Так, один из часовых от войсковых частей местного гарнизона стоял на посту возле дверей в царские покои. Александр II повелел выставить еще одного часового возле лестницы в комнаты его детей, однако спустя некоторое время приказал снять оба поста.

Изменение отношения царя к обеспечению своей безопасности стало особенно заметным, когда летом 1862 г. началась разработка правил охраны Большого Петергофского дворца. Поскольку было уже ясно, что масштабное народное восстание не произойдет, Александр II как бы устыдился своего прежнего страха перед возможными бунтовщиками и запретил «всякие особенные меры сверх тех, которые до сих пор принимались»⁹. Было решено ограничиться переводом в Петергоф лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона Собственного Е. И. В. конвоя. Кроме того, из Царского Села были командированы дворцовые городовые стражи.

Несмотря на то что явная угроза жизни царя и его близких отсутствовала, Александр II не стал полностью отказываться от мер предосторожности. В августе 1862 г. императорская чета отправилась в Новгород на открытие памятника «Тысячелетие России». Ее сопровождал 21 городской унтер-офицер «для наблюдения за наружным порядком около здания, в коем Их И. Вел. изволят иметь помещение»¹⁰.

Таким образом, радикализация части российского общества, недовольной условиями отмены крепостного права, и опасение крестьянских восстаний стали катализаторами развития системы охраны Александра II, которая в 1861–1862 гг. начала приобретать функциональный характер. Были приняты меры, направленные на охрану императорских резиденций, создано полицейское формирование охраны — команда дворцовых городских стражей, стал обеспечиваться пропускной режим, разработан четкий алгоритм

⁹ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.

¹⁰ Там же. Л. 109.

действий всех охранных частей в случае возникновения опасности прорыва на территорию резиденций и даже устроена сигнализация.

В середине 1862 г., после того как страх перед возможными покушениями исчез, спешно созданная система безопасности императорской семьи вступила в инерционную фазу своего развития. Дворцовые городовые стражи по-прежнему стояли у подъездов Зимнего дворца, однако звонки пришли в негодность, а требования инструкций караулом не выполнялись. Ежегодно обновлялась караульная служба в пригородных резиденциях, но меры реализовывались механически, сугубо формально. Александр II окончательно утратил интерес к вопросам своей безопасности и смотрел на чинов охраны уже не как на телохранителей, а как на слуг. Тем временем создание радикальных кружков, при попустительстве бездействовавшего Третьего отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, продолжалось. И выстрел Дмитрия Каракозова, жертвой которого едва не стал император, прозвучал как гром среди ясного неба.

Первое покушение на Александра II состоялось 4 апреля 1866 г. Вооруженный пистолетом террорист сумел подкараулить царя, когда тот садился в коляску у решетки Летнего сада. В наряде по охране сада в тот день находились жандармский унтер-офицер Слесарчук и городской унтер-офицер Заболотин. В момент выстрела они помогали императору одеться и сесть в экипаж (Заболотин держал шинель, Слесарчук — полость коляски), поэтому за окружающей обстановкой не следили¹¹. Александр II был абсолютно незащищен и остался жив лишь благодаря тому, что террорист промахнулся.

Спасителем царя был объявлен 28-летний костромской крестьянин, шапочных дел мастер О. И. Комиссаров, стоявший рядом с Каракозовым и в момент выстрела якобы толкнувший его¹². Создателем легенды о Комиссарове-герое был генерал-майор Э. И. Тотлебен. Будучи гуманным человеком, он заступился за шапочника, который сначала был принят за сообщника Каракозова и арестован вместе с ним. Несмотря на то что на допросах террорист утверждал, что его никто не толкал, а сам Комиссаров отрицал свою причастность к чудесному избавлению императора от смертельной опасности, миф, вполне соответствовавший патриотическому порыву, который охватил верноподданническую часть русского общества, было решено не развенчивать. Для скромного шляпника недолгая слава обернулась жизненной трагедией. Вырванный из привычного круга и буквально сведенный с ума обрушившимися на него почестями, Комиссаров не смог найти для себя нового места в жизни. Он стал дворянином и офицером, но не был принят тем обществом, к которому теперь формально принадлежал. Царский спаситель был вынужден выйти в отставку в чине ротмистра и переселиться в пожалованное ему имение в Полтавской

¹¹ Покушение Каракозова: стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. / Центрархив; подгот. М. М. Клеветский, К. Г. Котельников. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 13. (Политические процессы 60–80-х гг.).

¹² РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 173–174.

губернии. Остаток жизни он провел, занимаясь пчеловодством. Скончался Комиссаров в 1892 г. в возрасте 54 лет.

П. А. Шувалов, ставший в 1866 г. главноуправляющим Третьим отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, сделал необходимые выводы. Он был достаточно хорошо знаком с устройством французской полиции и разработал концепцию умной полиции, которая была бы в состоянии принимать действенные превентивные меры, направленные против революционного движения. Охрану императора предполагалось не только усилить, но и переориентировать на негласные методы работы. В том же году по проекту Санкт-Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова была учреждена Охранная стража Третьего отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Агенты должны были охранять Александра II в местах его временного пребывания, оставаясь незамеченными и окружающими, и самим царем. Однако заботы Шувалова о собственной политической карьере, отсутствие необходимого опыта и хроническая нехватка средств препятствовали превращению Охранной стражи в полноценное подразделение императорской охраны, деятельность которого была бы хорошо продуманной и эффективной. Профессиональная подготовка стражников как таковая отсутствовала, поэтому они не справлялись с отведенной им ролью секретной охраны. В частности, во время нахождения на месте проведения охранных мероприятий стражники, которые должны были маскироваться под торговцев, извозчиков, гуляющую публику и т. п., постоянно пугливо озирались по сторонам в поисках потенциальных террористов и пристально всматривались во всех, кто вызывал какое-либо подозрение. Таким образом, наличие у императора тайной охраны превращалось в секрет Полишинеля. Кроме того, скудное жалованье не позволяло полностью укомплектовать штат Охранной стражи, в нее попадало много случайных людей, которые быстро выбывали, поэтому текучесть кадров была крайне высокой. Что касается казаков Собственного Е. И. В. конвоя, то они, как и ранее, не готовились к роли царских телохранителей и продолжали являться живым щитом.

Между тем источником опасности были не только члены русских радикальных политических кружков, но и поляки, считавшие Александра II своим врагом после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. В 1867 г. царь совершил поездку во Францию. 25 мая 1867 г. в Париже, на ипподроме Лоншан, находившемся в Булонском лесу, Александр II, его сыновья, Владимир и Александр, а также император Франции Наполеон III ехали в открытом экипаже с военного смотра. Внезапно из толпы, собравшейся, чтобы посмотреть на высочайших особ, вышел человек и, подбежав к экипажу, дважды выстрелил практически в упор. Царя спасло то, что слишком сильный заряд разорвал дуло пистолета, и пуля попала в морду лошади. Террорист, раненный в руку, был сразу же схвачен публикой. По преданию, Наполеон III сказал Александру II: «Сир, надо посмотреть, кто этот человек. Если это итальянец, то он стрелял в меня, а если поляк — то в Вас». Стрелявшим оказался участник Январского восстания А. И. Березовский.

О действиях чинов Охранной стражи, если они сопровождали императора в поездке, ничего не известно. В литературе можно встретить упоминания о том, что руку террориста успел отвести один из офицеров охраны, то ли русской, то ли французской. Никакой дополнительной информации об этом офицере нет, и, по-видимому, его вовсе не существовало. Можно предположить, что если бы кто-то из чинов охраны действительно совершил подобный поступок и тем самым стал бы спасителем не одного императора, а сразу двух, то его бы ждали награды и почести, как минимум аналогичные тем, которых был удостоен годом ранее Осип Комиссаров. Однако ничего подобного не произошло. К каким-либо изменениям в системе царской охраны покушение Березовского не привело.

Слабость Охранной стражи, Собственного Е. И. В. конвоя и других компонентов системы императорской охраны долгое время не давала о себе знать: террористы как будто затаились, и в течение более чем 10 лет покушения на Александра II не совершались. В народническом движении поначалу преобладали последователи П. Л. Лаврова («пропагандисты»), которые отрицательно относились к идее насилия в отношении власти.

Охрана Александра II в конце 1860 – первой половине 1870-х гг. не претерпела никаких существенных изменений. Лишь в мае 1877 г. для обеспечения безопасности Александра II во время его поездок на театр боевых действий был создан гвардейский отряд Почетного конвоя Его Величества в составе пехотной роты, кавалерийского полуэскадрона, полуроты сапер и пеших артиллеристов. В гвардейский отряд вошли представители гвардейских частей, а также тех армейских полков, шефом которых был сам царь. Формально цель создания новой части заключалась в том, чтобы «дать возможность хотя незначительному числу войск Гвардии принять участие в действиях против неприятеля»¹³. На наш взгляд, это свидетельствовало о том, что Александр II по-прежнему стеснялся того, что вынужден принимать определенные меры безопасности, и стремился закамуфлировать истинное предназначение охранных структур. Гвардейский отряд много раз участвовал в сопровождении Александра II на позиции, чередуясь с Собственным Е. И. В. конвоем, и тем самым обеспечивал боевое прикрытие царя и сопровождавших его лиц. Отряд просуществовал до конца 1878 г.

Во второй половине 1870-х гг. неудачи народников в организации как летучей, так и оседлой пропаганды способствовали их переходу к заговорщицкой тактике. Зловещими признаками этого перелома были покушение на петербургского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова (в марте 1878 г.), убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова (в августе 1878 г.) и покушение на его преемника А. Р. Дрентельна (в марте 1878 г.).

Террористы, уже пролившие кровь, рано или поздно должны были поднять руку на императора. Александр II и его окружение знали об опасности,

¹³ Гвардейский отряд почетного конвоя его величества в Турецкую войну 1877–1878 гг. / сост. Н. Мацкевич. Варшава, 1880. С. 4.

однако не предпринимали никаких действий, которые позволили бы усилить императорскую охрану. Как и прежде, царя в поездках сопровождали лишь несколько казаков конвоя, а прогулки вблизи своих резиденций он предпочитал совершать в одиночестве, не позволяя окружать себя кольцом телохранителей. Чины императорской охраны были вынуждены наблюдать за передвижениями Александра II издалека.

Новое покушение произошло почти через 12 лет после выстрела в Булонском лесу. Оно убедительно продемонстрировало, что организация императорской охраны, несмотря на меры, принятые П. А. Шуваловым, изобиловала элементарными просчетами и не позволяла охранным подразделениям служить Александру II надежным щитом.

В начале 1879 г. часть членов народнической организации «Земля и воля» стала склоняться к тому, что во имя грандиозных социальных реформ, призванных преобразить Россию, необходимо убить императора. Народники после нескольких совещаний разработали план покушения. Роль террориста добровольно принял на себя 33-летний А. К. Соловьев.

Покушение было совершено 2 апреля 1879 г. на набережной Мойки, у ворот штаба Гвардейского корпуса. Немногочисленные агенты Охранной стражи не взяли под контроль всю Дворцовую площадь и были заняты главным образом контролем за публикой, собравшейся посмотреть на царя. Это дало возможность Соловьеву приблизиться к императору и начать стрелять в него из пистолета. Поскольку Александр II требовал, чтобы во время прогулок чины охраны держались на почтительном расстоянии, он оказался фактически один на один с террористом и был вынужден бежать к зданию Министерства иностранных дел. Первым на линии огня оказался стражник Ф. И. Милошевич, который был ранен в щеку. Помощнику начальника Охранной стражи штабс-ротмистру К. И. Коху удалось настичь злоумышленника и повалить его на землю, ударив по спине шашкой плашмя.

Впоследствии руководство «Земли и воли» в своем листке утверждало, что «царь споткнулся, запутавшись в своей шинели, и упал»¹⁴, однако это заявление не соответствовало действительности. В левой прессе злорадно говорилось о том, что убегающий от Соловьева император кричал: «Спасите меня!», а затем, упав, полз на четвереньках. В правительственных и проправительственных изданиях о действиях Александра II умалчивалось. На нескольких рисунках, помещенных в официальных изданиях, царь был изображен в позе античного героя, презрительно смотревшего на целившегося в него злоумышленника, к которому уже подбегала многочисленная охрана. Но художники выдавали желаемое за действительное и изображали сцену покушения такой, какой ее хотел видеть не только чудом спасшийся император, но и те, кто отвечал за его безопасность.

¹⁴ Листок Земли и Воли № 4. 6 апреля 1879 г. // Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под редакцией Б. Базилевского. Paris, 1905. С. 509.

Роль Милошевича и Коха в спасении императора до конца не выяснена. Сам Александр II полагал, что обязан своим спасением именно Коху. Через несколько дней он призвал офицера к себе, сердечно его поблагодарил, наградил орденом Св. Владимира IV степени, произвел в следующий чин и назначил начальником Охранной стражи. Стражник Милошевич был удостоен лишь медали «За спасение», которой были награждены и другие лица, подбегавшие к Соловьеву и задержавшие его. И. Н. и Л. Н. Милошевичи полагают, что именно Ф. И. Милошевич сыграл ключевую роль в избавлении императора от опасности¹⁵. Примечательно, что в обществе опять возникла легенда о спасителе. Известная писательница-мемуаристка генеральша А. В. Богданович написала в своем дневнике: «Поравнявшись с комендантским подъездом, навстречу государю вышел один из гренадеров дворцовой роты и повалил злодея. В народе говорят, что этот фельдфебель, спасший царя, произведен в офицеры»¹⁶.

После покушения Соловьева стражники, ранее безоружные, получили револьверы. Охранной стражи стали помогать нижние чины расквартированных в Санкт-Петербурге воинских частей. Охрана Ливадии, где император, как всегда, провел лето, была усилена дополнительными нарядами от войск и Собственного Е. И. В. конвоя, к ней были привлечены местные жандармы. Однако методы охраны остались прежними. Изменения в царской охране носили лишь количественный характер: после покушения Соловьева император и наследник престола передвигались по Петербургу только в сопровождении казаков конвоя. Примечательно, что в последние годы царствования Александра II командиры полков гвардейской кавалерии стали хлопотать о том, чтобы этим полкам было дозволено принять участие в эскортировании императора, однако это ходатайство было отклонено¹⁷. Что же касается реакции общества на усиление охраны, то она была негативной, как и у самого Александра II. Так, 4 апреля 1879 г., через два дня после покушения Соловьева, А. В. Богданович сделала в своем дневнике запись следующего содержания: «Государь сегодня проехал по Большой Морской в открытой коляске, казак на козлах и два верхом, сзади. Тяжело это видеть»¹⁸.

Принятые меры безопасности не позволили предотвратить попытку подрыва царского поезда 19 ноября 1879 г. и взрыв царской столовой в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Последнее событие послужило одной из причин создания Верховной распорядительной комиссии, которая приняла решение о ликвидации Третьего отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Однако проводивший политику «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликов,

¹⁵ Милошевич И. Н., Милошевич Л. Н. Человек, который спас императора // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 3. С. 32.

¹⁶ Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 17.

¹⁷ На страже главной цитадели России. К 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жиляев и др.; сост. Д. А. Клочков]. М., 2018. С. 156.

¹⁸ Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. С. 19.

выступивший с инициативой перестройки отечественных спецслужб, не сумел или (по ряду свидетельств) не пожелал грамотно организовать охрану императора. В частности, начальник Охранной стражи ротмистр К. И. Кох прямо упрекал Лорис-Меликова в том, что он, заняв должность министра внутренних дел, «сделался неузнаваем... вопрос и жгучее дело личной охраны Императора почти с первого дня после принятия министерского портфеля стали казаться ему делом второстепенной важности, если еще не меньше...»¹⁹ Лорис-Меликов отказывался принимать Коха с докладами об охране, ссылаясь на чрезмерную занятость, сообщения о возможных угрозах называл «суею и застрачиванием», а когда начальник Охранной стражи попросил повысить жалованье его подчиненным, то ограничился более чем скромной прибавкой в размере 5 рублей в месяц на человека.

Общество явно недооценивало уровень угрозы жизни царя, и реакция даже на незначительное усиление охраны не была адекватной. А. В. Богданович за полтора месяца до гибели императора внесла в свой дневник запись следующего содержания: «Видела сегодня на улице государя. Тяжелое впечатление делает эта встреча. Теперь его сопровождают не 8 казаков, а гораздо больше, и уже за полверсты чувствуешь, что приближается что-то особенное, — и это наш царь!»²⁰

Кроме К. И. Коха о безопасности императора заботился еще один человек — его морганатическая супруга Е. М. Долгорукова. Она упрашивала мужа как можно реже совершать поездки по городу и постоянно напоминала казакам конвоя о необходимости оберегать жизнь самодержца.

1 марта 1881 г. Александр II, уже несколько раз не посещавший развод караулов в Михайловском манеже, наотрез отказался исполнять волю жены и выехал из Зимнего дворца. На обратном пути он был убит народовольцами на набережной Екатерининского канала. Трагическая смерть отца побудила Александра III обратить пристальное внимание на обеспечение собственной безопасности. В истории России и отечественной государственной охраны началась новая эпоха.

Заключение. Таким образом, 26 лет правления Александра II стали для императорской охраны временем тяжелых испытаний. Посягательства террористов на жизнь царя, о возможности которых Александр II и его ближайшее окружение задумались еще в 1861 г., пять лет спустя обрели зримые очертания, а в конце 1870-х гг. превратились в неотъемлемый компонент политической жизни страны. Вместе с тем традиция пренебрежительного отношения императоров к собственной безопасности давала о себе знать вплоть до трагедии на набережной Екатерининского канала. Александр II крайне неохотно соглашался с принятием мер охраны. Лишь в 1861–1862 гг. он сам участвовал

¹⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 21. Л. 3.

²⁰ Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. С. 43.

в выстраивании системы безопасности резиденций, но и тогда его пометы на документах свидетельствовали о том, что самодержец хотел сделать охрану как можно менее заметной и стеснительной для себя и своих близких. Как только царю казалось, что угроза отступила, он стремился вернуться к привычной манере поведения. Охрана существовала, но вследствие отсутствия должного внимания постепенно приходила в упадок, и лишь новая угроза заставляла императора и его окружение возвращаться к вопросам охраны резиденций и мест временного пребывания высочайших особ. Реализация П. А. Шуваловым концепции умной полиции не привела к реорганизации охраны, так как шеф жандармов стремился к тому, чтобы приобрести неограниченное влияние на императора, и не уделял должного внимания обеспечению его безопасности. Реакция общества на усиление охраны царя была сочувственно-негативной, и Александр II, не желавший выглядеть пленником в собственной стране, отказывался принимать меры предосторожности. Оставшись невредимым после нескольких покушений, он был убежден, что его хранит судьба. В общественном сознании постепенно сложился миф, что на страже жизни царя стоят не охранные структуры, а герои-одиночки, чудесным образом отводящие руку злоумышленников. Все это привело к тому, что в противостоянии охраны и народовольцев победу одержали террористы.

Литература

1. Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007. 852 с.
2. Зимин И. В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011. 640 с.
3. Зимин И. В. Царский телохранитель Карл Кох // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 70–72.
4. Ключков Д. А. На охране российской государственности. К 80-летию создания Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М.: Русские витязи; Гангут, 2016. 648 с.
5. Ключков Д. А. «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества конвой. 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 348 с.
6. Милошевич И. Н., Милошевич Л. Н. Человек, который спас императора // Современные гуманитарные исследования. 2014. № 3. С. 30–34.
7. На страже главной цитадели России. К 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жилиев и др.; сост. Д. А. Ключков]. М.: Русские витязи, 2018. 920 с.
8. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982. 207 с.

References

1. Grigoriev B. N., Kolokolov B. G. Povsednevnaia zhizn' rossiiskikh zhandarmov [The everyday life of Russian gendarmes]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2007. 852 p. (In Russ.).
2. Zimin I. V. Tsarskaia rabota. XIX – nachalo XX v. Povsednevnaia zhizn' Rossiiskogo imperatorskogo dvora [The tsar's work. 19th – early 20th century. Everyday life at the Russian imperial court]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2011. 640 p. (In Russ.).
3. Zimin I. V. Tsarskii telokhranitel' Karl Kokh [The imperial bodyguard Karl Koch] // Voenno-istoricheskii zhurnal [Military Historical Journal]. 2008. № 5. P. 70–72. (In Russ.).
4. Klochkov D. A. Na okhrane rossiiskoi gosudarstvennosti. K 80-letiiu sozdaniia Prezidentskogo polka Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremliia Federal'noi sluzhby okhrany Rossiiskoi Federatsii [Guarding Russian statehood. On the 80th anniversary of the establishment of the Presidential regiment of the Moscow Kremlin Commandant's Service of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Moscow: Russkie vitiazi; Gangut, 2016. 648 p. (In Russ.).
5. Klochkov D. A. «Otlichnye khrabrost'iu...» Sobstvennyi Ego Imperatorskogo Velichestva konvoi. 1829–1917. Istoriia, obmundirovanie, vooruzhenie, regalii [“Distinguished by their bravery...” His Imperial Majesty's own convoy. 1829–1917. History, uniforms, weapons, regalia]. St. Petersburg: OLMA Media Grupp, 2014. 348 p. (In Russ.).
6. Miloshevich I. N., Miloshevich L. N. Chelovek, kotoryi spas imperatora [The man who saved the emperor] // Sovremennye gumanitarnye issledovaniia [Modern Humanitarian Studies]. 2014. № 3. P. 30–34. (In Russ.).
7. Na strazhe glavnoi tsitadeli Rossii. K 100-letiiu Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremliia Federal'noi sluzhby okhrany Rossiiskoi Federatsii [Guarding Russia's Main Citadel: On the 100th anniversary of the Moscow Kremlin Commandant's Service of the Federal Security Service of the Russian Federation] / [V. I. Zhiliaev et al.; compiler D. A. Klochkov]. Moscow: Russkie vitiazi, 2018. 920 p. (In Russ.).
8. Orzhekhovskiy I. V. Samoderzhavie protiv revoliutsionnoi Rossii (1826–1880 gg.) [Autocracy versus revolutionary Russia (1826–1880)]. Moscow: Mysl', 1982. 207 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-62-75

Могилевский Николай Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

МГИМО МИД России

Москва, Россия

n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (1855–1861) ПО ГУБЕРНАТОРСКИМ ОТЧЕТАМ

Аннотация. В статье анализируются проблемы, с которыми столкнулись губернские публичные библиотеки во второй половине 1850-х гг., отразившиеся в ежегодных отчетах губернаторов на имя императора. Актуальность темы обусловлена необходимостью взглянуть на проблему функционирования губернских публичных библиотек с привлечением нового типа источников — губернаторских отчетов. Публичные библиотеки в губернских городах стали открываться в России по предложению адмирала Н. С. Мордвинова после 1830 г. Однако изначально они были поставлены в достаточно непростые условия: их финансирование было полностью возложено правительством на местные общества, которые делали это неохотно и в недостаточных объемах. Хроническое безденежье губернских библиотек влекло за собой и другие проблемы: ограниченность библиотечного фонда, сложности с наймом и содержанием персонала и т. п. После ужесточения цензуры (с 1848 г.) многие губернские публичные библиотеки и вовсе фактически прекратили функционировать. Их возрождение началось лишь после вступления на престол Александра II, когда правительство обратило пристальное внимание на распространение образования и повышение общего культурного уровня населения, особенно в регионах. В губернаторских отчетах рассматриваемой эпохи публичным библиотекам уделялось достаточно много внимания, что и позволяет проанализировать те проблемы, с которыми сталкивались губернские публичные библиотеки в то время. Проведенное исследование показало, что положение губернских публичных библиотек накануне отмены крепостного права было амбивалентным: с одной стороны, налицо была позитивная тенденция: открывались новые библиотеки, возрождались старые; с другой — все предыдущие проблемы, присущие губернским публичным библиотекам (прежде всего финансовая), решены так и не были.

Ключевые слова: губернские публичные библиотеки, губернаторы, великие реформы, МВД, Российская империя.

Для цитирования: Могилевский Н. А. Основные проблемы функционирования публичных библиотек накануне отмены крепостного права (1855–1861) по губернаторским отчетам // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 62–75. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-62-75>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-62-75

Mogilevskiy Nikolay A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia

Moscow, Russia

n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

**MAIN PROBLEMS
OF FUNCTIONING OF PUBLIC LIBRARIES
ON THE EVE OF THE ABOLITION OF SERFDOM (1855–1861)
ACCORDING TO GOVERNOR'S REPORTS**

Abstract. The article analyzes the problems faced by provincial public libraries in the second half of the 1850s, reflected in the annual reports of governors to the emperor. The relevance of the topic is determined by the necessity to look at the problem of functioning of provincial public libraries with the involvement of a new type of sources — in this case, governor's reports. Public libraries in provincial towns began to be opened in Russia, at the suggestion of Admiral N. S. Mordvinov, after 1830. However, they were initially placed in rather difficult conditions: their financing was entirely entrusted by the government to local societies, which did so reluctantly and insufficiently. The chronic lack of money in provincial libraries also caused other problems: limited library funds, difficulties in hiring and maintaining staff, etc. After the tightening of censorship (since 1848), many provincial public libraries actually ceased to function. Their revival began only after the accession to the throne of Alexander II, when the government paid close attention to the spread of education and raising the general cultural level of the population, especially in the regions. In the gubernatorial reports of the epoch under consideration, public libraries received a lot of attention, which allows us to analyze the problems faced by provincial public libraries at that time. The study showed that the situation of provincial public libraries on the eve of the abolition of serfdom was ambivalent: on the one hand, there was a positive trend — new libraries were opened and old ones were revived; on the other hand, all the previous problems inherent in provincial public libraries (first of all, financial) were not solved.

Keywords: provincial public libraries, governors, great reforms, Ministry of Internal Affairs, Russian Empire.

For citation: Mogilevskiy N. A. Main problems of functioning of public libraries on the eve of the abolition of serfdom (1855–1861) according to governor's reports // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 62–75. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-62-75>

Введение. Губернские публичные библиотеки в середине XIX в. переживали не лучшие времена. Многие из них пришли в упадок, значительная часть закрылась. Однако вступление на престол Александра II, разбудившее в обществе надежды на скорые коренные реформы, вдохнуло в библиотечное дело в провинции новую жизнь. Наступившая «оттепель» в общественно-политической жизни коснулась и такой важной темы, как просвещение. Власть, нуждаясь во всесторонней поддержке намеченных ею преобразований (прежде всего в крестьянском вопросе), планировала опереться на просвещенные слои населения. И если в столицах людей образованных, занятых в интеллектуальной сфере и имевших доступ к передовым изданиям, было достаточно, то в провинции ситуация обстояла совершенно иначе. Стремясь облегчить и масштабировать доступ жителей к получению знаний, правительство обратило свое пристальное внимание на библиотечное дело.

Представители центральной власти на местах — губернаторы — в своих отчетах на имя императора тщательно фиксировали ситуацию с главными хранителями знаний — местными губернскими публичными библиотеками¹. Анализ этих сведений, прежде всего тех проблем, с которыми сталкивались библиотеки в своей работе, и стал предметом настоящей статьи. Хронологическими рамками исследования выбран период подготовки к отмене крепостного права (1855–1861), на который и пришлось возрождение библиотечного дела в провинции. Что касается географии, то в статье будут рассмотрены отчеты губернаторов их тех губерний, которые управлялись по Общему основанию (т. е. губернии Европейской России).

Несмотря на то что в историографии проблема функционирования провинциальных публичных библиотек изучается достаточно долго², до сегодняшнего дня губернаторские отчеты для изучения этой проблемы не использовались. Этот факт позволяет надеяться, что настоящая работа станет еще одним шагом в разработке поставленной проблемы.

Ход и результаты исследования. Под публичной библиотекой, согласно определению М. Ю. Матвеева, следует понимать «платную библиотеку, открытую группой местной интеллигенции и предназначенную для удовлетворения

¹ Сведения о библиотеках в губернаторских отчетах помещались в разделе «Народное просвещение».

² Громова А. Публичные библиотеки в провинции в 1830–1850 г. // Советская библиография. 1934. № 1. С. 66–97; Абрамов И. А. История библиотечного дела в СССР. М., 1980; Матвеев М. Ю. К истории образования региональных библиотек в России (1830–1917 гг.) // Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров: сб. науч. трудов. Вып. 3. СПб., 1994. С. 187–218; Ванеев А. Н. Библиотековедение в России в первой половине XIX в. СПб., 1995; Афанасьев М. Д. Место библиотеки в культурной жизни провинции (XIX в.) // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25–29 июля 1995 г.). Кн. 2. Пенза, 1996. С. 3–8; Матвеев М. Ю. Публичные и народные библиотеки в Российской империи в 1850–1860-х гг. // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4 (13). С. 114–121.

общеобразовательных запросов населения»³. Первые публичные библиотеки в провинции возникали в России еще в XVIII столетии: самый ранний проект («Изыявления прибыточные государству») принадлежал перу Ф. С. Салтыкова (1714). К концу XVIII в. публичные библиотеки появились в Туле, Иркутске и Калуге, небольшие частные библиотеки были открыты в Великом Устюге, Великих Луках, Казани, Астрахани, Ревеле и Одессе⁴. Впрочем, к исходу первой четверти XIX в. в Российской империи все они фактически перестали функционировать, и к 1829 г. в стране было всего две публичные библиотеки — в Санкт-Петербурге и Москве.

Сложившаяся ситуация не очень беспокоила власти, не проявлявшие никакой инициативы в деле открытия публичных библиотек в губернских городах. Однако в 1830 г. к министру внутренних дел А. А. Закревскому по этому поводу обратился видный деятель Александровской эпохи, президент Вольного экономического общества, адмирал Н. С. Мордвинов. Поданная им записка («Мнение об учреждении публичных библиотек в России»⁵) стала новой точкой отсчета в истории публичных библиотек в нашей стране.

В записке Мордвинов констатировал «недостаток по российским губерниям средств к получению основательных о науках и искусствах разного рода сведений», что мешает народному просвещению и «народной и в особенности же земледельческой промышленности», увязывая тем самым просвещение не только с общим повышением грамотности, но и с экономическим процветанием. Для того чтобы изменить эту ситуацию, Мордвинов просил министра «изыскать средства через сношение с начальниками губерний и предводителями дворянства к заведению публичных библиотек, в коих бы все жители оных [губерний] могли пользоваться чтением книг, выходящих по крайней мере на русском языке», а также составлять общине подписки на получение российских литературных и научных журналов.

Совершенно очевидно, что ключевым вопросом в этом контексте был вопрос материальный: на чьи средства будут открываться и содержаться библиотеки? По мнению адмирала, все траты необходимо переложить на само местное общество, для которого эти расходы не станут слишком обременительными: «Для начального обзаведения таковых библиотек помещением, мебелью и другими потребностями, без сомнения потребуются небольшие суммы,

³ Существовал и термин «общественная библиотека», который имел несколько значений: 1) библиотека, предназначенная для всего местного общества; 2) библиотека, работающая за счет пожертвований местного населения; 3) учреждение, созданное муниципальными властями; 4) библиотека, организованная специальным библиотечным обществом. В целом можно говорить о тождественности понятий «публичная библиотека» и «общественная библиотека». См.: *Мамвеев М. Ю.* Публичные и народные библиотеки в Российской империи в 1850–1860-х гг. С. 115.

⁴ *Громова А.* Указ. соч. С. 67–69.

⁵ Мнение адмирала Н. С. Мордвинова об учреждении публичных библиотек в России. (Сообщено Е. М. Феоктистовым) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 413–415.

кои дворянские и градские общества не укоснят пожертвовать на пользу общую». Выгоды от открытия публичных библиотек в губерниях окажутся, уверял автор записки, весомыми и обоюдными, как для самого населения, так и для государства: «Возродится в городах наших дух общественности и взаимных советов у жителей, кои ныне не имеют общего места для встречи и рассуждений о делах», появится «сбыт для хороших сочинений», «откроются места, в кои могут посылать для обнародования сочинители, изобретатели машин», а также «откроется возможность через сии места собирать разные статистические сведения, коих недостаток столь чувствителен в России». Всего этого можно будет добиться «одним усердием дворянских и градских обществ, ежели начальники губерний примут в оном должное участие»⁶.

Мордвиновский проект, по сути, предполагал передать дело просвещения в губерниях местному обществу, которое должно было проявить инициативу в деле создания библиотек, а затем и содержать их за собственный счет. Власть оставляла за собой общий контроль как за административной деятельностью, так и за наполнением библиотек (через Министерство просвещения). Тем самым закладывалась изначально нежизнеспособная конструкция — власть не желала тратить деньги на создание центров просвещения в губерниях (библиотек), при этом сохраняя в своих руках всю полноту контроля. Как будет показано далее, именно это и стало ахиллесовой пятой губернских библиотек, поставив их в весьма непростую ситуацию, при которой местное дворянство просто не будет иметь достаточно стимулов, чтобы поддерживать на необходимом уровне финансирование губернских публичных библиотек.

Одновременно с запиской адмирал Мордвинов предложил примерный проект, говоря современным языком, внутреннего регламента губернских публичных библиотек — «Основания, на которых вообще учреждаются в губернских и уездных городах России публичные библиотеки для чтения»⁷. В этом документе Мордвинов коснулся не только ведомственной подчиненности и отношений с местной администрацией будущих библиотек, но и внутреннего устройства и распорядка их работы. Желательно, указывал он, чтобы библиотеки были открыты для публики ежедневно, кроме воскресных и табельных дней, причем не менее четырех часов в день; доступ в библиотеку должен быть открыт для всех, читательские билеты предусмотрены не были; размещать библиотеки предполагалось в зданиях депутатского собрания, приказа общественного призрения, градского общества или даже в наемных квартирах, «смотря по удобности».

С точки зрения административной статус библиотек из проекта был не вполне ясен: с одной стороны, «библиотеки сии суть заведения частные», с другой — все они «состоят в управлении гражданских губернаторов, которые по всем делам до оных относящихся, согласно высочайшей воле, сносятся

⁶ Мнение адмирала Н. С. Мордвинова об учреждении публичных библиотек в России.

⁷ Основания, на которых вообще учреждаются в губернских и уездных городах России публичные библиотеки для чтения» // Библиотека. 1992. № 2. С. 24–26.

непосредственно с Министерством народного просвещения»⁸. Иными словами, получив формально общественный статус, библиотеки напрямую курировались местной администрацией (в этом смысле показательно, что дело-производство библиотек должно было осуществляться через губернаторскую канцелярию). При этом финансирование библиотек, как уже говорилось, предполагалось возложить на общество: библиотеки должны были существовать на «добровольные пожертвования городских и сельских жителей и составляют общественную их собственность» (пожертвования могли иметь разные формы: деньгами, книгами, предметами мебели и т. п.).

Непосредственное руководство библиотеками осуществлял попечительный комитет под председательством и руководством гражданских губернаторов. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что в провинции может возникнуть дефицит кадров для замещения должности библиотекарей, Мордвинов допускал, что на первое время библиотекарями можно делать местных чиновников или «других благонадежных лиц». На библиотекаре лежала задача не только выдавать книги и следить за их сохранностью, но и подавать ежегодно губернатору отчет о состоянии публичной библиотеки, указывая в нем число читателей, суммах на ее содержание, их назначении и пр. Губернатор, в свою очередь, предоставлял эти сведения министру народного просвещения, а тот — императору⁹.

Поданный адмиралом Мордвиновым проект был благосклонно принят управляющим Министерством внутренних дел, который, не поменяв в нем практически ни слова, издал на его основании циркуляр от 5 июля 1830 г. В нем, подчеркнув важность и необходимость библиотек и кратко описав их примерное устройство и способы функционирования (все это было взято из мордвиновской записки), министр поручал губернаторам «снестись с губернским предводителем дворянства и, пригласив к совещанию как его, так и равно директора гимназии и других учебных заведений, буде таковые состоят в губернии, и прочих любителей полезных знаний со стороны дворянства и купечества, определить: 1) приличное здание для помещения в губернском городе публичной библиотеки, 2) распорядиться относительно порядка, коим имеет руководствоваться библиотекарь в удовлетворении требований читателей и сохранения оной в целости и 3) избрать попечителей губернской публичной библиотеки, а для ближайшего заведывания оной библиотекаря»¹⁰.

⁸ Все городские и общественные публичные библиотеки состояли в ведении Министерства народного просвещения до 12.07.1867, когда были переданы под юрисдикцию МВД (О передаче городских и общественных библиотек из ведомства Министерства Народного Просвещения в ведение Министерства Внутренних Дел // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание. Т. XLII. Отд. 1. СПб., 1871. С. 1154. № 44841).

⁹ Основания, на которых вообще учреждаются в губернских и уездных городах России публичные библиотеки для чтения. С. 24–26.

¹⁰ Цит. по: *Голубцов Н. А.* Исторический очерк Архангельской публичной библиотеки. Архангельск, 1910. С. 3–4.

Начальники губерний, впрочем, исполнять министерское предписание не спешили, поэтому Закревскому пришлось в конце июля 1830 г. поторопить их, напоминая о необходимости как можно скорее приступить к открытию библиотек. Сменивший Закревского на посту министра внутренних дел в феврале 1832 г. Д. Н. Блудов, видя в распространении библиотек способ повысить уровень образования молодых провинциальных чиновников и канцелярских служащих, в апреле 1832 г. издал циркуляр, в котором был четко описан механизм функционирования губернских библиотек: о помещениях для библиотек, назначении библиотекарей и т. п. Все идеи этого документа были взяты из предложений Мордвинова. Новый министр еще раз специально подчеркивал, что никакие государственные деньги («суммы земского сбора») не могут быть «обращаемы ни на заведение, ни на устройство библиотеки, ибо суммы сии имеют свое определительное значение»¹¹.

Блудовский циркуляр возымел, наконец, желаемый эффект, и постепенно в губерниях стали появляться библиотеки. По изначальному плану предполагалось их открытие почти в каждой губернии (52 библиотеки), в действительности же они были открыты всего в 31 губернском городе¹². Следует заметить, что на высшем уровне инициативу МВД по открытию в провинции библиотек поддержали как государственные сановники (например, министры финансов и народного просвещения — Е. Ф. Канкрин и С. С. Уваров), так и видные общественные деятели (М. П. Погодин и Н. И. Греч), охотно жертвовавшие библиотекам собрания книг и журналов¹³.

Открывавшиеся в губернских городах библиотеки с первых же дней своего существования повсеместно сталкивались с целым рядом сложностей: теснота помещений создавала неудобства для чтения и не способствовала притоку новых читателей; читатели (в основном дворяне, духовенство и купцы, изредка чиновники и мещане) шли за книгами не очень охотно — их отпугивала и высокая плата за чтение, и залог за книги; наконец, сам книжный фонд был довольно-таки скромным¹⁴. У всех этих сложностей была одна первопричина — скудный бюджет. Правительство, запретив использовать средства от земских соборов на открытие и содержание библиотек, оставило последним, по сути, единственный источник доходов — добровольные пожертвования местного общества¹⁵.

¹¹ Цит. по: *Голубцов Н. А.* Указ. соч. С. 5.

¹² *Абрамов И. А.* Указ. соч. С. 51.

¹³ Там же. С. 4.

¹⁴ Наиболее богатыми фондами обладали библиотеки Тамбова (более 13 тыс. книг), Астрахани (6,4 тыс.) и Симбирска (5,4 тыс.). Фонд подавляющего большинства остальных библиотек не превышал 2–2,5 тыс. единиц. См.: *Абрамов И. А.* Указ. соч. С. 52.

¹⁵ Справедливости ради следует отметить, что власти прекрасно осознавали всю тяжесть финансового бремени, лежавшего на губернских библиотеках и старались его смягчить, хотя и косвенными мерами. Так, в 1847 г. все помещения городских публичных библиотек были освобождены от городских повинностей. См.: *Матвеев М. Ю.* К истории образования региональных библиотек... С. 194.

Местное общество — это прежде всего, разумеется, дворянство, по мнению современного исследователя М. Д. Афанасьева, наиболее «образованная и нацеленная на интеллектуальную деятельность общественная сила». Между тем, как справедливо заметил он, эта самая «общественная сила» слабо ощущала необходимость библиотек, поскольку «в родовых имениях помещики располагали прекрасными семейными книжными коллекциями», а в губернских публичных библиотеках они видели лишь ненужную роскошь, на которую им же приходилось раскошеляться¹⁶. Остальные сословия (купцы, мещане и чиновники) также не горели желанием взваливать на себя дополнительное финансовое бремя, а их коллективная тяга к просвещению и книжному делу еще не была сформирована¹⁷.

Именно поэтому открытые с таким трудом губернские библиотеки в подавляющем большинстве случаев владели достаточно жалкое существование: их доходы были либо нулевыми, либо едва-едва превышали расходы. Взглянем на конкретные цифры: средняя годовая сумма доходов архангельской публичной библиотеки в 1833–1868 гг. составляла 343 руб., а расходов — 322 руб.¹⁸; в симбирской библиотеке к 1855 г. наблюдался полный упадок: книги практически не закупались, а расходы стабильно превышали доходы¹⁹; наконец, в публичной библиотеке Владимирской губернии, как отмечал участвовавший в ее создании А. И. Герцен, наблюдалась та же картина: «действия библиотеки должны были отчасти сократиться на нынешний год, по недостатку средств», что привело к значительному сужению ассортимента выписываемой периодики (фактически доступными были лишь ведомственные журналы Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и т. п.²⁰).

Еще один удар библиотекам пришлось пережить в конце 1840-х гг. В 1848 г. Николаем I был учрежден печально знаменитый «Бутурлинский комитет» — высший цензурный орган страны. Комитет этот, по словам историка А. А. Корнилова, «принялся не шутя за работу, и положение печати сделалось вскоре вполне невыносимым»²¹. Самым негативным образом деятельность Комитета сказалась и на положении губернских библиотек: усилившийся надзор за литературой, выражавшийся в запрете множества совершенно невинных произведений

¹⁶ Афанасьев М. Д. Указ. соч. С. 4.

¹⁷ В некоторых губерниях местное начальство, зная о нежелании чиновников пользоваться библиотеками и, соответственно, приносить им прибыль, фактически сделали отчисления на содержание последних обязательным. Так, в Архангельской губернии по инициативе губернатора П. В. Степанова распространилось «ежегодное приглашение служащих в Архангельске классных чиновников к пожертвованию 1 % с жалования в пользу библиотеки». Вскоре, однако, «добровольный» взнос был отменен, поскольку это «оказалось совершенно неудачною попыткою». См.: Голубцов Н. А. Указ. соч. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Котовицков Е. С. Пятидесятилетнее существование симбирской Карамзинской общественной библиотеки 1848–1898 г. Краткий исторический очерк. Симбирск, 1898. С. 34.

²⁰ Цит. по: Абрамов И. А. Указ. соч. С. 56.

²¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 190.

и отлучению литераторов от ремесла²², привел к тому, что библиотечные фонды пополнялись слабо или не пополнялись вовсе.

Проблема нехватки денежных средств как для покупки новых изданий, так и для поддержания работы библиотек также никуда не делась. В конечном итоге к середине 1850-х гг. деятельность практически всех открывшихся в 1830-е гг. губернских публичных библиотек была сведена к нулю: многие из них превратились в склад, а в иных случаях просто в «свалку книг где-нибудь в темном и сыром подвале и т. п. помещениях»²³. По подсчетам И. А. Абрамова, к концу правления Николая I действовало только 10 губернских библиотек²⁴.

Вступление на трон Александра II вызвало в обществе небывалый прилив оптимизма и надежд на скорые перемены. Общее оживление не могло не отразиться на положении дел в сфере печати. В стране в рассматриваемый период (1855–1861) наблюдался небывалый всплеск публицистической активности: ежегодно в России учреждалось 31 новое периодическое издание²⁵. Власть в тот момент в целом была заинтересована в выстраивании диалога с обществом, а также в развитии образования и просвещения. Безусловно, губернские публичные библиотеки, эти центры интеллектуального притяжения, вновь привлекли к себе внимание как со стороны администрации, так и со стороны местного общества. Немалую роль в «реанимации» губернских библиотек сыграла также интеллектуальная мода, шедшая из столиц: к началу 1860-х гг. в провинциальных городах «воспроизводятся характерные для столицы формы культурной коммуникации — литературные кружки, салоны, выписываются из Петербурга и Москвы альманахи, позднее и журналы»²⁶.

Период с 1856 по 1864 г. стал временем активного возрождения закрывшихся ранее губернских библиотек: Петрозаводской, Смоленской, Орловской, Псковской, Виленской²⁷, Екатеринославской²⁸. Параллельно шел процесс постепенного преобразования библиотек уездных училищ в публичные: в Ярославской, Пермской, Калужской, Смоленской и Курской губерниях²⁹. Открывались и совершенно новые библиотеки в тех городах, где до того их никогда не было — в Рязани³⁰, Самаре³¹ и Твери³².

В некоторых губерниях стремительно росло количество небольших частных библиотек, например в Калужской губернии за три года (1858–1861)

²² Корнилов А. А. Курс истории России XIX века... С. 190–191.

²³ Громова А. Указ. соч. С. 85.

²⁴ Абрамов И. А. Указ. соч. С. 52.

²⁵ Лисовский Н. В. Библиография периодической печати, 1703–1900 гг. Пг., 1915. С. 124–177.

²⁶ Афанасьев М. Д. Указ. соч. С. 5.

²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. 1860 год. Д. 37. Л. 4 об.

²⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1858 год. Д. 94. Л. 14 об.

²⁹ Матвеев М. Ю. К истории образования региональных библиотек... С. 198.

³⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1859 год. Д. 61. Л. 62 об.

³¹ Там же. 1861 год. Д. 43. Л. 41 об. – 42.

³² Там же. 1857 год. Д. 53. Л. 26 об.

их число выросло с трех до десяти³³. Во многом это было связано с общим «интеллектуальным пробуждением» губернии, вызванным энергичной деятельностью калужского губернатора В. А. Арцимовича³⁴. Впрочем, процесс возрождения губернских библиотек был не столь простым и гладким, как может показаться. Для того чтобы в полной мере оценить все сложности этого дела, необходимо обратиться к сведениям о состоянии губернских публичных библиотек, содержащимся в губернаторских отчетах.

Изученные материалы позволяют выделить следующие сложности, с которыми сталкивались губернские публичные библиотеки рассматриваемой эпохи: 1) отсутствие финансирования; 2) ограниченная номенклатура фондов, их нерегулярное пополнение; 3) нехватка кадров или небольшое число читателей; 4) конкуренция с другими библиотеками (частными, при учебных заведениях) и книжными лавками. Рассмотрим каждый из пунктов более подробно.

Говоря о финансовой стороне дела, следует заметить, что скудость библиотечных касс оставалась главной проблемой. Местные дворяне далеко не везде проникались «духом эпохи», по-прежнему воспринимая траты на библиотеку как непозволительную роскошь, что, конечно же, сказывалось на состоянии последних. Например, в Воронежской губернии библиотека существовала всего одна (при доме дворянского собрания), и «на поддержку ее сумм не отпускается»³⁵. Похожая ситуация наблюдалась и в Оренбургской губернии, губернатор которой горько констатировал: «Губернская публичная библиотека существует только по названию, не имея никаких средств для приобретения книг и для содержания»³⁶. Не было «постоянных денежных доходов» и у Полтавской губернской библиотеки³⁷.

Отсутствие средств совершенно естественным образом провоцировало и следующую проблему — скудость книжного и журнального ассортимента. Новые поступления практически отсутствовали, так как приобретать новинки было попросту не на что. В Полтаве, например, в губернскую публичную библиотеку поступило в 1858 г. только одно периодическое издание в 43 томах³⁸. Из-за этого в некоторых городах публичные библиотеки превращались в склад старых книг, к тому же еще и разрозненных, сваленных как попало (как, например, в Воронеже³⁹), или являли собой собрание стародавних журналов, мало кому интересных (как в Оренбурге⁴⁰).

Если же новые поступления все же и были, то в основном за счет ведомственных журналов, не вызывавших почти никакого интереса у читающей

³³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1859 год. Д. 74. Л. 57–57 об.; 1862 год. Д. 80. Л. 52.

³⁴ См. подробнее: *Могилевский Н. А.* Господа губернаторы. М., 2022. С. 526–529.

³⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1858 год. Д. 50. Л. 21 об.

³⁶ Там же. 1856 год. Д. 58. Л. 39 об. – 40.

³⁷ Там же. 1857 год. Д. 81. Л. 56–56 об.; 1859 год. Д. 68. Л. 48–48 об.

³⁸ Там же. 1857 год. Д. 81. Л. 56–56 об.

³⁹ Там же. 1860 год. Д. 38. Л. 23 об. – 24.

⁴⁰ Там же. 1856 год. Д. 58. Л. 39 об. – 40.

публики (хотя журнал Министерства внутренних дел в рассматриваемую эпоху был вполне злободневным⁴¹): так было в Калуге⁴² и Могилеве. В последнем библиотека, по замечанию губернатора, «состоя таким образом из одних почти официальных журналов, не приносит никакой пользы, и до того мало занимает общественное внимание, что о существовании ее знают не многие»⁴³.

Недостаток финансирования также мог привести к дефициту кадров в библиотеке или невозможности подобрать для нее более-менее подходящее помещение. Именно такой случай был зафиксирован в Екатеринославской губернии: по сообщению губернатора, тамошняя «губернская публичная библиотека находится в расстройстве, по неимению для нее помещения и библиотекаря»⁴⁴.

Тяжелая ситуация для губернских публичных библиотек усугублялась еще и тем, что им приходилось конкурировать с другими библиотеками (частными или при учебных заведениях), во множестве появлявшимися в то время в самых разных регионах: в Виленской (библиотеки при губернской гимназии, дворянском институте и духовных семинариях, а также при Виленском музее древностей⁴⁵), Воронежской (библиотеки для чтения при книжных лавках)⁴⁶, Вятской (частная библиотека, открытая в 1856 г.)⁴⁷, Екатеринославской (библиотека при губернской гимназии и при губернской и уездных городских больницах)⁴⁸, Оренбургской (при учебных заведениях, правда, весьма небогаты)⁴⁹, Полтавской (уездная библиотека в Ромнах)⁵⁰, Самарской (в 1858 г. по распоряжению губернатора открыт кабинет для чтения газет и журналов при редакции Губернских ведомостей, а также библиотека при гимназии)⁵¹ и Тверской (публичная библиотека купца Черенина, открыта в 1856 г.)⁵² губерниях. И далеко не всегда эта борьба за читателя складывалась в пользу губернских библиотек. Скажем, в Калуге последняя и вовсе «осталась без всякого употребления», не выдержав конкуренции с частными книжными собраниями.

Библиотечный фонд губернских книгохранилищ составляли, во-первых, периодические издания (российские и зарубежные), художественные произведения, научные книги по истории, географии и другим отраслям знания, а также книги духовного содержания. У нас есть возможность узнать, какие издания были наиболее популярны у читателей. Согласно отчету о деятельности

⁴¹ См.: *Варадинов Н.* Тридцатилетие журнала Министерства внутренних дел. СПб., 1859. С. 91–104.

⁴² РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1859 год. Д. 74. Л. 57–57 об.

⁴³ Там же. 1861 год. Д. 33. Л. 74 об.

⁴⁴ Там же. 1858 год. Д. 94. Л. 14 об.

⁴⁵ Там же. 1859 год. Д. 63. Л. 36–36 об.; 1860 год. Д. 37. Л. 54 об.

⁴⁶ Там же. 1860 год. Д. 38. Л. 23 об. – 24.

⁴⁷ Там же. 1860 год. Д. 48. Л. 57.

⁴⁸ Там же. 1858 год. Д. 94. Л. 14 об.

⁴⁹ Там же. 1861 год. Д. 40. Л. 169.

⁵⁰ Там же. 1859 год. Д. 68. Л. 48–48 об.

⁵¹ Там же. 1859 год. Д. 54. Л. 31 об.; 1861 год. Д. 43. Л. 41 об. – 42.

⁵² Там же. 1857 год. Д. 53. Л. 26 об.

Рязанской губернской библиотеки за 1858 г., по подписке чаще всего брали «романы, повести и вообще книги для легкого чтения» (1 890 требований), «журналы, газеты и другие периодические издания прошлого года» (1 101 требование), «исторические сочинения» (123 требования), «описания путешествий» (43 требования), «книги духовного содержания» (27 требований), «по разным отраслям наук» (22 требования)⁵³.

Общий размер библиотечных фондов, отраженный в губернаторских отчетах, см. в таблице.

Таблица

Библиотечные фонды губернских публичных библиотек

Библиотека	Книжный фонд
Екатеринослав	1 562 тома
Калуга	717 наименований книг
Оренбург	990 томов различных книг
Полтава	426 наименований книг и 135 периодических изданий
Тверь	681 наименование журналов и книг, 2 339 томов
Рязань	При открытии в 1858 г.: 609 наименований книг (1 275 томов) и 4 300 номеров периодических изданий. Затем поступило 633 наименования (1 350 томов) и 36 наименований периодической печати

Что касается публики, приходившей в губернские публичные библиотеки, то ее социальный состав изменился незначительно: как и прежде, больше половины составляли дворяне и чиновники, среди остальных было немало учителей, воспитанников гимназий и семинарий⁵⁴, а также представителей купеческого сословия⁵⁵. Чиновники, на просвещение которых при помощи библиотек так надеялось правительство, если и заходили, то весьма нечасто.

На популярность библиотек отрицательно влияла абонементная система: многие предпочитали брать книги на дом, чтобы читать в комфортных условиях и в удобное для себя время. И если сразу после открытия библиотека еще привлекала внимание общества, то затем, постепенно оно сходило практически на нет. В качестве иллюстрации подобной ситуации можно привести уже упоминавшуюся Рязанскую губернскую библиотеку: «При начале открытия библиотеки, в течение января месяца, было самое большое стечение читателей. Частью новизна дела и, следовательно, любопытство публики, частью неполучение еще журналов и небольшое число подписчиков были причиною

⁵³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1859 год. Д. 61. Л. 66.

⁵⁴ Учащиеся во все времена были едва ли не главными пользователями библиотек. Так, в речи, произнесенной на открытии Владимирской библиотеки, А. И. Герцен сделал такую зарисовку с натуры: «В настоящее время библиотека помещается в Доме дворянства и занимает 2 комнаты, весьма удобные и снабженные всем необходимым, где с большим удовольствием всегда можно видеть занимающихся чтением, особенно из учащихся в гимназии и семинарии» (цит. по: Ванеев А. Н. Указ. соч. С. 56.).

⁵⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1859 год. Д. 61. Л. 65.

значительных требований книг для чтения в самой библиотеке. Потом число читателей книг в самой библиотеке уменьшилось с прибавлением подписчиков...» Далее в отчете приводились конкретные цифры количества посетителей библиотеки, наглядно показывающие общую динамику: в феврале — 335 читателей, в марте — 193, с мая до ноября — около 60, в ноябре — всего 22⁵⁶.

Заключение. Изначальное устройство губернских публичных библиотек, предусматривавшее их финансирование со стороны местного общества, следует признать неудачной идеей. Дворяне, не понимавшие в основной своей массе ценности распространения книжного знания и важности насыщения интеллектуальной среды в провинции, рассматривали отчисления на библиотеку как дополнительное обременение. Вследствие этого многие библиотеки владели жалкое существование, обладали небогатыми фондами и даже порой закрывались. Местная власть также зачастую оказывалась в этом вопросе не на высоте положения, не умея (или не желая) оказать библиотекам необходимую помощь. После 1848 г. с ужесточением цензуры многие губернские библиотеки превратились в склады разрозненных книг и старых журналов, привлекавшие незначительное количество читателей.

Ситуация начала меняться после 1856 г., когда общественный запрос на насыщенную и более активную интеллектуальную жизнь совпал с намерениями правительства распространять просвещение в провинции. Верховная власть преследовала сразу две цели: повышение общего культурного уровня населения и образование чиновников низшего и среднего звена. Культурный импульс, полученный в губерниях из обеих столиц, был достаточно силен, благодаря ему во многих губернских городах стали возрождаться (или появляться) публичные библиотеки.

Несмотря на то что свои проблемы эти библиотеки сохранили (прежде всего с финансированием и пополнением книжных фондов), налицо была тенденция к постепенному возрождению внимания местных властей и местных обществ к делу распространения просвещения.

Оживление библиотечного дела в губерниях можно считать яркой чертой дореформенной эпохи, что позволяет несколько скорректировать тезис о том, что «возрождение, а по сути — создание нового типа публичной библиотеки в провинции начинается в пореформенный период»⁵⁷. Проведенное исследование наглядно показывает, что начало этого процесса относится еще к дореформенному периоду — первым пяти годам правления императора Александра II.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1281. Л. 64–65.

⁵⁷ Афанасьев М. Д. Указ. соч. С. 5.

Литература

1. Абрамов И. А. История библиотечного дела в СССР. 3-е изд., перераб и доп. М.: Книга, 1980. 352 с.
2. Афанасьев М. Д. Место библиотеки в культурной жизни провинции (XIX в.) // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25–29 июля 1995 г.). Кн. 2. Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996. С. 3–8.
3. Ванеев А. Н. Библиотековедение в России в первой половине XIX в.: учеб. пособие. СПб.: СПбГАК, 1995. 60 с.
4. Матвеев М. Ю. К истории образования региональных библиотек в России (1830–1917 гг.) // Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров: сб. науч. трудов. Вып. 3. СПб.: РНБ, 1994. С. 187–218.
5. Матвеев М. Ю. Публичные и народные библиотеки в Российской империи в 1850–1860-х гг. // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4 (13). С. 114–121.
6. Могилевский Н. А. Господа губернаторы. М.: Прометей, 2022. 880 с.

References

1. Abramov I. A. Istoriia bibliotechnogo dela v SSSR [History of librarianship in the USSR]. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: Kniga, 1980. 352 p. (In Russ.).
2. Afanasyev M. D. Mesto biblioteki v kul'turnoi zhizni provintsii (XIX v.) [The place of the library in provincial cultural life (19th century)] // Rossiiskaia provintsii XVIII–XX vekov: realii kul'turnoi zhizni: materialy III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Penza, 25–29 iuliia 1995 g.) [The Russian province of the 18th – 20th centuries: the realities of cultural life: materials of the III All-Russian Scientific Conference (Penza, July 25–29, 1995)]. Book 2. Penza: Departament kul'tury Penzenskoi oblasti, 1996. P. 3–8. (In Russ.).
3. Vaneev A. N. Bibliotekovedenie v Rossii v pervoi polovine XIX v. [Library science in Russia in the first half of the 19th century]: a textbook. St. Petersburg: SPbGAK, 1995. 60 p. (In Russ.).
4. Matveev M. Yu. K istorii obrazovaniia regional'nykh bibliotek v Rossii (1830–1917 gg.) [On the history of the formation of regional libraries in Russia (1830–1917)] // Problemy natsional'nykh bibliotek i regional'nykh bibliotechnykh tsentrov [Problems of national libraries and regional library centers]: collection of scientific papers. Issue 3. St. Petersburg: Russian National Library, 1994. P. 187–218. (In Russ.).
5. Matveev M. Yu. Publichnye i narodnye biblioteki v Rossiiskoi imperii v 1850–1860-kh gg. [Public and people's libraries in the Russian Empire in the 1850s–1860s] // Vestnik SPbGUKI [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture]. 2012. № 4 (13). P. 114–121. (In Russ.).
6. Mogilevsky N. A. Gospoda gubernatory [Gentlemen governors]. Moscow: Prometei, 2022. 880 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-76-93

Ван Хуни

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

wanghongyi25@126.com; ORCID: 0009-0003-8614-9032

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1855–1917) В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. С конца XIX в. в Китае наблюдается интерес к переводу трудов российских политических деятелей, однако систематическое изучение политической истории дореволюционной России начало формироваться лишь в конце 1980-х гг. Актуальность темы обусловлена возрастающим значением российско-китайских гуманитарных связей и необходимостью комплексного осмысления вклада китайской историографии в изучение ключевых политических процессов дореволюционного периода. Целью настоящей статьи является анализ этапов развития и специфики подходов китайских ученых к исследованию политической истории России второй половины XIX – начала XX в. Временные рамки охватывают последние 40 лет и условно делятся на два этапа: первый (1980–2010), характеризующийся преобладанием советской методологии и ограниченным доступом к источникам, и второй (с 2011 г. по настоящее время), отличающийся ростом оригинальных исследований, основанных на самостоятельной интерпретации источников. Автор выделяет ключевые направления исследований: земская и судебная реформы, либерально-конституционное движение, развитие политических партий и идеологий. Сделан вывод, что, несмотря на значительный прогресс, китайская историография политической истории дореволюционной России остается в стадии формирования и требует дальнейшей методологической и источниковедческой проработки. В работе подчеркивается необходимость расширения междисциплинарного и международного научного сотрудничества.

Ключевые слова: китайская историография; политическая история России; дореволюционный период; советская методология; общественно-политические движения; реформа; интерпретационные подходы; научное сотрудничество.

Для цитирования: Ван Хуни. Политическая история дореволюционной России (1855–1917) в зеркале китайской историографии // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 76–93. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-76-93>

Original article

UDC 94 (47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-76-93

Wang Hongyi

Postgraduate Student

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

wanghongyi25@126.com; ORCID: 0009-0003-8614-9032

THE POLITICAL HISTORY OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (1855–1917) THROUGH THE LENS OF CHINESE HISTORIOGRAPHY

Abstract. Since the late 19th century, China has shown interest in translating works by Russian political figures. However, a systematic approach to studying the political history of pre-revolutionary Russia began to emerge only in the late 1980s. The relevance of this topic is linked to the growing importance of Sino-Russian humanitarian cooperation and the need to assess the contribution of Chinese historiography to the study of key political processes of the pre-revolutionary period. The purpose of this article is to analyze the developmental stages and methodological features of Chinese research on Russia's political history in the second half of the 19th and early 20th centuries.

The timeframe under review covers the past 40 years and is conventionally divided into two phases. The first (1980–2010) was marked by reliance on Soviet historiography, both in methodology and source base. The second phase (from 2011 to the present) has seen an increase in original Chinese research, based on independent interpretation of primary sources. Key areas of study include the Zemstvo and judicial reforms, liberal-constitutional movements, and the development of political ideologies and parties. The article concludes that, despite evident progress, Chinese historiography of Russia's political history remains underdeveloped and requires further refinement through methodological work and international academic cooperation.

Keywords: Chinese historiography; political history of Russia; pre-revolutionary period; Soviet methodology; socio-political movements; reform; interpretative approaches; academic cooperation.

For citation: Wang Hongyi. The political history of pre-revolutionary Russia (1855–1917) through the lens of Chinese historiography // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 76–93. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-76-93>

Введение. Исследования политической истории России в Китае начались с конца XIX в., в период поиска китайскими интеллектуалами путей модернизации своей страны, опирающихся на исторический опыт европейских стран. Историки тех времен переводили труды российских революционеров в поисках решений для изменения текущей ситуации в Китае. Усиленное внимание уделялось антимонархическому движению XIX и XX вв.

После 1949 г. КНР находилась в специфических политических отношениях с Советским Союзом. Китайские студенты, проходившие обучение в СССР, возвращались на родину с материалами, в которых была представлена целостная и систематизированная картина истории, изложенная с позиций советской историографии и сформулированная советскими исследователями. Знакомство с русской общественной мыслью, как правило, начиналось с изучения таких фундаментальных трудов, как «Краткий курс истории ВКП (б)». Данная книга была переведена и опубликована в Китае в 1939 г. и не только повлияла на политическую практику и историческое мировоззрение Коммунистической партии Китая, но и заложила основу понимания дореволюционного российского общества¹.

На основе переводов советских монографий 1950-х гг. и традиций российской историографии в Китае была сформирована собственная система исторического знания, в центре которой находилась политическая история. На протяжении длительного времени ее изучение рассматривалось как приложение к политической борьбе и международным отношениям. Тематика и исследовательские подходы к политической истории дореволюционной России во многом определялись влиянием международного коммунистического движения и внутренней политикой Китая.

Изучение политической истории дореволюционной России в Китае с 1980-х гг. до 2010 г. С восстановлением института высшего образования после культурной революции в Китае постепенно стало возобновляться изучение мировой истории, в том числе истории России. В 1980-е гг. концепция советского лидера Н. И. Бухарина становится одной из самых популярных тем исследований, впоследствии повлиявшей на изучение политической истории России. Обсуждение социалистической теории Бухарина выходит за рамки данной статьи, но необходимо отметить, что китайские ученые не рассматривали Н. И. Бухарина как «империалистического шпиона, занимающегося антипартийной, антисоциалистической и антисоветской государственной деятельностью»². Таким образом, у китайских исследователей впервые появилась возможность объективно взглянуть на историю России, особенно на дореволюционную ее историю, изложенную в «Кратком курсе». Китайский исследователь Е. Шуцзун, опубликовавший в 1988 г. труд «Биография Н. И. Бухарина»³, внес значительный вклад в изучение советской политической истории. Автор этой работы указывал: «Мы должны дать понять народу нашей страны, что “Краткий курс” — это произвольная фабрикация истории,

¹ См.: *Чжу Баоцян*. Перевод, публикация и распространение «Краткого курса истории ВКП (б)» в Китае // Исследования и преподавание истории партии. 2012. № 4. С. 48–56). (На кит. яз.). В статье анализируются четыре варианта книги «Краткий курс истории ВКП (б)», изданных до 1949 г. и четыре варианта — после 1949 г., а также их распространение в Китае.

² *Е Шуцзун*. Что я сделал, чтобы доказать историческую невиновность Н. И. Бухарина. URL: <https://www.tsyzm.com/CN/news/news224.shtml> (На кит. яз.).

³ *Вэнь И, Е Шуцзун*. Биография Н. И. Бухарина. Цзилинь, 1988. (На кит. яз.).

основанная на политических нуждах, что в корне пошатнет доверие к “Краткому курсу” в идеологическом поле нашей страны»⁴.

С начала 1990-х гг. наблюдается активизация научных исследований, посвященных истории России, значительная часть которых сосредоточена на анализе политических процессов, происходивших в период с 1855 по 1917 г. Существенное внимание в этих работах уделяется изучению институционального развития, идейных оснований и культурной специфики российской государственности. Так, в монографии Яо Хая «Русский культурный путь» рассматривается своеобразие исторического пути России сквозь призму институциональной структуры, духовных и идеологических основ, а также в контексте культурных конфликтов и процессов интеграции⁵. В исследовании Лю Цзуси «Славянская культура» анализируется соотношение политических взглядов российских общественных деятелей с мотивами и образами, характерными для славянской литературной традиции⁶.

Понятие «история культуры» в данном исследовательском контексте охватывает не только литературные и художественные произведения, но также и ключевые политические течения. Так, Яо Хай в своей работе прослеживает связь между литературными направлениями, такими как нигилизм и народничество, и социально-политическими процессами, включая земскую реформу, земское движение, а также либерально-конституционное движение конца XIX – начала XX в. Можно предположить, что широкая практика перевода русской литературы XIX в. в 1950-х гг., а также влияние марксистской интерпретации художественных текстов способствовали тому, что литература стала играть значимую роль в осмыслении политической истории России. Несмотря на то что указанные исследования зачастую представляют собой авторские интерпретации, а не критический анализ первоисточников, их несомненной ценностью является формирование прочной научной базы для последующих исследований, а также вклад в формирование научного мировоззрения нового поколения исследователей.

Позже китайские ученые занялись более конкретными вопросами. Так, в книге «Славизм в императорской России»⁷ автор Бай Сяохун анализирует термины «западничество» и «славянофильство» и предлагает их системное объяснение. В «Введении в идеологическую историю русской интеллигенции» Чжан Цзяньхуа описывает развитие русской интеллигенции в период с XVIII в. по 1920-е гг., относя ее представителей к трем политическим течениям: радикализму, консерватизму и либерализму. Он отмечает, что «сама русская культура сформировалась на основе синтеза множества заимствованных культурных элементов»⁸. Эти работы включают большое количество политических

⁴ Е Шуцзун. Указ. соч.

⁵ Яо Хай. Русский культурный путь. Ханчжоу, 1992. (На кит. яз.).

⁶ Лю Цзуси. Славянская культура. Ханчжоу, 1993. (На кит. яз.).

⁷ Бай Сяохун. Славизм в императорской России. Пекин, 2004. (На кит. яз.).

⁸ Чжан Цзяньхуа. Введение в интеллектуальную историю русской интеллигенции. Пекин, 2008. С. 105. (На кит. яз.).

документов второй половины XIX – начала XX в., а также описывают взгляды политических деятелей разных фракций. В частности, большое количество исторических материалов переведено с русского на китайский язык, что обогатило изучение российской политической истории в Китае.

На рубеже XX–XXI вв. стали появляться монографии, непосредственно посвященные политической истории России. Тематику, которая больше всего интересует китайское научное сообщество в политической истории России с 1885 по 1917 г., можно свести к двум вопросам: один — это Октябрьская революция 1917 г. и связанные с ней политические практики коммунистов, а другой — великие реформы во время царствования Александра II и модернизация Российской империи.

Монография Яо Хая «Истоки конституционного движения в современной России»⁹ — самая ранняя работа китайских исследователей по первому вопросу. В книге систематически изучается история развития и эволюции российской либеральной мысли и движения, а также их влияние на российский общественно-политический процесс. При изучении либеральных движений главным интересом Яо Хая было то, как эти движения привели к революции 1917 г. Успех исследования объясняется тем, что автор в 1993–1994 гг. был приглашенным научным сотрудником Московского педагогического университета.

В работах, посвященных революции 1917 г. мало новизны, но китайские исследователи добились прорыва в изучении дореволюционной партийной деятельности. В монографиях Е Яньхуа¹⁰ и Ли Юнцюаня¹¹ представлены основные политические течения и партийные объединения, оформившиеся на рубеже XIX–XX вв., с акцентом на их идеологическую направленность и роль в трансформации российской политической системы. В книге Лю Сяньчжуна «Российская Государственная дума в новейшей истории: становление и практика»¹² основное внимание уделяется деятельности консервативных партий в Государственной думе.

Если говорить о Великой реформе 1860-х гг., то важным научным трудом об этом периоде является работа профессора Цзинь Янь «Сельские общины, реформа и революция: общинные традиции и российский путь к модернизации». Тогда же Китай также вступил в период реформ рыночной экономики. Автор пытался дать некоторые предложения для реформы Китая, основываясь на опыте изучения аграрной проблематики в истории России. Главное в ее работе заключается в рассмотрении различных политических реформ в России в конце XIX – начале XX в. и их влияния на крестьянскую общину. Исследуя проблему

⁹ Яо Хай. Истоки современного российского конституционного движения. Чэнду, 1996. (На кит. яз.).

¹⁰ Е Яньхуа. Исследование ранних российских политических партий: дис. ... канд. ист. наук. Чанчунь, 2007. (На кит. яз.).

¹¹ Ли Юнцюань. История российских политических партий. Пекин, 2006. (На кит. яз.).

¹² Лю Сяньчжун. Российская Государственная дума в новейшей истории: становление и практика. Пекин, 2007. (На кит. яз.).

«неизбежности» русской революции, автор книги указывает: «В силу ряда отнюдь не predetermined причин была упущена возможность демократического конституционного развития. <...> “Народная диктатура” и “возрожденная община” — новая Россия воплотилась в жизнь под руководством группы политиков, которые еще двадцать лет назад подвергали ее резкой критике»¹³.

Взаимосвязи религии и политики также привлекли внимание китайских ученых. Работа «Реформа Русской православной церкви (1861–1917)» профессора Дай Гуйцзюй рассказывает, как духовенство участвовало в политическом процессе в России. Автор стремится доказать, что «различие в религиозных воззрениях отражает многогранность русского национального характера: если официальная церковь воспитала в русском народе такие качества, как терпение, покорность и монархизм, то духовные поиски народных сект отражают другую крайность русского характера — свободолюбие, неповиновение светской власти и анархизм»¹⁴. Дай Гуйцзюй в значительной степени разрушил миф, существовавший в китайской историографии, о закрытости православной церкви, а также показал ее усилившуюся связь с обществом.

Из приведенных выше работ становится понятно, как, несмотря на все ограничения, на первом этапе изучения политической истории дореволюционной России удалось открыть новую область исследований и заполнить пробел в китайской исторической науке. Хотя многие исторические факты из политической истории дореволюционной России еще не были введены в научный оборот, появилось много важных изменений. До 1980-х гг. китайские библиотеки долгое время не пополняли фонды советскими книгами из-за многолетней враждебности, существовавшей между СССР и КНР. Чжан Гуансян отмечал, что во время написания магистерской диссертации в середине 1980-х гг. собрать источники о Российской империи он смог только в самом крупном книжном хранилище Китая — Китайской национальной библиотеке¹⁵. С ростом академических обменов между Китаем и Россией многие из вышеупомянутых исследователей были приглашены в российские университеты в 1990-е гг. Они получили много новых материалов в России и обогатили содержание собственных исследований. Многие российские профессора также были приглашены преподавать в Китай, чтобы улучшить китайские исследования по политической истории России¹⁶.

¹³ Цзинь Янь, Цинь Хуэй. Сельские общины, реформа и революция: общинные традиции и российский путь к модернизации. Пекин, 1996. С. 313. (На кит. яз.).

¹⁴ Дай Гуйцзюй. Реформа Русской православной церкви (1861–1917). Пекин, 2002. С. 13. (На кит. яз.).

¹⁵ См.: Чжоу Цзяин. Профессор Чжан Гуансян и исследования русской истории в Китае // Социальные науки. 2014. № 12. С. 242–247. (На кит. яз.). Во время советско-китайской дружбы китайские библиотеки приняли большое количество недавно опубликованных исторических исследований из Советского Союза, а также перевели и опубликовали множество советских исторических работ.

¹⁶ Чжан Гуансян. Краткий обзор отечественных исследований по истории России за последние тридцать лет // Сборник по истории. 2008. № 5. С. 10–12. (На кит. яз.).

И сам предмет исследования с увеличением количества материалов стал излагаться более конкретно. Ученые начали размышлять над историей позднего имперского периода развития политической системы России не только с точки зрения революционеров, но и с позиции общественных деятелей других политических направлений. Профессор Яо Хай писал: «Мы начали исследование либерализма как одного из фундаментальных социальных течений современности. Однако исследования русской радикальной революционной школы еще не носят систематического характера, а исследования современного российского консерватизма практически пусты»¹⁷.

Следует отметить, что практически все вышеперечисленные исследователи¹⁸ защитили докторские диссертации в период своей преподавательской деятельности, сформировав тем самым первое научное сообщество русистов в университетской среде Китая. Эти ученые по сей день остаются ключевой силой в академических кругах, занимающихся изучением истории России, а вузы, в которых они работают, стали важнейшими центрами исследований российской истории в стране¹⁹. Их научные взгляды и методологические подходы продолжают оказывать значительное влияние на становление новых поколений исследователей. С расширением академических обменов и углублением международного сотрудничества в поле зрения молодых китайских ученых постепенно входят новые исследовательские перспективы, в том числе благодаря активному переводу зарубежных научных трудов.

Несмотря на достигнутые успехи, в китайских исследованиях российской политической истории по-прежнему сохраняется ряд методологических и источниковедческих проблем. Ограниченный доступ к оригинальным архивным материалам затрудняет формирование самостоятельных и объективных интерпретаций, что приводит к преобладанию описательно-реферативного подхода: вместо углубленного анализа и критической оценки источников исследования нередко сводятся к констатации фактов и их механическому изложению. Как отмечалось выше, на ранних этапах значительное влияние оказывала советская историографическая традиция с ее акцентом на классово-идеологический подход. Это способствовало идеологизации научного дискурса и снижало степень аналитической точности и теоретической глубины проводимых исследований. В результате, несмотря на расширение эмпирической базы, значительная часть научных трудов данного периода характеризуется ограниченным интерпретационным потенциалом.

¹⁷ Яо Хай. Исследование истории России в Китае за 30 лет во время «реформ и открытости» // Исторический ежемесячник. 2009. № 3. С. 13–24. (На кит. яз.).

¹⁸ Например, Син Гуанчэн, У Эньюань, Чжан Гуансян, Хуан Липу, Чжан Цзяньхуа, Чжан Шэнфа, Лэй Липин, Цао Вэйань, Ло Айлинь, Шэнь Лихуа Лю Сяньчжун и Бай Сяохун.

¹⁹ Включая Цзилиньский университет, Пекинский педагогический университет, Северо-Восточный педагогический университет, Педагогический университет Шэньси, Восточно-Китайский педагогический университет и другие университеты, а также Институт Всемирной истории Китайской академии общественных наук, Институт России и Восточной Европы Центральной Азии.

Изучение политической истории дореволюционной России в Китае после 2010 г. В этот период, опираясь на научные достижения предшественников, китайские исследователи активно продолжают изучение актуальных проблем политической истории дореволюционной России, одновременно расширяя тематические горизонты за счет обращения к новым направлениям и междисциплинарным подходам. Отличительной чертой данного этапа становится не только стремительный рост количества исследований, но и существенный сдвиг в историографической оптике. Современные ученые больше не ограничиваются поиском в российском опыте XIX в. моделей успешной революционной трансформации или шаблонов модернизации. Вместо этого внимание сосредотачивается на более комплексном и многоплановом анализе политических процессов позднеимперского периода истории России.

Во-первых, следует отметить, что важную роль сыграл перевод трудов, представляющих достижения современной российской историографии. Серия переводов русской истории Института исследований Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета, опубликованная в последние десятилетия, несомненно, важное событие в истории изучения дореволюционной России в Китае. Более 40 наименований монографий были переведены и опубликованы, в том числе исследования политической истории, составляющие большую часть переводов: «Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в.»²⁰ и «Российские монополии в зеркале прессы»²¹. Кроме того, не осталось без внимания большое количество известных работ западных исследователей. Так, «Эволюция и кризис при диктатуре: анализ двухсот лет Российской империи» Марка Раева²², «Россия при старом режиме»²³ Ричарда Пайпса, «Зимний дворец и народ: становление и уничтожение российской монархии (1754–1917)» Сьюзан МакКэффри²⁴ были переведены на китайский язык. В Китае немалая часть трудов, описывающих политическую историю, особенно дискуссии о политических мыслителях, созданы исследователями литературы или философами. Внимание профессора Чжан Цзяньхуа по поводу российского «литературного центризма» побудило его, выступать за то, чтобы китайские ученые заимствовали достижения и опыт литературных исследований в российских исторических исследованиях²⁵. Он подчеркивает,

²⁰ Шэрэнская Н. Б., Торстендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. / пер. Чжан Гуансян, Лю Яньцин. Пекин, 2020. (На кит. яз.).

²¹ Гориков А. Г. Российские монополии в зеркале прессы / пер. Чжан Гуансян, Бай Фань. Пекин, 2018. (На кит. яз.).

²² Раев М. Эволюция и кризис при диктатуре: анализ двухсот лет Российской империи / пер. Цзян Сюэчжэнь, Ван Дуань. Шанхай, 1996. (На кит. яз.).

²³ Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. Хао Куй. Пекин, 2023. (На кит. яз.).

²⁴ МакКэффри С. П. Зимний дворец и народ: становление и уничтожение российской монархии (1754–1917) / пер. Гао Линъя. Шанхай, 2023. (На кит. яз.).

²⁵ Чжан Цзяньхуа. Размышления об исследованиях российской истории в отечественном академическом сообществе за последние 30 лет // Теоретический журнал. 2009. № 1. С. 107–111. (На кит. яз.).

что внимание, уделяемое контексту, риторике и метафорам не только получило всеобщее признание среди китайских читателей, но и повлияло на оценку китайскими учеными российской политической культуры.

С увеличением количества переводов китайские ученые также увеличили объем исследований в области политической теории, в которых можно заметить следующую тенденцию: появились исследования, посвященные малоизученным политическим терминам и понятиям. Профессор Сюй Цзиньцю длительное время успешно занимается изучением российского консерватизма. Так, в статье «Консервативная теория о политической модернизации Российской империи»²⁶ автор пишет о том, что русские мыслители сформулировали условия, при которых будет возможна консервативная модернизация России: сохранение традиционного православного сознания, защита самодержавия и сохранение централизованной монархической системы. В своей работе Сюй Цзиньцю подчеркивала важность непрерывности исторического процесса, наследования общественного развития и последовательности реформ. Следует признать, ее взгляды сильно повлияли на китайские исследования российского консерватизма. Схожую точку зрения на данный вопрос можно увидеть в статьях «Политическая культура в русской национальной идентичности» Лю Ина²⁷ и «Исторический обзор концепции “народность” в России в XIX веке» Ли Сюэ²⁸. Дискуссионный вопрос устройства политической системы в России интересует китайских ученых. Однако подобные исследования должны быть более глубокими и полными, чтобы закрыть пробелы в исследованиях дореволюционной правой политической теории. Итоговая статья Яо Хая «Понимание русского революционного движения XIX века с точки зрения концептуальных изменений»²⁹ показывает, что китайские ученые не обошли вниманием и исследование левой политической теории, в том числе революционный демократизм, нигилизм, русское яacobинство, народничество и революционный радикализм.

Во-вторых, в китайской историографии возрастающий интерес вызывает анализ взглядов и позиций правых мыслителей и националистов, действовавших в конце XIX – начале XX в., которые в наименьшей степени связывали себя с революционной традицией. В этих работах революция больше не рассматривается как неизбежная, последняя стадия дореволюционной политической культуры.

В китайской историографии существует также немало работ, освещающих биографии известных политических деятелей России. Например, в магистерской диссертации Чжан Шуай «Предварительное исследование ранних политических

²⁶ Сюй Цзиньцю. Консервативная теория о политической модернизации Российской империи // Цзяньхань. 2018. № 4. С. 117–123. (На кит. яз.).

²⁷ Лю Ин. Политическая культура в русской национальной идентичности // Сибирские исследования. 2008. № 3. С. 87–90. (На кит. яз.).

²⁸ Ли Сюэ. Исторический обзор концепции «народность» в России в XIX веке // Русская литература и искусство. 2022. № 4. С. 4–14. (На кит. яз.).

²⁹ Яо Хай. Понимание русского революционного движения XIX века с точки зрения концептуальных изменений // Русские исследования. 2018. № 5. С. 7–27. (На кит. яз.).

мыслей и деятельности П. Н. Милюкова (1890–1906)»³⁰ подчеркивается разница между либеральной концепцией лидера Конституционно-демократической партии и классическими моделями британского и французского либерализма. В отличие от западноевропейской традиции, основанной преимущественно на идеях индивидуализма и парламентского конституционализма, российский либерализм в интерпретации Милюкова сочетал в себе элементы марксистского социального анализа и славянофильской идеи национальной самобытности, что стало отражением специфической политической атмосферы позднеимперской России. А в работе «Российские либералы в период столыпинских реформ»³¹ приведено четкое разделение на радикалов и консерваторов внутри российского либерального общества. В магистерской диссертации «Социально-экономические мысли М. Н. Каткова»³² китайский молодой ученый собрал большое количество материалов о русском консерватизме, работая с информацией из газет «Московские ведомости» и «Русский вестник».

Кроме того, работы «Русские консерваторы в годы Первой мировой войны»³³ и «Черносотенцы — правая организация в поздней Российской империи»³⁴ представляют собой попытки китайских историков изучить правые политические структуры. Хотя многие материалы в этих исследованиях заимствованы из англоязычной литературы, в указанных работах раскрыты особенности правых политических организаций, подробно освещены такие аспекты, как происхождение, политические требования, структурная организация и лидеры русских монархистов. В то же время китайские ученые пролили свет на некоторые политические события, о которых раньше редко упоминалось. Статья «Предварительный анализ Первого министерского кризиса 1908–1909 гг.»³⁵, посвященная конфликту между П. А. Столыпиным и консервативными кругами, анализирует общественное мнение, взгляды на кризис различных политических партий, политические противоречия в Государственной думе.

Однако необходимо отметить, что в китайских исследованиях по-прежнему существует огромный разрыв в объеме исторических материалов по сравнению с российскими исследованиями. До сих пор мы редко видим, чтобы подобные исследования были признаны российскими учеными, не говоря уже о продвижении российских исследований в смежных областях.

³⁰ *Чжан Шуай*. Предварительное исследование ранних политических мыслей и деятельности П. Н. Милюкова (1890–1906): дис. ... маг. ист. наук. Сучжоу, 2020. (На кит. яз.).

³¹ *Ян Чэнь*. Российские либералы в период столыпинских реформ: дис. ... маг. ист. наук. Сучжоу, 2019. (На кит. яз.).

³² *Ли Чжэньвэнь*. Социально-экономические мысли М. Н. Каткова: дис. ... маг. ист. наук. Чанчунь, 2013. (На кит. яз.).

³³ *Чжу Цзынань*. Русские консерваторы в годы Первой мировой войны: дис. ... маг. ист. наук. Сучжоу, 2021. (На кит. яз.).

³⁴ *Чжан Мэнди*. Черносотенцы — правая организация в поздней Российской империи: дис. ... маг. ист. наук. Сучжоу, 2018. (На кит. яз.).

³⁵ *У Хэ*. Предварительный анализ Первого министерского кризиса 1908–1909 гг. // *Океан знаний*. 2012. № 3. С. 188–194. (На кит. яз.).

На данный момент китайские историки уделяют больше внимания российским правителям, особенно их управленческой стратегии и образу. Еще в 1999 г. Чэнь Чжихуа опубликовал «Жизнеописание российских царей»³⁶, в котором знакомил китайских читателей с особенностями правления различных русских монархов.

После 2010 г. исследования в этой области постепенно расширялись. В кандидатской диссертации Ли Гуйин «Исследование крестьянской реформы Александра II в 1861 году»³⁷ дано систематическое и многоплановое освещение реформаторской политики Александра II, а также ее влияния на трансформацию государственных институтов и социальной структуры общества. Историографический раздел является, пожалуй, самой ценной частью его исследования, поскольку автор подробно классифицирует работы об Александре II. Анализ показал, что наибольшее методологическое воздействие на китайскую историографию оказали труды П. А. Зайончковского³⁸. В статье Ю Ниннин «О централизации политической системы и дипломатических решений Российской империи в период Александра II»³⁹ исследуются особенности функционирования самодержавной власти через призму внешнеполитического курса, проводимого при непосредственном участии монарха.

Помимо исторической переоценки ключевых аспектов политической системы России китайские исследователи начали по-новому осмысливать значение периода контрреформ в контексте революционного движения, а также в связи с формированием родственных политических теорий. В частности, в исследовании Ю Хантао «Краткий анализ влияния контрреформы Александра III на российское общество»⁴⁰ и в работе Цзя Тяньюй «Переплетение консерватизма и модернизации: анализ образовательной политики в период Александра III»⁴¹ подчеркивается, что дореволюционный период в России не может рассматриваться исключительно как «темное время» и оцениваться в исключительно негативном ключе. Напротив, авторы акцентируют внимание на том, что в эпоху правления Александра III был сформирован своеобразный и во многом новаторский подход к политической культуре, охватывающий различные сферы общественной жизни и ставший значимым этапом в эволюции российской государственности.

³⁶ Чэнь Чжихуа. Жизнеописание российских царей. Пекин, 1999. (На кит. яз.).

³⁷ Ли Гуйин. Исследование крестьянских реформ Александра II в 1861 году: дис. ... канд. ист. наук. Чанчунь, 2008. (На кит. яз.).

³⁸ Монография «Отмена крепостного права в России» П. А. Зайончковского была опубликована в 1954 г. в Москве, и через три года, практически сразу, была переведена на китайский язык.

³⁹ Юй Ниннин. О централизации политической системы и дипломатических решений Российской империи в период Александра II // Журнал Университета Внутренней Монголии. 2022. № 6. С. 32–41. (На кит. яз.).

⁴⁰ Юй Ханьтао. Краткий анализ влияния контрреформы Александра III на российское общество // Вестник Хэйхэского университета. 2022. Т. 13. № 11. С. 166–172. (На кит. яз.).

⁴¹ Цзя Тяньюй. Переплетение консерватизма и модернизации: анализ образовательной политики в период Александра III // Евразийские гуманитарные исследования. 2021. № 1. С. 7–14. (На кит. яз.).

Статья «Коммеморация Александра III и его царствования Обществом ревнителей русского исторического просвещения на рубеже XIX–XX вв.»⁴², опубликованная в 2022 г. сотрудником МГУ Юй Цзе, подробно рассматривает значение коммеморативных практик Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III через периодическое издание «Старина и новизна». Он отмечает, что эти практики не только были направлены на популяризацию образа скончавшегося императора, но и на его символическое противопоставление политическому курсу действующей власти с целью утверждения альтернативной модели государственной политики, ассоциируемой с его правлением. Очевидно, что данное исследование можно рассматривать не только как достижение китайских ученых, но и как практическую модель для продвижения развития российских исследований в данной области.

В магистерской диссертации «Русские сатирические журналы в 1905–1907 гг. и отраженные в них образы правительства Николая II»⁴³ магистрант факультета русского языка Ван Цижань исследует репрезентации императора Николая II и его окружения в сатирической периодике начала XX в. Автор приходит к выводу, что данные визуально-вербальные образы представляют собой значимый источник для анализа сатирических стратегий и приемов, характерных для кризисного политического дискурса того времени. Отражая снижение легитимности монархической власти и постепенную эрозию сакрального образа самодержца, сатирические журналы становятся индикатором трансформации общественных настроений и утраты символического значения культа царя в массовом сознании.

В последние годы на фоне усиления идеологического контроля в академической среде наблюдается смещение исследовательского фокуса: работы, посвященные дореволюционной и послереволюционной политической истории России, оказываются под особенно строгим надзором, поскольку затрагивают вопросы, связанные с легитимацией власти Коммунистической партии Китая. В этой связи акцент научных изысканий все чаще переносится на сравнительно менее политизированное направление — россиеведение. В рамках реализации национального проекта «Международные и региональные исследования» китайское правительство оказывает институциональную поддержку исследователям, работающим за рубежом⁴⁴. Цель данной инициативы заключается в создании благоприятной академической среды для развития международного научного диалога и проведения комплексных исследований в рамках гуманитарных и социальных наук.

⁴² Юй Цзе. Коммеморация Александра III и его царствования Обществом ревнителей русского исторического просвещения на рубеже XIX–XX вв. // Клио. № 2 (182). С. 119–127.

⁴³ Ван Цижань. Русские сатирические журналы в 1905–1907 гг. и отраженные в них образы правительства Николая II: дис. ... маг. ист. наук. Восточно-Китайский педагогический университет, 2018. (На кит. яз.).

⁴⁴ Чжай Кунь, Хань Чжоси. Какова связь между региональными и международными исследованиями и национальной стратегией // Учебная газета. 11.10.2024. (На кит. яз.).

Для этого ведущие историки активно участвуют в научных мероприятиях. В сентябре 2019 г. в Пекинском университете состоялась первая научная конференция «Исторический процесс государственного строительства России». Все доклады ученых были опубликованы в одноименном сборнике. Одна из цитат сборника гласит: «Каждый исторический поворотный момент означает реконструкцию национальной идентичности и обновление связей между государством и народом»⁴⁵. В нескольких статьях сборника подчеркивается важное влияние ряда политических реформ второй половины XIX в.

Усиление внимания к этой области дает возможности как для увеличения количества региональных исследований на территории России, так и для изучения провинциальной политической культуры. Примером таких исследований является статья «Становление русской локальной историографии и развитие украинской националистической мысли во второй половине XIX века»⁴⁶. В своей работе автор анализирует конфликты, возникавшие внутри многонациональной страны, исследует различия национального самосознания в разных регионах России в XIX в. Опираясь на исторические материалы из учебников и публицистики, автор реконструирует политические представления региональных элит и специфику их дискурса, противопоставленного централизованной идеологической линии имперской власти.

Одной из малоизученных и привлекающих интерес исследователей тем в политической истории является изучение польского вопроса. В вышедшей в 2014 г. статье «Польский вопрос в русской интеллектуальной истории: консервативная перспектива»⁴⁷ Чжу Цзянган и Тан Вэй проанализировали работы российских публицистов Н. Н. Страхова, М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, которые отразили острую дискуссию между сторонниками универсальных ценностей и поборниками национальных идеалов в русском обществе XIX в.

Несмотря на рост числа международных и региональных исследований политической культуры России в университетах Китая, до настоящего времени не сформирована полноценная и систематизированная база научных публикаций, необходимая для эффективного обмена результатами и ведения международного академического диалога. Сегодня в Китае по-прежнему отсутствует достаточное количество фундаментальных монографий, посвященных российской политической истории. Для достижения необходимого уровня полноты и глубины научного освещения данной тематики китайским исследователям предстоит приложить дополнительные усилия в направлении систематизации, обобщения и расширения исследовательской базы.

⁴⁵ Исторический процесс государственного строительства России / под ред. Чжуан Юй, Ши Юэ. Пекин, 2021. (На кит. яз.).

⁴⁶ Чжуан Юй. Становление русской локальной историографии и развитие украинской националистической мысли во второй половине XIX века // Русские исследования. 2023. № 6. С. 117–140. (На кит. яз.).

⁴⁷ Чжу Цзянган, Тан Вэй. Польский вопрос в русской интеллектуальной истории: консервативная перспектива // Русские исследования. 2014. № 1. С. 3–21. (На кит. яз.).

Заключение. Подводя итоги, следует сказать, что на протяжении всего периода изучения политической истории России 1855–1917 гг. в Китае, несмотря на большой потенциал и заинтересованность китайских ученых, существовали и существуют по сей день объективные трудности, влияющие на дальнейший прогресс проводимых исследований. Начиная с 1980-х гг. китайская историография преодолела ряд институциональных и методологических барьеров, что позволило перейти от фрагментарных и зависимых от советской традиции подходов к более самостоятельным и многоаспектным исследованиям. Постепенно ранее закрытая область политической истории России стала открытым академическим пространством, где осуществляется переоценка ключевых событий и процессов с позиций современной исторической науки. С 2010 г. наблюдается рост числа индивидуальных научных трудов, основанных на анализе первоисточников и использовании современных междисциплинарных методик. Китайские исследователи добились значительных успехов в таких направлениях, как история политической мысли, партийные структуры и институты, образы правителей, механизмы власти и другие вопросы руссиеведения.

Благодаря увеличению количества молодых специалистов, получивших ученую степень за рубежом, в вузах Китая постепенно появляются новые направления и курсы, специализирующиеся на истории России. Студенты, успешно освоившие русский язык и другие академические специальности, формируют новое поколение научной интеллигенции будущего Китая. Всестороннее изучение российской политической истории — важный ключ для Китая к пониманию страны-соседа. Научные исследования в этой области только набирают обороты в Китае, поэтому нам еще предстоит заполнить множество историографических лакун.

Литература

1. Юй Цзе. Коммеморация Александра III и его царствования Обществом ревнителей русского исторического просвещения на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 119–127. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2022_02_119
2. 叶书宗. 我为还布哈林以历史清白所做的工作 = Что я сделал, чтобы доказать историческую невиновность Н. И. Бухарина. <https://www.tsyzm.com/CN/news/news224.shtml>
3. 闻一、叶书宗. 布哈林传 = Биография Н. И. Бухарина. 吉林教育出版社 = Чанчунь: Цзилиньское образовательное издательство, 1988. 375 с.
4. 姚海. 俄罗斯文化之路 = Русский культурный путь. 浙江人民出版社 = Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 1992. 344 с.
5. 刘祖熙. 斯拉夫文化 = Славянская культура. 浙江人民出版社 = Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 1993. 464 с.
6. 白晓红. 俄国斯拉夫主义 = Славизм в императорской России. 商务印书馆 = Пекин: Коммерческое издательство, 2004. 267 с.
7. 张建华. 俄国知识分子思想史导论 = Введение в интеллектуальную историю русской интеллигенции. 商务印书馆 = Пекин: Коммерческое издательство, 2008. 624 с.

8. 姚海.近代俄国立宪运动源流 = Истоки современного российского конституционного движения. 四川大学出版社 = Чэнду: Сычуаньское университетское издательство, 1996. 240 с.

9. 叶艳华.俄国早期政党研究 = Исследование ранних российских политических партий. дис. ... канд. ист. наук. Чанчунь, 2007. 198 с.

10. 李永全.俄国政党史 = История российских политических партий. 中央编译局 = Пекин: Издательство Центрального компиляционного бюро, 2006. 599 с.

11. 刘显忠.近代俄国国家杜马: 设立与实践 = Российская Государственная дума в новейшей истории: становление и практика. 社会科学文献出版社 = Пекин: Издательство социальных и гуманитарных наук, 2007. 303 с.

12. 金雁 秦晖.农村公社、改革与革命: 村社传统与俄国现代化道路 = Сельские общины, реформа и революция: общинные традиции и российский путь к модернизации. 中央编译出版社 = Пекин: Издательство Центрального компиляционного бюро, 1996. 337 с.

13. 戴桂菊.俄国东正教会改革(1861~1917) = Реформа Русской Православной Церкви (1861~1917). 社会科学文献出版社 = Пекин: Издательство социальных и гуманитарных наук, 2002. 343 с.

14. 张广翔.三十年来国内俄国史研究的简单回顾 = Краткий обзор отечественных исследований по истории России за последние тридцать лет // 史学集刊 = Журнал исторических исследований. 2008. № 5. С. 10–12.

15. 姚海: 改革开放30年中国的俄国史研究 = Исследование истории России в Китае за 30 лет во время «реформ и открытости» // 史学月刊 = Исторический ежемесячник. 2009. № 3. С. 13–24.

16. 张建华: 国内学界近30年俄国史研究之思考 = Размышления об исследованиях российской истории в отечественном академическом сообществе за последние 30 лет // 理论学刊 = Теоретический журнал. 2009. № 1. С. 107–111.

17. 许金秋.俄罗斯帝国保守主义政治现代化理论 = Консервативная теория о политической модернизации Российской империи // 江汉论坛 = Цзяньханьский форум. 2018. № 04. С. 117–123.

18. 刘莹.俄罗斯民族认同中的政治文化指向 = Политическая культура в русской национальной идентичности // 西伯利亚研究 = Сибирские исследования. 2008. № 03. С. 87–90.

19. 李雪.19世纪俄国“人民性”的概念史考察 = Исторический обзор концепции «народность» в России в XIX веке // 俄罗斯文艺 = Русская литература и искусство. 2022. № 04. С. 4–14.

20. 姚海.从概念变化的视角理解19世纪俄国革命运动 = Понимание русского революционного движения XIX века с точки зрения концептуальных изменений // 俄罗斯研究 = Русские исследования. 2018. № 5. С. 7–27.

21. 张帅.米留科夫早期政治思想和活动初探(1890–1906) = Предварительное исследование ранних политических мыслей и деятельности П. Н. Милюкова (1890–1906): дис. ... маг. ист. наук. Сучжоу, 2020.

22. 杨晨.俄国斯托雷平改革中的自由派 = Либералы в Столыпинской реформе в России: дис. ... канд. ист. наук. Сучжоу, 2019.

23. 李振文. М. Н.卡特科夫的社会经济思想 = Социально-экономические мысли М. Н. Каткова: дис. ... маг. ист. наук. Чанчунь, 2013.

24. 诸子南.第一次世界大战期间的俄罗斯保守主义者 = Русские консерваторы в годы Первой мировой войны: дис. ... маг. ист. наук. Сучжоу, 2021.

25. 张梦迪. 帝俄末期的右翼组织 — 黑色百人团 = Черносотенцы — правая организация в поздней Российской империи: дис. ... маг. ист. наук. Сучжоу, 2018.
26. 李桂英: 亚历山大二世农民改革研究 = Исследование крестьянских реформ Александра II в 1861 году: дис. ... канд. ист. наук. Чанчунь, 2008.
27. 于宁宁. 论亚历山大二世时期俄罗斯帝国政治体制与外交决策的集权性 = О централизации политической системы и дипломатических решений Российской империи в период Александра II // 内蒙古民族大学学报 (社会科学版) = Вестник Университета внутренней Монголии (социальные науки). 2022. № 6. С. 32–41.
28. 于瀚韬. 浅析亚历山大三世“反改革”对俄罗斯社会的影响 = Краткий анализ влияния контрреформы Александра III на российское общество // 黑河学院学报 = Вестник Хэйхэского университета. 2022. № 13 (11). С. 166–172.
29. 贾天宇. “保守化”与“现代化”的交织: 亚历山大三世时期的教育政策探 = Переплетение консерватизма и модернизации: анализ образовательной политики в период Александра III // 欧亚人文研究 = Евразийские гуманитарные исследования. 2021. № 01. С. 7–14.
30. 朱宝强. 《联共(布)党史简明教程》在中国的翻译、出版与传播 = «Краткий курс истории ВКП (б)» в Китае: перевод, публикация и распространение // 《党史研究与教学》= Исследование и преподавание истории партии. 2012. № 4. С. 48–56.
31. 王其然: 1905–1907 年俄国讽刺杂志及其中沙皇政府形象的表现 = Русские сатирические журналы в 1905–1907 гг. и отраженные в них образы правительства Николая II: дис. ... канд. ист. наук. Шанхай, 2018.
32. 俄罗斯国家建构的历史进程 = Исторический процесс государственного строительства России. 庄宇、施越主编, 商务印书馆 = Коммерческое издательство, 2021. 307 с.
33. 庄宇. 19世纪下半叶俄罗斯地方史的编撰与乌克兰民族主义思想的发展 = Становление русской локальной историографии и развитие украинской националистической мысли во второй половине XIX века // 俄罗斯研究 = Русские исследования. 2023. № 6. С. 117–140.
34. 朱建刚, 唐薇. 俄国思想史中的“波兰问题”——保守派的视角 = Польский вопрос в русской интеллектуальной истории: консервативная перспектива // 俄罗斯研究 = Русские исследования. 2014. № 1. С. 3–21.

References

1. Juj Cze. Kommemoratsiia Aleksandra III i ego tsarstvovaniia Obshchestvom revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniia na rubezhe XIX–XX vv. [The commemoration of Alexander III and his reign by the Society of Zealots for Russian Historical Enlightenment at the turn of the 19th–20th centuries] // Klio. 2022. № 2 (182). P. 119–127. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2022_02_119 (In Russ.).
2. Ye Shuzong. My work to restore Bukharin's historical innocence. URL: <https://www.tsyzm.com/CN/news/news224.shtml> (In Chinese).
3. Wen Yi, Ye Shuzong. Biography of N. I. Bukharin. Changchun: Jilin Education Press, 1988. 375 p. (In Chinese).
4. Yao Hai. The path of Russian culture. Hangzhou: Zhejiang People's Publishing House, 1992. 344 p. (In Chinese).
5. Liu Zuxi. Slavic Culture. Hangzhou: Zhejiang People's Publishing House, 1993. 464 p. (In Chinese).

6. Bai Xiaohong. Slavophilism in Imperial Russia. Beijing: The Commercial Press, 2004. 267 p. (In Chinese).
7. Zhang Jianhua. Introduction to the intellectual history of Russian intelligentsia. Beijing: The Commercial Press, 2008. 624 p. (In Chinese).
8. Yao Hai. The origins of modern Russian constitutional movement. Chengdu: Sichuan University Press, 1996. 240 p. (In Chinese).
9. Ye Yanhua. Study of early Russian political parties: PhD dissertation in History. Changchun, 2007. 198 p. (In Chinese).
10. Li Yongquan. History of Russian political parties. Beijing: Central Compilation and Translation Press, 2006. (In Chinese).
11. Liu Xianzhong. The State Duma in modern Russian history: Establishment and practice. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2007. 303 p. (In Chinese).
12. Jin Yan, Qin Hui. Rural commune, reform and revolution: Communal traditions and Russia's path to modernization. Beijing: Central Compilation and Translation Press, 1996. 337 p. (In Chinese).
13. Dai Guiju. The reform of Russian orthodox church (1861–1917). Beijing: Social Sciences Academic Press, 2002. 343 p. (In Chinese).
14. Zhang Guangxiang. A brief review of domestic research on Russian history in the past thirty years // Journal of Historical Research. 2008. № 5. P. 10–12. (In Chinese).
15. Yao Hai. Research on Russian history in China during 30 years of reform and opening-up // History Monthly. 2009. № 3. P. 13–24. (In Chinese).
16. Zhang Jianhua. Reflections on Russian history research in domestic academia over the past 30 years // Theoretical Journal. 2009. № 1. P. 107–111. (In Chinese).
17. Xu Jinqu. Conservative theory of political modernization in the Russian empire // Jiangnan Forum. 2018. № 4. P. 117–123. (In Chinese).
18. Liu Ying. Political culture in Russian national identity // Siberian Studies. 2008. № 3. P. 87–90. (In Chinese).
19. Li Xue. A conceptual history study of 'narodnost' in 19th century Russia // Russian Literature and Arts. 2022. № 4. P. 4–14. (In Chinese).
20. Yao Hai. Understanding the 19th century Russian revolutionary movement from the perspective of conceptual changes // Russian Studies. 2018. № 5. P. 7–27. (In Chinese).
21. Zhang Shuai. A preliminary study of P. N. Milyukov's early political thought and activities (1890–1906): MA thesis in History. Suzhou, 2020. (In Chinese).
22. Yang Chen. Liberals in Stolypin's Reforms in Russia: PhD dissertation in History. Suzhou, 2019. (In Chinese).
23. Li Zhenwen. The socio-economic thought of M. N. Katkov: MA thesis in History. Changchun, 2013. (In Chinese).
24. Zhu Zinan. Russian conservatives during World War I: MA thesis in History. Suzhou, 2021. (In Chinese).
25. Zhang Mengdi. Right-wing organizations in late imperial Russia: The black hundreds: MA thesis in History. Suzhou, 2018. (In Chinese).
26. Li Guiying. Study of Alexander II's peasant reforms in 1861: PhD dissertation in History. Changchun, 2008. (In Chinese).
27. Yu Ningning. On the centralization of political system and diplomatic decision-making in the Russian Empire during Alexander II's reign // Journal of Inner Mongolia University for Nationalities (Social Sciences). 2022. № 6. P. 32–41. (In Chinese).

28. Yu Hantao. A brief analysis of the impact of Alexander III's 'counter-reforms' on Russian society // Journal of Heihe University. 2022. Vol. 13. № 11. P. 166–172. (In Chinese).
29. Jia Tianyu. The Interweaving of 'conservatism' and 'modernization': Analysis of educational policy during Alexander III's reign // Eurasian Humanities Studies. 2021. № 1. P. 7–14. (In Chinese).
30. Zhu Baoqiang. The translation, publication and dissemination of 'A Short Course on the History of the CPSU (b)' in China // Research and Teaching of Party History. 2012. № 4. P. 48–56. (In Chinese).
31. Wang Qiran. Russian satirical magazines in 1905–1907 and their portrayal of tsarist government: PhD dissertation in History. Shanghai, 2018. (In Chinese).
32. The historical process of Russian state-building / ed. by Zhuang Yu, Shi Yue. Beijing: The Commercial Press, 2021. 307 p. (In Chinese).
33. Zhuang Yu. The compilation of Russian local history and the development of Ukrainian nationalist thought in the second half of the 19th century // Russian Studies. 2023. № 6. P. 117–140. (In Chinese).
34. Zhu Jiangang, Tang Wei. The 'Polish question' in Russian intellectual history: A conservative perspective // Russian Studies. 2014. № 1. P. 3–21. (In Chinese).

Научная статья

УДК 330.341.2+331.109.3+331.105.44

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-94-107

Чурилова Ирина Михайловна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

churilovaim@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-0757-1207

ИСТОКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ ПРОФСОЮЗОВ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. Статья посвящена актуальной и одновременно сложной теме начального этапа развития профессионального движения в России. История возникновения профсоюзов стала изучаться многими исследователями еще с 1920-х гг., но выходявшие труды базировались на очень скудных документальных материалах, а различные воспоминания часто отличались субъективностью и излишней идеологизированностью. Все это создает определенные сложности для изучения самого раннего периода функционирования профсоюзов. В настоящем исследовании автор анализирует причины зарождения, специфику и основные формы существования движения, охватывая период с последней трети XIX в. до 1905 г., от стачек и забастовок до нелегальных организаций, выдвигающих впервые не только социальные и экономические требования, но и политические. На основе анализа фондов Государственного архива Российской Федерации вводятся в оборот новые источники конца XIX – начала XX в. (фонды Р-6862 и Р-6935). Фонд 518 посвящен организации «Союза союзов», который во многом стимулировал развитие профсоюзного движения в России в начале XX в. Интересно содержание термина «политические профессиональные союзы», упоминаемого в программных документах Первого съезда «Союза союзов». В ходе исследования автору удалось выявить причины возникновения профессиональных союзов в России, специфику функционирования первых организаций в Москве и Петербурге, сложности существования внутрисоюзных объединений, а также основных лидеров профсоюзного движения указанного периода.

Ключевые слова: стачки, забастовки, общества взаимопомощи, профессиональные союзы, «Союз союзов», рабочий класс, экономическая и политическая борьба.

Для цитирования: Чурилова И. М. Истоки профессионального движения в России и возникновение первых профсоюзов (последняя треть XIX – начало XX в.) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 94–107. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-94-107>

Original article

UDC 330.341.2+331.109.3+331.105.44

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-94-107

Churilova Irina M.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

churilovaim@mgpu.ru; ORCID ID: 0000-0002-0757-1207

THE ORIGINS OF THE PROFESSIONAL MOVEMENT IN RUSSIA AND THE EMERGENCE OF THE FIRST TRADE UNIONS (LAST THIRD OF THE 19th CENTURY – EARLY 20th CENTURY)

Abstract. The article is devoted to the relevant and at the same time complex topic of the initial stage of the development of the trade union movement in Russia. The history of the emergence of trade unions has been studied by many researchers since the 1920s. However, the published works were based on very limited documentary materials, and various memoirs were often subjective and overly ideological. This creates certain difficulties in studying the earliest period of trade union functioning. In this study, the author analyzes the causes, specifics, and main forms of the movement's existence, covering the period from the last third of the 19th century to 1905. From strikes and lockouts to illegal organizations that for the first time put forward not only social and economic demands, but also political ones. Based on the analysis of the funds of the State Archive of the Russian Federation, new sources from the late 19th and early 20th centuries are being introduced into circulation. (Funds R-6862 and R-6935). Fund 518 is dedicated to the organization of the Union of Unions, which greatly contributed to the development of the trade union movement in Russia at the beginning of the 20th century. The term "political trade unions" mentioned in the Congress's program documents is particularly interesting. Through this research, the author has identified the reasons for the emergence of trade unions in Russia, the specific features of the first organizations in Moscow and St. Petersburg, the challenges faced by intra-union associations, and the key leaders of the trade union movement during this period.

Keywords: strikes, lockouts, mutual aid societies, trade unions, Union of Unions, working class, economic and political struggle.

For citation: Churilova I. M. The origins of the professional movement in Russia and the emergence of the first trade unions (last third of the 19th century – early 20th century) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 94-107. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-94-107>

Введение. В 2025 г. российскому профсоюзному движению исполнилось 120 лет. За столь большой период времени советскими и российскими историками написано большое количество научных работ, посвященных тем или иным аспектам профессионального движения, его формированию и развитию в России. Сохранились и дореволюционные издания,

которые заложили основы изучения профсоюзного движения: см. работы В. П. Гриневича, А. А. Евдокимова, С. Д. Кирпичникова, В. В. Португалова, В. И. Штейна и, конечно, В. В. Святловского — виднейшего экономиста, историка, ставшего идеологом и одним из организаторов профсоюзного движения, работы которого представляют особый интерес¹.

Сразу после Великой российской революции произошел всплеск интереса к истории профсоюзного движения. В 1920 г. при Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов (ВЦСПС) по инициативе и при участии революционера и активного профсоюзного деятеля Михаила Павловича Томского была образована Комиссия по изучению истории профессионального движения при Центральном комитете профсоюза работников просвещения (Истпроф при ЦК Рабпрос)². Стали публиковаться сборники документов, выходить в свет монографии³. Однако все изданные в этот период работы были проникнуты марксистско-ленинской идеологией. С изменением политического курса и отставкой М. П. Томского, весной 1930 г., на основании постановления Президиума ВЦСПС Истпроф был ликвидирован. Изучение истории профдвижения сосредоточилось в небольшой подсекции Института истории Коммунистической академии.

Между тем за последние двадцать лет лишь единичные работы так или иначе затрагивают проблему истории зарождения профсоюзов. Среди них в первую очередь необходимо отметить монографические исследования В. И. Носача и А. В. Золотова⁴, диссертации Л. Э. Камаловой и Б. А. Карпачева⁵, а также несколько работ, посвященных региональному профсоюзному движению — диссертации С. Р. Демидова, М. А. Филимонова и статью С. А. Чупрынникова⁶.

¹ Гриневич В. П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб., 1908; Евдокимов А. А. Профессиональное движение торговых служащих в России. М., 1906; Кирпичников С. Д. Союз союзов. СПб., 1906; Португалов В. В. Союзы рабочих в России. Возникновение, организация и задачи рабочих союзов в России. М., 1906; Штейн В. И. Зубатовщина: Страничка из истории рабочего вопроса в России. М., 1913; Святловский В. В. Профессиональное движение в России. СПб., 1907.

² Игнатенко Т. А. Истпрофы и их роль в советской историографии профессионального рабочего движения // Исторические записки. 1979. Т. 104. С. 260.

³ Томский М. П. Очерки профессионального движения в России. М., 1920; Материалы по истории профессионального движения в России / Комис. по изучению истории проф. движения в России. Истпроф ВЦСПС. Сб. 1. М., 1924; Айнзафт С. Первый этап профессионального движения в России (1905–1907). Вып. 1. М., 1924; Колесников Б. Профсоюзы в России: Краткий исторический очерк. Харьков, 1926.

⁴ Носач В. Профсоюзы Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда, 1905–1930. СПб., 2009; Золотов А. В. Развитие профсоюзного движения России. Нижний Новгород, 2011.

⁵ Камалова Л. Э. Новейшие подходы к изучению политического и профсоюзного движения в годы первой российской революции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Карпачев Б. А. Профсоюзное движение в общественно-политической жизни России: 1905–1929 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

⁶ Демидов С. Р. Деятельность профессиональных союзов в Воронежской губернии с 1864 по 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Филимонов М. А. Деятельность профессиональных союзов Башкортостана в 1905–2000 годах: автореф. дис. ... д-ра ист.

В апреле 2015 г. в Москве прошла Международная конференция, на которой исследователи обсудили ряд вопросов образования профессиональных союзов⁷, но в основном с опорой на советскую историографию без учета архивных источников.

В связи с этим представляет определенный интерес рассмотрение наиболее раннего этапа становления профессионального движения в России. В данной статье предпринята попытка на основе архивных данных проанализировать истоки формирования профессионального движения в России: от общества взаимопомощи к профессиональным союзам.

Ход и результаты исследования. Изучая фонд Р-6862 (Комиссия по изучению профессионального движения при ЦК профсоюза просвещения), мы находим интересную информацию, связанную с наиболее ранним этапом развития профессионального движения. Так, в 1860-е гг. именно учителя способствовали возникновению профессиональных союзов. Собираясь на летних каникулах на так называемые учительские съезды, они совмещали собрания с организацией учительских курсов. Так, в 1861 г. состоялся съезд педагогов в Харькове, в 1864 и 1865 гг. — в Одессе, в 1865 г. — в Киеве, а в 1866 и 1868 гг. — в Казани и Москве⁸. Основной целью съездов было повышение уровня педагогического развития учителей. В то же время они способствовали объединению учительства, разбросанного по глухой сельской местности. В начале 1870-х гг. подобные съезды приняли широкий размах. В 1873 г. съезды проходили уже в 63 местах⁹. Обеспокоенное правительство приняло решение подобные «совещательные собрания» учителей больше не допускать.

В июле 1885 г. циркуляром министра народного просвещения съезды учителей были запрещены и возобновились только в конце 90-х гг. XIX в. с новым подъемом общественно-педагогического движения.

Однако именно благодаря таким съездам учителя стали осознавать себя членами определенной корпорации, связанными не только характером работы, но и общностью материальных интересов. А между тем положение простого сельского учителя было чрезвычайно трудным. Отсюда — зарождение касс взаимопомощи.

В 1866 г. возникло два первых общества взаимопомощи: Общество взаимного вспомоществования учителей-евреев Новороссийского края и Бессарабской области и Общество попечительства о воспитательницах и учительницах

наук. Самара, 2004; Чупрынников С. А. Зарождение профсоюзного движения и первые профсоюзы на Кубани // Вопросы истории и культуры Северного Кавказа, казачеств Юга России: сборник научных статей к 85-летию профессора В. Н. Ратушняка. Краснодар, 2024. С. 224–234.

⁷ Рабочее и профсоюзное движение в России: Из прошлого в будущее: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 18–19 апреля 2015 г.). М., 2016.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6862. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 2.

России в Петербурге (состоявшее на попечении государыни императрицы Марии Федоровны)¹⁰. Так как второе находилось под прямым присмотром государства (своеобразный прообраз «зубатовщины»), первое проявило себя в большей степени и даже занималось изучением правового и материального положения учителей.

Однако оба общества взаимопомощи не ставили перед собой задачу борьбы за улучшение материального и правового положения учителей. Не имея четкой организации и должного опыта, учителя не могли собрать большие средства.

Промышленный подъем 1890-х гг. сопровождался появлением ряда новых обществ. Два наиболее активных — Педагогическое общество взаимопомощи в Петербурге (с января 1893 г.) и Нижегородское общество взаимопомощи. Задачи их оставались прежними — помогать нуждающимся учителям. Наиболее желательными членами обществ являлись не те, кто платил 1 % от своего мизерного учительского жалования, а те, кто в качестве соревнователя мог внести 10 %, а в качестве почетного члена общества необходимо было внести не менее 100 рублей. Таким образом, на первом плане в списках членов обществ были «высокие покровители».

Петербургскому педагогическому обществу взаимопомощи удалось добиться права участия в нем учителей без различия школ и ведомств. А ссудосберегательная касса при нем способствовала оказанию помощи сочленам¹¹.

Правительство, опасаясь перехода обществ к политической деятельности, в 1894 г. издало для них так называемый нормальный устав, разрешающий только материальную помощь и вводящий для наблюдения и управления назначенных директором народных училищ лиц.

Нижегородская выставка 1896 г. помогла установлению связей между уже существующими обществами и способствовала созданию новых. С 1896 по 1902 г. открылось 48 обществ¹², а их общее количество в 1902 г. достигло 71-го¹³. Хотя на утверждение устава часто требовалось два-три года, обществам удавалось выходить из рамок «нормального устава» и договариваться с земскими и городскими управлениями об устройстве курсов для учителей, библиотек, предоставлении квартир для приезжих членов общества. Нижегородское общество даже поднимало вопрос о создании санатория. На фоне общего подъема общественного движения в России в конце XIX — начале XX в. правительство пристально наблюдало за подобными объединениями.

В апреле 1900 г. Калужское общество учителей выступило с предложением созвать I Всероссийский съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания. Почти два года учителя добивались разрешения,

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации... Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же.

¹³ Паначин Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX — начало XX в.). М., 1986. С. 92.

которое было дано под условие строгого контроля со стороны Московского учебного округа. Всероссийский съезд проходил в Москве с 28 декабря 1902 г. по 6 января 1903 г. Главной целью данного мероприятия было объединение всех обществ взаимопомощи в один союз. По итогам съезда была разработана Декларация прав народного учителя. Однако правительство не разрешило опубликовать постановления, они были изданы лишь пять лет спустя. А вот первая профсоюзная политическая организация педагогов — Всероссийский учительский союз — был образован в июне 1905 г. на базе всех организаций и объединений¹⁴. Цели ее шли в ногу со временем: борьба за политические свободы, созыв Учредительного собрания, демократизация народного образования и светский характер обучения.

Параллельно с учителями в стране в последней трети XIX – начале XX в. стали проявлять себя наемные рабочие фабрик и заводов. Забастовки в царской России считались уголовным преступлением (наказание за участие в них — тюремное заключение до восьми месяцев, а для организаторов — ссылка в Сибирь). Однако стачки как наиболее эффективный метод классовый борьбы с 70-х гг. XIX в. стали активно использоваться рабочими. Первые стачки в России были зарегистрированы в 1870 г. в Санкт-Петербурге и Варшаве. Далее стачечное движение происходило по всей стране: 1870 г. — Невская бумагопрядильня и Кронштадт; 1871 г. — Одесса; 1874 г. — Москва (суконная фабрика Лазарева); 1875 г. — ткацкая фабрика в Серпухове; 1876 г. — прядильщики в Орехово-Зуеве (фабрика Морозова) и др.¹⁵ Правительство вначале рассматривало данные события с точки зрения нарушения общественного порядка, что не отражало реальной ситуации. Когда в начале 1880-х гг. стачки превратились в рабочее движение, правительство ответило «робкими уступками» в законодательстве. Законом 1882 г. был запрещен ночной и праздничный труд детей до 12 лет, а работа детей в возрасте от 12 до 15 лет была ограничена восемью часами. Закон 1885 г. запретил ночную работу для женщин и подростков до 17 лет в текстильной промышленности. И, наконец, закон 1886 г. урегулировал вопрос со штрафами, запретил ряд произвольных вычетов из заработной платы и обязал платить рабочим зарплату не реже одного раза в месяц. Любопытно отметить, что последний закон удовлетворил ряд требований, выставленных рабочими на известной забастовке Никольской мануфактуры С. Морозова в Орехово-Зуеве в 1885 г. Последняя отличалась высокой организованностью, тщательной подготовкой и продолжалась шесть дней. Тогда забастовку возглавили Петр Моисеенко и Василий Волков.

В начале 1890-х гг. в Москве наблюдается оживление рабочего движения. В 1896 г. социал-демократическая пропаганда организации «Московский рабочий союз» захватила 40 фабрично-заводских предприятий¹⁶. В это время

¹⁴ Профсоюзы Москвы: очерки истории / Г. И. Ионова и др. М., 1975. С. 43.

¹⁵ Святловский В. В. Указ. соч. С. 13.

¹⁶ Бухбиндер Н. А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926. С. 3.

в социал-демократическом движении вели работу М. Бруснев, Ф. Афанасьев, Н. Кашинский, Г. Круковский и др.

Новый подъем рабочего движения, связанный с бурным развитием промышленности в 1890-е гг., заставил правительство принять новый закон 1897 г., в котором впервые ограничил рабочий день взрослого мужчины 11,5 часами. Казалось бы, уступки, которые делало государство рабочим, должны были их немного успокоить, однако движение разгоралось с новой силой. Противоречия существовали также в борьбе двух министерств — внутренних дел и финансов. Первое было готово идти на уступки рабочим ради общественного порядка, а второе требовало разборчивости в средствах борьбы во имя интересов капитала.

В ходе забастовок возникали новые структуры: стачечные комитеты, заводские комиссии, советы представителей бастующих фабрик. Одновременно с развитием стачечной борьбы в России появляются первые легальные организации рабочих — общества и кассы взаимопомощи. В качестве примера можно привести Общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом (ОВЗРТ), основанное в 1898 г. в Харькове¹⁷. Именно оно сыграет ключевую роль в созыве Первой Всероссийской конференции профессиональных союзов.

В сводках конца XIX – начала XX в. по истории рабочего движения в России приводятся следующие выступления рабочих: Одесса (1896 г., табачная фабрика Асвадурова; 1899 г., фабрика Войцехова); Иваново (1896 г., ткачи товарищества Н. Дербенева); Тула (1897 г., стачки самоварных мастерских); Москва (1902 г., Даниловская мануфактура) и др.¹⁸ В основном требования рабочих сводились к увеличению заработной платы и сокращению рабочего дня. Часть требований в отдельных местах были удовлетворены.

Рост стачечного движения привлек к себе внимание полиции и жандармерии, возникали новые методы борьбы, так называемая зубатовщина. У истоков зарождения легальных профессиональных союзов, разрешенных государством (особым отделом департамента полиции), стоял Сергей Васильевич Зубатов (1864–1917). «Зубатовские» общества были созданы в Москве в 1901 г., но просуществовали совсем недолго. В этом же году объединились московские металлисты. Рабочие быстро разочаровались в псевдопрофсоюзных организациях, которые не решали большинство их наболевших вопросов. В Петербурге Санкт-Петербургское собрание русских фабрично-заводских рабочих было создано под руководством священника о. Г. Гапона¹⁹. При этом в нем образовались три секции, в том числе и механическая, в которую входила часть рабочих-металлистов Путиловского и ряда других заводов.

Одним из первых профсоюзов с политической окраской стал созданный в декабре 1904 г. в Петербурге Союз инженеров и техников, делегаты которого

¹⁷ Дойков Ю. В. Евдокимов А. А.: судьба пророка в России. СПб., 1999. С. 31.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6935. Оп. 2. Д. 326. Л. 5.

¹⁹ Штейн В. И. Указ. соч. С. 164.

впоследствии примут активное участие в съездах «Союза союзов». В начале 1905 г. в том же Петербурге возник Союз рабочих печатного дела.

В январе 1905 г. в Петербурге стали создаваться местные профессиональные организации. Одними из первых на этот путь вступили металлисты Путиловского, Семянниковского и Обуховского заводов. Поводом для образования политических профессиональных союзов послужили революционные события 1905 г. Впервые рабочий класс выступил с социальными и политическими требованиями одновременно.

Многие исследователи отмечают активность забастовок металлистов, которым в течение 1905 г. удалось добиться значительных экономических улучшений. Так, рабочий день был сокращен до 10 часов, а заработная плата на некоторых предприятиях выросла почти на 25 %. По данным правления Петербургского профсоюза металлистов, в 1906 г. в Петербурге из 17 стачек три окончились поражением, 14 — полной или частичной победой рабочих.

Процесс организации союзов шел неравномерно. Московским металлистам официально удалось зарегистрировать свой союз лишь в мае 1906 г. как Общество рабочих по обработке металлов Московского промышленного района.

После революции 1905 г. впервые возникла мысль об использовании профессиональной сплоченности как возможной основы политического объединения. Так возник Союз петербургских инженеров.

Однако не следует исключать и другие причины появления профессиональных союзов. Например, Союз московских булочников образовался еще в 1904 г. и уже тогда призывал к борьбе за улучшение положения своих членов. «Маленькое жалование в 9 руб., одежда из лохмотьев с массой блох...»²⁰. Союз требовал уравнивания положения с фабричными рабочими и увеличения заработной платы.

Весной 1905 г. повсеместно стали возникать союзы рабочих и интеллигенции. В марте 1905 г. в Вильно состоялся съезд общественных еврейских деятелей из 31 города²¹. Под влиянием революционных событий в России, а также с ростом антисемитских настроений в империи евреи присоединились к общественно-политическому движению. Требования уравнивания прав с прочим населением страны повлекло за собой образование Союза для достижения равноправия еврейского народа. Было принято решение принимать в организацию лиц не моложе 21 года по рекомендации двух членов союза²².

В начале 1905 г. возникла идея объединения всех профессионально-политических союзов в одну организацию — «Союз союзов». В период с мая 1905 по январь 1906 г. прошли четыре съезда делегатов Всероссийских профсоюзов (три — в Москве, один — в Санкт-Петербурге). I Съезд делегатов,

²⁰ ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 8. Л. 1.

²² Там же. Л. 2.

объединивший представителей различных профессий в «Союз союзов», проходил в Москве в мае 1905 г.²³ Согласно протоколам заседаний съезда, на него прибыло 60 участников из 14 союзов: академического, союза адвокатов, агрономов и статистиков, врачей, ветеринаров, железнодорожных служащих, журналистов и писателей, союза женского равноправия, равноправия евреев, инженеров, конторщиков и бухгалтеров, учителей и фармацевтов²⁴.

Программа съезда включала в себя несколько серьезных вопросов, которые предстояло обсудить делегатам. Среди них: определение термина «политический профессиональный союз», организация «Союза союзов» и его цели, пропаганда и дальнейшее определение тактики борьбы, а также решение финансовых вопросов. Интересно, что деньги выделялись и на «политическое страхование». Дискуссию делегатов вызвал вопрос о статусе «Союза союзов». В итоге был принят такой вариант: союз автономных групп, объединенных на федеративных началах с координирующим органом. В результате статус «Союза союзов» был прописан так: «организация автономных союзов в целях тактического объединения, позволяющая согласовывать действия отдельных союзов, предпринимать общие действия в деле борьбы... и позволяющая вступать в оглашение с действующими политическими партиями»²⁵. Задачей «Союза союзов» провозглашалась не только защита профессиональных интересов, но и мобилизация общественных сил для борьбы с существующим режимом.

На собрании съезда также обсуждался вопрос проекта устава «Союза союзов» и место пребывания центрального бюро: выбор пал на Санкт-Петербург.

На съезде был принят ряд важных резолюций²⁶:

1) уравнивать права евреев со всем остальным населением России в гражданском, политическом и национальном отношении. Делегаты высказали глубокое негодование по поводу их бесправного положения, а также травли и еврейских погромов с кровавыми жертвами и при поддержке властей (события в Житомире 1905 г.);

2) отмена ограниченного положения польского и литовского населения в гражданских и национальных правах²⁷;

3) протест против подавления национального аграрного движения на Кавказе;

4) протест против указа от 10 апреля 1905 г. о круговой ответственности крестьян за аграрные преступления;

5) протест против кровавых расправ в Царстве Польском 1 мая 1905 г.;

6) за прекращение бессмысленной и кровавой Русско-японской войны.

²³ ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ 04.05.1905 г. Комитет министров опубликовал положение об ограничении польского и литовского населения в гражданских и национальных правах.

Проект устава «Союза союзов» включал в себя положение о федеративном статусе организации, который позволял проводить собрания делегатов от отдельных союзов (не более восьми человек от союза), по два человека от каждого союза входили в центральное бюро.

Центральное бюро было создано в ноябре 1905 г. в Петербурге, где оно активно функционировало, занимаясь координацией деятельности союзов на местах. Заседания центрального бюро носили характер совещаний по принципиальным вопросам профдвижения. Однако его значение для развития профессионального движения начала XX в. велико. В процессе совместной работы был создан типовой устав центрального бюро и первый печатный орган — журнал «Профессиональный союз», основанный В. В. Святловским.

На Первом съезде «Союза союзов» также было выработано определение понятия «политический профессиональный союз» — «профессиональная корпорация, выступающая как организационное социально-политическое тело и состоящее как из членов различных партий, так и лиц, находящихся вне партий»²⁸.

В вопросе финансирования организации было решено собирать взносы в виде отчислений из центральных касс в размере $\frac{1}{3}$ их доходов. В качестве особой задачи поставлена организация кассы взаимного политического страхования всех членов «Союза союзов».

Выбрана и тактика борьбы. От представителей пяти союзов прозвучало, что протеста недостаточно для борьбы против московского городского головы. Высказывались точки зрения о необходимости сочетания пассивных и активных форм.

На II съезде «Союза союзов», также проходившем в Москве 24–25 мая 1905 г., делегаты встретились в том же составе. Вновь зашла речь о требованиях к московскому городскому голове. Участниками съезда было составлено заявление с требованием разрешения собраний и запрета увольнений рабочих. Кроме того, делегаты выступили за применение более решительных средств против самодержавия: «Ограничение средств политической борьбы применением т. н. “нравственных” средств считаем в настоящий момент политически безнравственным!»²⁹. В постановлении II съезда есть также важный пункт о возможной всеобщей политической забастовке³⁰. Делегаты не остались равнодушными и к внешнеполитическим событиям. Отдельным вопросом прозвучала критика майской катастрофы Русско-японской войны в Цусимском проливе: «Молчание России после гибели Балтийской эскадры показало всему миру, что мы не народ, а сырая бесформенная масса, над которой можно безнаказанно производить всякие опыты»³¹.

²⁸ ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

²⁹ Там же. Д. 2. Л. 24.

³⁰ Там же. Л. 31.

³¹ Там же. Д. 8. Л. 4.

III съезд «Союза союзов» проходил уже в Санкт-Петербурге с 1 по 3 июля 1905 г. Основной темой данного форума был протест против проекта народного представительства министра внутренних дел А. Г. Булыгина. Предложенная им Законосовещательная дума вызвала возмущение съезда: «плохой закон, не ограничивающий самодержавие», «подложное народное представительство» и т. д.³² Среди требований, прозвучавших на съезде впервые, были созыв Учредительного собрания, автономия Царства Польского, уничтожение сословий, равноправие мужчин и женщин, отделение церкви от государства, неприкосновенность жилища, свобода слова и печати, отмена смертной казни и право на самоопределение всех наций, входящих в состав Российской империи³³.

В постановлениях III съезда прозвучали лозунги объединения и мобилизации всех демократических сил страны для устройства массовых протестов против реализации проекта Булыгина.

С 14 по 16 января 1906 г. в Москве прошел уже IV по счету съезд «Союза союзов». Изначально его планировали провести в октябре 1905 г., но отложили из-за манифеста Николая II от 17 октября. Делегаты выступили с критикой последнего. В резолюции съезда звучит отказ от участия в выборах в Государственную думу и требование созыва Учредительного собрания³⁴. Этот заключительный, нелегальный съезд делегатов профессиональных союзов России расширил «Союз союзов» за счет новых организаций, вошедших в его состав. Однако из-за большой разницы в социальном положении рабочих и творческой интеллигенции их объединение в «Союзе союзов» имело сложности и вызвало разногласия по целому ряду вопросов.

Все это время сочетались открытые и подпольные формы профессионального движения, создавались нелегальные организации, созывались нелегальные конференции.

Важным результатом работы центрального бюро «Союза союзов» было укрепление профессиональных союзов и значительный рост их членов. Активное объединение рабочих в профессиональные организации привело к возникновению союзов печатников, ткачей, табачников, металлистов, портных, железнодорожников и работников целого ряда других профессий. В Петербурге к концу 1905 г. действовало более 40 профсоюзов, в Москве — более 50 с 20 тыс. членов³⁵. В обеих столицах и еще пятнадцати городах возникли координационные органы — центральные бюро профсоюзов.

Заключение. Таким образом, изучая самый ранний этап становления профессионального движения, можно отметить разнообразие первых организаций:

³² ГАРФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

³³ Там же. Л. 5 об.

³⁴ Там же. Д. 4. Л. 7.

³⁵ Гусев А. В. Образование профсоюзов в России и опыт их деятельности в начале XX века // Рабочее и профсоюзное движение в России: из прошлого в будущее: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 18–19 апреля 2015 г.). М., 2016. С. 8.

от учительских съездов до образования единой организации «Союза союзов». И все они были частью развития общественного движения в России, достигшего своего апогея именно в начале XX в.

Развитие профессионального движения ускорилось на фоне Русско-японской войны и Первой русской революции. Этим обусловлены повестки всех четырех съездов «Союза союзов». Кроме того, необходимо отметить радикализацию резолюций съездов в связи с нарастающей волной революции. Объединившиеся союзы теперь защищали не только интересы своих профессиональных групп, но и добивались демократизации государственной системы.

Широкое развитие профсоюзного движения в стране вынудило правительство узаконить их деятельность. 4 марта 1906 г. были изданы Временные правила о профсоюзных обществах. Этот закон стал первым правовым документом, регулирующим деятельность профсоюзов в России. Однако борьба продолжалась и создавались нелегальные организации, собирались нелегальные конференции и союзы. По всей стране подпольно действовали центральные бюро профессиональных союзов, легальные формы профессионального движения сочетались с нелегальными. К 1907 г. установились отношения между профессиональными союзами и рабочими кооперативными организациями. Но до 1917 г. в России не существовало Всероссийского профессионального объединения.

Литература

1. Гусев А. В. Образование профсоюзов в России и опыт их деятельности в начале XX века // Рабочее и профсоюзное движение в России: из прошлого в будущее: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 18–19 апреля 2015 г.). М.: Ленанд, 2016. С. 8–16.
2. Демидов С. Р. Деятельность профессиональных союзов в Воронежской губернии с 1864 по 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 23 с.
3. Дойков Ю. В. Евдокимов А. А.: судьба пророка в России. СПб.: Акрополь, 1999. 190 с.
4. Золотов А. В. Развитие профсоюзного движения России. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2011. 374 с.
5. Игнатенко Т. А. Истпрофы и их роль в советской историографии профессионального рабочего движения // Исторические записки. 1979. Т. 104. С. 240–267.
6. Камалова Л. Э. Новейшие подходы к изучению политического и профсоюзного движения в годы Первой российской революции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 195 с.
7. Карпачев Б. А. Профсоюзное движение в общественно-политической жизни России: 1905–1929 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 32 с.
8. Носач В. Профсоюзы Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда, 1905–1930. СПб.: Нестор, 2009. 311 с.
9. Паначин Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.). М.: Педагогика, 1986. 212 с.
10. Профсоюзы Москвы: Очерки истории / Г. И. Ионова и др. М.: Профиздат, 1975. 415 с.

11. Рабочее и профсоюзное движение в России: Из прошлого в будущее: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 18–19 апреля 2015 г.). М.: Ленанд, 2016. 312 с.
12. Филимонов М. А. Деятельность профессиональных союзов Башкортостана в 1905–2000 годах: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2004. 44 с.
13. Черножуков А. С. Деятельность Союза союзов в период Первой русской революции // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 37–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-4-37-40>
14. Чупрынников С. А. Зарождение профсоюзного движения и первые профсоюзы на Кубани // Вопросы истории и культуры Северного Кавказа, казачеств Юга России: сборник научных статей к 85-летию профессора В. Н. Ратушняка. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 224–234.

References

1. Gusev A. V. Obrazovanie profsoiuzov v Rossii i opyt ikh deiatel'nosti v nachale XX veka [Formation of Trade Unions in Russia and the experience of their activities at the beginning of the 20th century] // Rabochee i profsoiuznoe dvizhenie v Rossii: iz proshlogo v budushchee: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 18–19 apreliia 2015 g.) [The Labor and trade union movement in Russia: from the Past to the Future: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 18–19, 2015)]. Moscow: Lenand, 2016. P. 8–16. (In Russ.).
2. Demidov S. R. Deiatel'nost' professional'nykh soiuzov v Voronezhskoi gubernii s 1864 po 1917 gg. [Activities of Trade Unions in the Voronezh province from 1864 to 1917]: abstract of the thesis of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2008. 23 p. (In Russ.).
3. Doikov Yu. V. Evdokimov A. A.: sud'ba proroka v Rossii [Evdokimov A. A.: The fate of a prophet in Russia]. St. Petersburg: Akropol', 1999. 190 p. (In Russ.).
4. Zolotov A. V. Razvitie profsoiuznogo dvizheniia Rossii [Development of the Trade Union movement in Russia]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2011. 374 p. (In Russ.).
5. Ignatenko T. A. Istprofy i ikh rol' v sovetskoi istoriografii professional'nogo rabochego dvizheniia [Historical Trade Unions and their role in the Soviet historiography of the Trade Union Labor movement] // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. 1979. Vol. 104. P. 240–267. (In Russ.).
6. Kamalova L. E. Noveishie podkhody k izucheniiu politicheskogo i profsoiuznogo dvizheniia v gody Pervoi rossiiskoi revoliutsii [The latest approaches to the study of the political and Trade Union movement during the years of the First Russian Revolution]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2003. 195 p. (In Russ.).
7. Karpachev B. A. Profsoiuznoe dvizhenie v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii: 1905–1929 gg. [The Trade Union movement in the socio-political life of Russia: 1905–1929]: abstract of the dissertation of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2004. 32 p. (In Russ.).
8. Nosach V. Profsoiuzy Sankt-Peterburga – Petrograda – Leningrada, 1905–1930 [Trade Unions of St. Petersburg – Petrograd – Leningrad, 1905–1930]. St. Petersburg: Nestor, 2009. 311 p. (In Russ.).
9. Panachin F. G. Uchitel'stvo i revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii (XIX – nachalo XX v.). [Teachers and the revolutionary movement in Russia (19th – early 20th century)]. Moscow: Pedagogika, 1986. 212 p. (In Russ.).

10. Profsoiuzy Moskvy: Ocherki istorii [Trade Unions of Moscow: Essays history] / G. I. Ionova et al. Moscow: Profizdat, 1975. 415 p. (In Russ.).
11. Rabochee i profsoiuznoe dvizhenie v Rossii: iz proshlogo v budushchee: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 18–19 apreliia 2015 g.) [The Labor and trade union movement in Russia: from the Past to the Future: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, April 18–19, 2015)]. Moscow: Lenand, 2016. 312 p. (In Russ.).
12. Filimonov M. A. Deiatel'nost' professional'nykh soiuzov Bashkortostana v 1905–2000 godakh [Activities of trade unions of Bashkortostan in 1905–2000]: abstract of the dissertation of Doctor of Historical Sciences. Samara, 2004. 44 p. (In Russ.).
13. Chernozhukov A. S. Deiatel'nost' Soiuzov soiuzov v period Pervoi russkoi revoliutsii [Activities of the Union of Trade Unions during the First Russian Revolution] // Vestnik of Kostroma State University. 2019. Vol. 25. № 4. P. 37–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-4-37-40> (In Russ.).
14. Chuprynnikov S. A. Zarozhdenie profsoiuznogo dvizheniia i pervye profsoiuzy na Kubani [The emergence of the trade union movement and the first trade unions in Kuban] // Voprosy istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza, kazachestv Iuga Rossii: sbornik nauchnykh statei k 85-letii professora V. N. Ratushniaka [Questions of the history and culture of the North Caucasus and the Cossacks of Southern Russia: collection of scientific articles dedicated to the 85th anniversary of Professor V. N. Ratushnyak]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2024. P. 224–234. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-108-125

Муромцева Людмила Халиловна

кандидат исторических наук,

Управление по надзору за аудиторской деятельностью

Федерального казначейства России

Москва, Россия

muromtseva-2020@inbox.ru

**АРСЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЗВЕРЕВ —
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ МОЛОТОВСКОГО
РАЙОННОГО КОМИТЕТА ВКП (б) ГОРОДА МОСКВЫ
(ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ)**

Аннотация. В публикации в контексте важных исторических событий, происходивших в СССР и ее столице в 1930-е гг., на основе архивных документов, хранящихся в Центральном государственном архиве города Москвы и в других архивохранилищах, впервые вводимых в научный оборот, освещается деятельность Арсения Григорьевича Зверева (1900–1969) на посту первого секретаря Молотовского районного комитета ВКП (б) города Москвы в мае – ноябре 1937 г. В значительной степени восполняется пробел в биографии А. Г. Зверева — выдающегося государственного деятеля советской эпохи, в 1938–1960 гг. — народного комиссара, министра финансов СССР, на протяжении более двадцати лет занимавшего один из ключевых постов в правительстве Советского государства.

Ключевые слова: А. Г. Зверев, Москва, ВКП (б), Молотовский район, наркомат, конференция, пленум, совет, «враги народа».

Для цитирования: Муромцева Л. Х. Арсений Григорьевич Зверев — первый секретарь Молотовского районного комитета ВКП (б) города Москвы (портрет на фоне эпохи) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 108–125. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-108-125>

Original article

UDC 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-108-125

Muromtseva Lyudmila Kh.

Candidate of Historical Sciences,

Audit Supervision Department

Federal Treasury of Russia

Moscow, Russia

muromtseva-2020@inbox.ru

**ARSENIY GRIGORIEVICH ZVEREV —
FIRST SECRETARY OF THE MOLOTOVSKY DISTRICT
COMMITTEE OF THE VKP (b) OF THE CITY OF MOSCOW
(A PORTRAIT IN THE BACKGROUND OF THE ERA)**

Abstract. This publication, dedicated to important historical events that took place in the USSR and its capital in the 1930s, is based on archival documents stored in the Central State Archive of Moscow and other archival repositories, and is being introduced into scientific circulation for the first time. It sheds light on the activities of Arseniy Grigoryevich Zverev (1900–1969) as the first secretary of the Molotov District Committee of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) Moscow from May to November 1937. This publication largely fills a gap in the biography of A. G. Zverev, an outstanding statesman of the Soviet era, served as People’s Commissar and Minister of Finance of the USSR from 1938 to 1960 and for more than twenty years held one of the key positions in the Soviet government.

Keywords: A. G. Zverev, Moscow, VKP (b), Molotovskiy District, People’s Commissariat, conference, plenum, council, “enemies of the people”.

For citation: Muromtseva L. Kh. Arseniy Grigorievich Zverev — first secretary of the Molotovskiy district committee of the VKP (b) of the city of Moscow (a portrait in the background of the era) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 108–125. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-108-125>

Введение. В 2025 г. — в год 80-летия Великой Победы — в ряде научных публикаций продолжилось освещение различных аспектов плодотворной деятельности наркома финансов СССР А. Г. Зверева в годы Великой Отечественной войны. В них подчеркивается значительный вклад Арсения Григорьевича в достижение экономической победы над врагом¹.

¹ Сабитова Н. М., Шавалеева Ч. М. Финансовое обеспечение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне // Финансы. 2025. № 4. С. 8–13; Пачкалов А. В. Неизвестные страницы воспоминаний наркома финансов СССР А. Г. Зверева: ленд-лиз // Финансы. 2025. № 2. С. 24–27; Его же. Неизвестные страницы воспоминаний наркома финансов СССР А. Г. Зверева: испанское золото в СССР // Финансы. 2025. № 3. С. 8–16; Его же. Неизвестные страницы воспоминаний наркома финансов СССР А. Г. Зверева: Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития // Финансы. 2025. № 5. С. 50–55.

В этой связи представляется актуальным осветить малоисследованный период в жизни и деятельности А. Г. Зверева, предшествующий его назначению 13 сентября 1937 г. на должность заместителя народного комиссара финансов СССР, а всего через четыре месяца 19 января 1938 г. — на один из ключевых постов в союзном правительстве — наркома финансов СССР.

Из мемуаров А. С. Зверева «Записки министра» мы знаем, что на работу в Наркомат финансов СССР он был назначен с поста первого секретаря Молотовского райкома ВКП (б) города Москвы. Этому периоду посвящено менее одной страницы воспоминаний Арсения Григорьевича, поскольку он в этой должности пробыл недолго — чуть больше 6 месяцев. Тем не менее в своих мемуарах он весьма позитивно оценивает этот этап своей жизни: «...я накопил ценный опыт, многому научился у ответственных сотрудников ЦК и горкома партии, у руководителей наркоматов и других учреждений»².

Период пребывания А. С. Зверева в должности партийного руководителя одного из московских районов пришелся на весьма важное, переломное время в истории советского государства и его столицы. Совершался мощный индустриальный рывок в рамках выполнения второго пятилетнего плана 1933–1937 гг., строилась и преображалась Москва, вводились в строй новые промышленные предприятия, канал Москва – Волга, были запущены первые линии Московского метрополитена. Сложные, противоречивые и неоднозначные процессы происходили в общественно-политической жизни, связанные с решениями февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г., сделавшего вывод об усилении классовой борьбы в стране и необходимости разоблачения и беспощадной борьбы с «врагами народа».

Выборам, а по сути дела, назначению А. Г. Зверева на достаточно высокую номенклатурную партийную должность первого секретаря Молотовского райкома³ ВКП (б) города Москвы предшествовали следующие события в его жизни и служебной деятельности. В октябре 1930 г. он поступил в Московский финансово-экономический институт, во время учебы был избран секретарем партийного комитета вуза. В ноябре 1932 г., еще до окончания института в июле 1933 г., был назначен заведующим районным финансовым отделом Бауманского района столицы.

В 1936 г. в Москве было введено новое административно-территориальное деление города. В соответствии с «Генеральным планом реконструкции г. Москвы» (1935), на Пленуме Московского совета было принято решение о разукрупнении существующих столичных районов. Вместо 10 их стало 23⁴.

Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях Арсений Григорьевич: «Молотовский район оказался раза в три меньше Бауманского по площади

² Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973. С. 140.

³ Молотовский район г. Москвы просуществовал до сентября 1957 г., когда были объединены некоторые районы города. Молотовский район был включен в состав Пролетарского.

⁴ Москва в новых районах / Московская гор. плановая комис.; Московское гор. упр. народно-хоз. учета. М., 1936. С. 5.

и раз в семь — по численности населения. Объяснялось это тем, что в районе было много государственных учреждений. В частности, здесь находились наркоматы тяжелой промышленности (во главе с Г. К. Орджоникидзе, а потом В. И. Межлауком), пищевой промышленности (во главе с А. И. Микояном), местной промышленности (во главе с К. В. Ухановым); ВЦСПС (во главе с Н. М. Шверником), Высшая школа профдвижения, Профинтерн (во главе с С. А. Лозовским), а также все центральные комитеты отраслевых профсоюзов, Промбанк СССР, Главсевморпуть, Общество старых большевиков и другие крупные учреждения и организации, а также вузы и научно-исследовательские институты. ...Четырежды пересекали его важные магистрали — Китайский проезд, Бульварное кольцо, Садовое кольцо и Курская железная дорога. В районе находились крупные предприятия — машиностроительные, швейные, мебельные, полиграфические, обувные, пищевые. Бюджет его еще в 1936 году превышал 7,2 миллиона рублей»⁵.

К этому можно добавить, что в Молотовском районе располагались наркоматы оборонной промышленности, финансов и внешней торговли СССР; наркоматы местной промышленности, юстиции, здравоохранения, социального обеспечения, коммунального хозяйства РСФСР; Главное управление энергетического хозяйства Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР (Главэнерго), Высшая школа профсоюзного движения ВЦСПС, Центральная высшая школа рабоче-крестьянской милиции, издательства, научно-исследовательские институты и др.

Во вновь образованном районе в апреле 1936 г. А. Г. Зверев был избран председателем исполкома Молотовского совета депутатов трудящихся города Москвы, и тогда же на 1-й партийной конференции района — членом Пленума и членом бюро Молотовского райкома ВКП (б).

Архивные материалы, отражающие данный период деятельности А. Г. Зверева, находятся в отделе хранения документов общественно-политической истории Москвы (ОХДОПИМ) Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы) — фонд П-77 (Молотовский районный комитет КПСС г. Москвы, 1936–1957), содержащий пять описей. Особый интерес в плане исследуемой нами тематики представляют документы, находящиеся в описи № 1 (1513 дел). Среди них автором детально проанализированы следующие архивные документы: стенограмма 2-й Молотовской районной конференции ВКП (б) и материалы к ней; стенограммы, протоколы и материалы заседаний пленумов Молотовского райкома ВКП (б).

В работе использованы также документы из личных дел А. Г. Зверева, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны России, в архиве Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и в архиве Института экономики РАН.

⁵ Зверев А. Г. Указ. соч. С. 137–138.

Ход и результаты исследования. Выборы А. Г. Зверева на пост первого секретаря Молотовского РК ВКП (б) проходили в рамках проведения 2-й Молотовской районной конференции ВКП (б) — с 4 по 12 мая 1937 г. Открывая ее, первый секретарь райкома партии А. А. Левенштейн сообщил, что на нее избрано с решающим голосом 638 чел., с совещательным — 47 чел.⁶

По докладу председателя мандатной комиссии секретаря парткома Наркомтяжпрома СССР А. Л. Капланского, партийный стаж делегатов конференции был таким: 10 % вступили в партию до 1917 г.; 31 % — в 1917–1920 гг.; 51 % — в 1921–1931 гг.; после 1931 г. — 8 %⁷. Таким образом, около половины делегатов вступили в партию в годы революции и Гражданской войны, в условиях жестокой вооруженной классовой борьбы со своими политическими противниками, когда в основном формировались личность и психология этих людей. Образовательный уровень делегатов был невысок: 24,6 % имели высшее образование, в том числе незаконченное; 35,7 % — среднее, 39,7 % — низшее⁸. Делегаты представляли 254 первичные партийные организации района, в которых состояло на учете 7 209 чел.⁹ (в мае 1937 г. численность коммунистов Молотовского района составляла 4,6 % от общего числа — 157 888 — членов ВКП (б), состоящих на учете в Московской городской партийной организации)¹⁰.

В зале присутствовало 580 чел. с решающим и 24 чел. с совещательным голосом. А. А. Левенштейн также сообщил о росте рядов районной парторганизации: на 1-й партийной конференции, прошедшей годом ранее, были представлены 244 партийные организации, в которых состояло на учете 6 868 коммунистов¹¹. Вместе с тем после обмена партийных документов в мае – июле 1936 г. было «исключено из партии 197 чел. троцкистов и людей, связанных с троцкистами, 3–4 чел. бывших “правых”, представителей лагеря Бухарина и Рыкова»¹².

При выборах президиума конференции в его состав была выдвинута кандидатура А. Г. Зверева — председателя райсовета Молотовского района, из рабочих, члена партии с 1919 г., члена Пленума и бюро райкома ВКП (б). Отводов и замечаний по его кандидатуре не поступало¹³. Большинством голосов (435 — за) А. Г. Зверев был избран в президиум конференции, а на заседаниях 6 и 11 мая являлся его председателем¹⁴.

В президиум конференции было избрано 18 чел., в том числе члены партии из руководящего состава наркоматов и отраслевых профсоюзов: В. И. Межлаук —

⁶ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-77. Оп. 1. Д. 55. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 60. Л. 199.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 60. Л. 290.

⁹ Там же. Д. 55. Л. 9.

¹⁰ См.: Московская городская и московская областная партийные организации в цифрах. М., 1972. С. 28.

¹¹ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 55. Л. 10.

¹² Там же. Д. 56. Л. 15.

¹³ Там же. Д. 55. Л. 25.

¹⁴ Там же. Л. 31, 47.

народный комиссар тяжелой промышленности СССР, сменивший на этом посту Г. К. Орджоникидзе, член ЦК ВКП (б); А. П. Завенягин — заместитель наркома тяжелой промышленности СССР, кандидат в члены ЦК ВКП (б); М. М. Каганович — заместитель наркома оборонной промышленности СССР, кандидат в члены Оргбюро ЦК ВКП (б)¹⁵; М. М. Каганович¹⁶ — председатель ЦК профсоюза рабочих трикотажной промышленности, член партии с 1909 г.¹⁷

По партийной традиции того времени, по предложению кандидата в члены бюро РК ВКП (б), секретаря партийного комитета завода «Манометр» Э. И. Сагалова также был избран почетный президиум конференции в следующем составе: И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, А. И. Микоян, А. А. Андреев, В. Я. Чубарь, С. В. Косиор, Г. И. Петровский, А. А. Жданов, Р. И. Эйхе, Я. Э. Рудзутак, П. П. Постышев, Н. И. Ежов, Н. С. Хрушев, Г. Димитров, Э. Тельман¹⁸. Присутствующими в зале список членов почетного президиума был встречен, как это отражено в стенограмме, бурными, продолжительными аплодисментами¹⁹.

Повестка дня конференции включала в себя следующие вопросы: отчет райкома; отчет ревизионной комиссии; выборы Пленума райкома; выборы делегатов на городскую и областную партийные конференции²⁰.

Отчетный доклад А. А. Левенштейна в стенограмме конференции занял более 70 страниц, что свидетельствует о том, что он продолжался не менее двух часов. Основным его содержанием была борьба с «врагами народа». Обращаясь к делегатам, докладчик подчеркнул следующее положение: «Вы знаете, что наш район является одним из районов, где вредительство и шпионаж в целом ряде крупнейших наркоматов и главков были больше, чем в целом ряде других организаций»²¹.

Следовательно, в докладе основное внимание было уделено таким недостаткам в работе районной парторганизации, как потеря политической бдительности, неумение распознавать врагов народа, проникнувших в ее ряды: 22 чел., имеющие партийные взыскания, были избраны членами парткомов. Сообщалось о многочисленных арестах разоблаченных «врагов народа», состоявших

¹⁵ Михаил Моисеевич Каганович (1888–1941) — советский государственный и партийный деятель, старший брат члена Политбюро ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича. В 1939–1940 гг. — нарком авиационной промышленности СССР, в 1940–1941 гг. — директор авиационного завода в Казани. Застрелился 1 июля 1941 г. (*Мозохин О., Борисёнок Ю.* Авиастроитель Михаил Каганович: самоубийство в Совнарком // *Родина*. 2024. № 1. URL: <https://clck.ru/3PWsvN> (дата обращения: 25.10.2025)).

¹⁶ Мария Марковна Каганович (1894–1961) — советский партийный и профсоюзный деятель, жена Л. М. Кагановича. Избиралась секретарем и председателем ЦК ряда отраслевых профсоюзов. В течение многих лет была депутатом Моссовета.

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 55. Л. 32–33, 41–42.

¹⁸ Впоследствии из этого состава будут объявлены врагами народа и репрессированы В. Я. Чубарь, С. В. Косиор, Р. И. Эйхе, Я. Э. Рудзутак, П. П. Постышев, Н. И. Ежов.

¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 55. Л. 35.

²⁰ Там же. Л. 54.

²¹ Там же. Л. 6.

на учете в парторганизациях района, особенно Наркомтяжпрома СССР, Главэнерго, ВЦСПС, Высшей школы профсоюзного движения²².

Обратим внимание на раздел отчетного доклада, в котором давалась оценка работе райсовета во главе с А. Г. Зверевым. Здесь отмечены определенные достижения в социально-экономической сфере: если в 1936 г. на развитие района было направлено 7,2 млн руб., то в 1937 г. — 8 млн руб., в то время как в 1937 г. бюджет района составлял 10 млн руб. Решались вопросы образования и здравоохранения, строились две школы, роддом, санаторий. Особенно большое значение придавалось вводу в строй детских учреждений, поскольку в районе значительное число предприятий имело преобладание женского контингента. Асфальтировались улицы, проводилось их освещение. Вместе с тем в адрес райсовета и его председателя А. Г. Зверева в докладе были высказаны претензии: плохая работа ряда подведомственных райсовету организаций и учреждений, нарушение норм и принципов советской демократии, недостаточное внимание к работе депутатских групп, секций и некоторые другие²³.

Далее состоялись прения по отчетному докладу райкома: записалось 140 чел., выступило 65 чел.²⁴ Преобладающей темой выступлений также являлось разоблачение «врагов народа». В стенограмме неоднократно зафиксированы возгласы присутствующих во время прений: «Говори о своих ошибках», «Называй фамилии врагов народа» и т. д. Дело доходило до абсурда. Например, один из делегатов обвинил другого в том, что тот назвал своего сына в честь Троцкого Львом, однако было установлено, что его имя — Виталий²⁵. Вместе с тем звучали и голоса о необоснованности выдвинутых обвинений, травле честных и преданных членов партии²⁶. Поднимались и другие вопросы, в частности о недостатках в работе РК ВКП (б), о развитии критики и самокритики, преобладании бюрократического стиля работы партийных функционеров, их нежелании вникать в нужды и проблемы первичных парторганизаций и др.

5 мая 1937 г. на вечернем заседании конференции выступил председатель райсовета Молотовского района А. Г. Зверев²⁷. Основное содержание его обширного доклада было посвящено вопросам развития советской демократии, вовлечения депутатов всех уровней в созидательную работу, повышения активности как депутатов, так и избирателей, широких масс трудящихся. Главная задача органов советской власти — особо подчеркнул А. Г. Зверев — это забота о конкретном человеке, умение вникнуть в его нужды и заботы.

В докладе А. Г. Зверева значительное место было уделено перестройке работы райсовета с тем, чтобы каждый вопрос решался с широким участием

²² ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 56. Л. 19–22, 28–34.

²³ Там же. Д. 56. Л. 56–64.

²⁴ Там же. Д. 58. Л. 92.

²⁵ Там же. Д. 62. Л. 116.

²⁶ Там же. Д. 56. Л. 190.

²⁷ Там же. Д. 56. Л. 238–236.

депутатов. Необходимо, чтобы деятельность совета была направлена на повышение активности самих избирателей. Он подчеркнул, что практика кооптации лиц в президиум совета на Пленуме райсовета противоречит существующему законодательству, поскольку этот процесс должен осуществляться избирателями района. К отдельной группе вопросов А. Г. Зверев отнес проблемы укрепления взаимодействия хозяйственных, партийных и советских органов. Особое внимание, по его мнению, необходимо сосредотачивать на обращениях, просьбах, жалобах трудящихся, оперативно реагировать на них. Отдельными сюжетами в его докладе прозвучали вопросы улучшения работы торговой системы, общепита. Как видно, основные положения доклада А. Г. Зверева звучат вполне актуально и сегодня.

Представляется весьма важным также отметить, что в докладе А. Г. Зверева не была названа ни одна из фамилий «врагов народа», не прозвучали призывы к их поиску и разоблачению. По сравнению с другими ораторами, гневно клеймившими «двурушников», «агентов империализма», «шпионов и вредителей», только в одном месте доклада А. Г. Зверева прозвучало дежурное критическое замечание относительно того, что «мы недостаточно занимаемся изучением классового врага»²⁸.

10 мая 1937 г. по завершении прений по отчетному докладу А. А. Левенштейна состоялись выборы членов Пленума Молотовского райкома ВКП (б), в которых приняли участие 593 делегата. Всего было выдвинуто 79 кандидатур, дополнительно внесены в списки для тайного голосования еще 23 чел. Большинство голосов были избраны 50 чел.²⁹

Внесению кандидатуры в бюллетень для тайного голосования предшествовала детальное, а зачастую и весьма придирчивое ее обсуждение. Кандидат сообщал подробные сведения о себе, был в готовности ответить на самые различные вопросы. Они, как правило, касались социального происхождения, партийного стажа, службы в Красной армии. Вызывали настороженность кандидаты в члены Пленума райкома, родившиеся на территории Австро-Венгерской империи, Румынии, Турции и ранее состоявшие в других политических партиях. Необходимо было привести весомые аргументы относительно того, что при нахождении коммуниста на временно оккупированной врагом — гайдамаками, петлюровцами, белополяками и белочехами, интервентами — территории он вел с ними непримиримую подпольную борьбу. Особенно тяжкими являлись обвинения в связях с уже арестованными и осужденными «врагами народа», в участии в антипартийных группировках, в выходе из рядов партии и вступлении в нее снова.

Если коммунист происходил не из семьи рабочих, беднейших крестьян или батраков, то, как правило, он сразу начинал каяться в своем «неправильном» происхождении и заверять присутствующих, что он никаких связей

²⁸ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 55. Л. 235.

²⁹ Там же. Д. 63. Л. 5–7, 8–9.

со своими родными и близкими не поддерживает. Стенограмма конференции фиксирует, например, такие слова: «Самое неприятное — это мое социальное происхождение... Мой отец, моя семья — чуждая среда... С родителями я порвала давно»³⁰.

Вместе с тем звучали и трезвые голоса: «Нельзя превращать обсуждение кандидатур в чистку партии»³¹.

Кандидатура А. Г. Зверева была также выдвинута в состав членов Пленума и не вызвала большого количества вопросов. Действительно, придраться было не к чему: из рабочих, в Красной армии служил, против врагов революции в годы Гражданской войны сражался, в 1919 г. вступил в партию, имел значительный стаж советско-партийной и финансовой работы, отмечались положительные результаты его деятельности на посту председателя райсовета. По результатам тайного голосования он получил 523 голоса за и 70 — против³².

В тех условиях подозрительности, поиска и разоблачения врагов этот результат следует расценить как хороший, как свидетельство высокого авторитета Арсения Григорьевича и проявленного к нему доверия делегатов, поскольку меньше голосов «против» получили только три делегата: работница фабрики имени Клары Цеткин Е. Н. Колчина — 35 голосов, председатель Союза работников резиново-каучуковой промышленности Е. Н. Егорова — 55³³ и столяр 6-й мебельной фабрики И. Е. Борисов — 69. В то же время первый секретарь РК ВКП (б) А. А. Левенштейн получил 176 голосов «против», М. М. Каганович — 104, А. П. Завенягин — 147, правда вписанные дополнительно в бюллетень для тайного голосования нарком тяжелой промышленности СССР В. И. Межлаук получил всего два голоса «против», а председатель ВЦСПС Н. М. Шверник — пять³⁴.

Среди избранных членов Пленума отметим начальника Молотовского районного отделения НКВД, лейтенанта государственной безопасности Дмитрия Андреевича Замятина, который направил в президиум конференции заявление с просьбой рассмотреть его кандидатуру заочно, в связи с болезнью. Смеем предположить, что он опасался «неудобных» вопросов. Через год после его избрания приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 1481 от 14 июня 1938 г. был уволен с исключением с учета

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 60. Л. 2–3, 19, 22.

³¹ Там же. Д. 59, Л. 156.

³² Там же. Д. 63. Л. 5.

³³ Вместе с тем вокруг кандидатуры Е. Н. Егоровой развернулись горячие дискуссии. Ряд депутатов во главе с первым секретарем райкома А. А. Левенштейном предъявили ей обвинения в поддержке «новой оппозиции», слабой борьбе с врагами в профсоюзном движении. Евгения Николаевна Егорова (1892–1938) — активный участник подпольного революционного движения и Октябрьской революции, секретарь ВЦСПС. В 1933 г. была награждена орденом Ленина. Репрессирована.

³⁴ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 63. Л. 8–10; Д. 61. Л. 77.

согласно ст. 38 п. «а» (по приговору суда) Положения о прохождении службы начальствующим составом ГУГБ НКВД в связи с осуждением и лишением звания³⁵. Дальнейшую судьбу Д. А. Замятина установить не удалось, но и предугадать ее не сложно.

Кроме того, были избраны 15 кандидатов в члены Пленума и семь членов ревизионной комиссии³⁶.

На следующий день, 11 мая 1937 г., состоялись выборы делегатов на Московскую городскую и областную конференции ВКП (б) от 2-й Молотовской партийной конференции. В списки для тайного голосования было внесено 59 фамилий. По результатам голосования, в котором приняли участие 518 делегатов, были избраны 35 чел. с решающим голосом и 3 чел. с совещательным³⁷. Из состава высшего государственного и политического руководства страны И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян были избраны единогласно, Н. И. Ежов получил 517 голосов за, против — один³⁸; Н. С. Хрущев — 512 — за, шесть — против³⁹. Оглашение результатов по ним, как зафиксировано в стенограмме, сопровождалось вставанием делегатов со своих мест, бурными аплодисментами, криками «Ура!»⁴⁰.

А. Г. Зверев получил 452 голоса за и 66 голосов против⁴¹. Этот результат, так же как и его избрание в президиум конференции, в члены Пленума РК ВКП (б), следует признать хорошим, так как ряд советско-партийных работников не получили большинства голосов и делегатами на городскую и областную партийные конференции избраны не были. Среди них, например, члены Пленума райкома, возглавлявшие крупные партийные организации: А. Г. Силантьев — секретарь парткома Высшей школы профсоюзного движения, С. О. Глусов — секретарь парткома ВЦСПС, И. М. Тимофеев — секретарь парткома «Электропрома», а также А. А. Беркович — работник аппарата райкома партии⁴².

На этом работа 2-й партийной конференции Молотовского района Москвы была завершена. Стенограмма фиксирует бурные аплодисменты, пение «Интернационала», долго несмолкающие крики «Ура!», возгласы: «Да здравствует тов. Сталин! Да здравствует ЦК ленинско-сталинской партии! Да здравствует Московский комитет партии и руководитель большевиков тов. Хрущев!»⁴³.

³⁵ Приказ НКВД СССР № 1481 от 14.06.1938. URL: https://nkvd.memo.ru/index.php/Документ:Приказ_НКВД_СССР_№_1481_от_14.06.1938. (дата обращения: 25.10.2025).

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 63. Л. 20, 25.

³⁷ Там же. Л. 37–38, 42; Д. 62. Л. 136.

³⁸ Там же. Л. 36–37. В протоколе счетной комиссии по результатам тайного голосования по выборам делегатов, по-видимому, была допущена ошибка. В него занесено следующее: «по кандидатуре Н. И. Ежова: за — 518, против — 1». Однако в голосовании принимало участие не 519, а 518 делегатов.

³⁹ Там же. Д. 63. Л. 30.

⁴⁰ Там же. Д. 62. Л. 133.

⁴¹ Там же. Д. 63. Л. 31.

⁴² Там же. Л. 30–31.

⁴³ Там же. Д. 62. Л. 138.

15 мая 1937 г. состоялось первое заседание избранного Пленума Молотовского райкома ВКП (б), который рассмотрел организационные вопросы: выборы первого и второго секретарей РК ВКП (б), выборы бюро райкома⁴⁴.

С информацией по повестке дня выступил секретарь МГК ВКП (б) А. Н. Богомолов⁴⁵. Он проинформировал участников Пленума о том, что первый секретарь райкома А. А. Левенштейн отзывается в распоряжение горкома партии и предложил на эту должность кандидатуру А. Г. Зверева, которая ранее обсуждалась и была одобрена на заседании бюро Московского городского комитета ВКП (б).

А. Н. Богомолов отметил основные вехи биографии кандидата: из семьи рабочих-текстильщиков Клинского уезда, с 1917 г. — рабочий Трехгорной мануфактуры, с 1919 г. — член партии. Во время учебы в Московском финансово-экономическом институте в течение двух лет избирался секретарем партийного комитета, хорошо показал себя в жестокой борьбе с троцкистами. Положительно зарекомендовал себя на посту председателя райсовета. На конференции коммунисты хорошо голосовали за его кандидатуру⁴⁶.

Предложение А. Н. Богомолова поддержали первый секретарь райкома А. А. Левенштейн и Д. А. Протасов — помощник начальника политуправления Наркомпищепрома СССР. Было отмечено также, что А. Г. Зверев принимает самое активное участие в работе бюро Молотовского РК ВКП (б). Других кандидатур на пост первого секретаря райкома партии выдвинуто не было⁴⁷.

На пост второго секретаря райкома партии участниками Пленума были выдвинуты четыре кандидатуры: Э. И. Сагалов — секретарь парткома завода «Манометр», А. Л. Капланский — секретарь парткома Наркомтяжпрома СССР, Н. С. Гридасов — секретарь парткома Главэнерго и Д. А. Протасов — помощник начальника политуправления Наркомпищепрома СССР. Трое последних заявили самоотвод, который был членами Пленума принят⁴⁸.

Далее состоялось тайное голосование по выборам первого и второго секретарей райкома, в которых приняли участие 48 чел. За кандидатуру А. Г. Зверева было 48 голосов за, против — нет, что свидетельствует о его высоком

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.

⁴⁵ Андрей Николаевич Богомолов (1902–1938) — член партии с 1919 г., был женат на К. Б. Гамарник — сестре начальника Политуправления РККА Я. Б. Гамарника. Через пять дней после выступления А. Н. Богомолова на Пленуме 20 мая 1937 г. Я. Б. Гамарник будет снят с должности, 31 мая 1937 г. покончит жизнь самоубийством. А. Н. Богомолов был расстрелян в 1938 г., К. Б. Богомолова-Гамарник в 1937–1953 гг. находилась в заключении.

⁴⁶ Более того, как следует из документов личного дела А. Г. Зверева, он состоял и в других, кроме упомянутых, выборных партийных органах. В 1922–1923 гг. он являлся секретарем агитационно-пропагандистского отдела Клинского уездного комитета РКП (б); в 1927–1929 гг. — членом бюро Клинского уездного комитета ВКП (б); в 1930 г. — кандидатом в члены Брянского окружкома ВКП (б); в 1931–1936 гг. — кандидатом в члены Бауманского РК ВКП (б) г. Москвы. См.: ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 66. Л. 14–15.

⁴⁷ Там же. Л. 14–15.

⁴⁸ Там же. Л. 16.

авторитете в партийной организации; за кандидатуру Э. И. Сагалова — 46 голосов за и два голоса против⁴⁹.

Также состоялись выборы членов бюро райкома партии (результаты голосования см. в табл.).

Таблица

**Результаты выборов в члены бюро райкома на заседании
Пленума Молотовского райкома ВКП (б) Москвы 15 мая 1937 г.**

Ф. И. О.	Должность	За	Против	Результат
А. Г. Зверев	первый секретарь Молотовского райкома ВКП (б)	48	—	+
Э. И. Сагалов	второй секретарь Молотовского райкома ВКП (б)	45	3	+
В. А. Алексеева	первый секретарь Молотовского РК ВЛКСМ	43	5	+
Л. Б. Пятигорский	секретарь парткома завода им. В. М. Молотова	45	3	+
Д. А. Замятин	начальник районного управления НКВД	39	9	+
М. М. Гимельман	секретарь парткома фабрики им. К. Цеткин	39	9	+
А. Л. Капланский	секретарь парткома Наркомтяжпрома СССР	25	23	+
Н. С. Гридасов	секретарь парткома Главэнерго	—	—	—
С. О. Глусов	секретарь парткома ВЦСПС	—	—	—
Б. М. Киселев	директор завода «Манометр»	—	—	—
В. И. Шабалдин	начальник сектора кадров Нарком-местпрома СССР	—	—	—

Источник: ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 66. Л. 29–31.

Примечание: + — избран в состав райкома; — — не избран в состав райкома.

Кандидатами в члены бюро райкома были избраны: Н. С. Гридасов — секретарь парткома Главэнерго; Н. А. Артемьев — секретарь парткома Наркомпищепрома СССР⁵⁰. На этом заседании Пленума райкома завершило свою работу.

Следует отметить, что деятельность А. Г. Зверева в должности первого секретаря райкома ВКП (б) начиналась в непростых условиях, поскольку парторганизация Молотовского района, ее бывший руководитель А. А. Левенштейн были подвергнуты резкой критике как на самой партконференции, так и на страницах советско-партийной печати. Особенно плохо была поставлена партийная работа в организациях центральных комитетов профсоюзов, в которых отсутствовала самокритика, политическая работа находилась на низком уровне. Отмечалось, что в таких крупных парторганизациях, как Наркомтяжпром СССР, Наркомместпром

⁴⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 66. Л. 29.

⁵⁰ Там же. Л. 31.

СССР, ВЦСПС и ряд других, работа парткомов была признана неудовлетворительной⁵¹.

Однако отметим, что в этой сложной политической обстановке А. Г. Зверев рассматривался руководством МГК ВКП (б) как перспективный партийный руководитель. На городской партийной конференции, состоявшейся в конце мая 1937 г., он был избран членом Московского городского комитета ВКП (б), а уже в августе того же года вошел в элиту столичной партийной номенклатуры — был введен в состав бюро МГК ВКП (б)⁵².

Первое расширенное заседание избранного конференцией Пленума РКП (б) в количестве 55 чел. состоялось под председательством А. Г. Зверева 5 июня 1937 г.⁵³ На нем был рассмотрен один вопрос: план работы Молотовского РК ВКП (б) на июнь 1937 г. С докладом выступил второй секретарь райкома партии Э. И. Сагалов. В прениях приняли участие 14 членов Пленума райкома⁵⁴.

В своем выступлении А. Г. Зверев отметил, что в предложенном проекте плана работы ответственными за проведение мероприятий определены исключительно работники аппарата райкома, а членов Пленума и членов бюро райкома в нем нет. Надо вовлечь в активную работу всех его членов, подчеркнул первый секретарь райкома, включить их в план, определить ответственность за выполнение мероприятий. Эти предложения были одобрены и приняты⁵⁵. Очевидно, что и сегодня такой подход с точки зрения управленческих решений представляется вполне разумным.

В план работы райкома были занесены следующие основные мероприятия: отчеты парткомов фабрики имени Клары Цеткин, треста «Кафе», ЦК Маштехсоюза, а также отчеты парторганизаций, в которых работа парткомов и парторгов получила неудовлетворительную оценку (Главэнерго, Теплосетьстрой, ЦК профсоюза мукомольной промышленности); о мерах по ликвидации вредительства в Наркомтяжпроме СССР; о перестройке пропагандистской работы в парторганизациях; о состоянии партийного хозяйства в Райпищеторге и на заводе «Манометр»; об учебе малограмотных коммунистов; о состоянии массово-политической работы в бараках и др.⁵⁶

Следующие заседания Пленума Молотовского РК ВКП (б) 14 июля и 28 августа 1937 г. прошли без участия А. Г. Зверева⁵⁷.

⁵¹ На районных партийных конференциях // Рабочая Москва. 1937. 8 мая; Гольденберг Е. Об одной особенности, неучтенной райкомом // Московский рабочий. 1937. 16 мая.

⁵² От Молотовской парторганизации членом Пленума горкома партии также была избрана секретарь парткома фабрики имени К. Цеткин М. М. Гиммельман, кандидатом в члены Московского горкома ВКП (б) — заведующая Московским городским отделом народного образования Л. В. Дубровина. См.: Рабочая Москва. 1937. 30 мая; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 100000. Инв. № 1468274. Л. 2.

⁵³ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 66. Л. 33–54.

⁵⁴ Там же. Л. 33–46.

⁵⁵ Там же. Л. 39, 46.

⁵⁶ Там же. Л. 42–48.

⁵⁷ Там же. Д. 64. Л. 55–64.

Однако с точки зрения исторической оценки событий того времени представляют определенный интерес вопросы, выносимые на эти заседания⁵⁸. 14 июля 1937 г. вместе с кадровыми перестановками в аппарате райкома⁵⁹ одними из основных являлись вопросы разоблачения и наказания «врагов народа» из партийной среды. Был выведен из членов Пленума Молотовского РК ВКП (б) секретарь совета и член парткома Наркомтяжпрома СССР А. Д. Семушкин, арестованный как «враг народа» органами НКВД⁶⁰. Решение было принято единогласно⁶¹.

Рассматривалось также персональное дело инструктора Молотовского райкома партии по наркоматам и главкам А. А. Берковича, члена партии с 1918 г., давшего положительную характеристику Фаркашу (его инициалы и занимаемая должность в протоколе заседания отсутствуют). Все обвинения А. А. Беркович категорически отрицал. Постановили: «За связь с врагом народа Фаркашем, за дачу ему положительной характеристики в январе 1935 г., в настоящий момент, когда выдвинули дело по обвинению Фаркаша в белогвардейщине, из членов Пленума вывести и поручить бюро райкома решить вопрос о его партийности». Голосовали единогласно⁶².

28 августа 1937 г. на заседании Пленума Молотовского РК ВКП (б) был утвержден план работы райкома на сентябрь 1937 г., рассматривались вопросы о состоянии политпросвещения в парторганизациях Наркомпищепрома СССР и ЦК союза авиапромышленности⁶³.

27 сентября 1937 г. А. Г. Зверев, уже побывавший 8 сентября на приеме у Сталина в Кремле и назначенный 13 сентября постановлением ЦИК СССР заместителем наркома финансов СССР, на заседании Пленума райкома присутствовал и руководил его работой. В повестку дня был включен вопрос о выполнении решения ЦК ВКП (б) о возобновлении приема новых членов партии. Заслушивались доклады секретаря парткома завода «Манометр» П. И. Кондратьева, секретаря парткома Наркомпищепрома СССР Н. А. Артемьева и секретаря парткома Главгидроэнергостроя Дмитриева⁶⁴.

⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 66. Л. 55–56.

⁵⁹ Заместитель ответственного редактора журнала «Плановое хозяйство» М. А. Ямпольский был назначен заведующим отделом агитации и пропаганды райкома. Секретарь парткома Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС А. С. Силантьев — заведующим отделом школ. Секретарь парткома завода имени В. М. Молотова Л. Б. Пятигорский — заместителем заведующего отделом партийных кадров райкома (Там же. Л. 55–56).

⁶⁰ Семушкин Анатолий Дмитриевич (1898–1938) в годы Гражданской войны был адъютантом, затем секретарем Г. К. Орджоникидзе. Расстрелян. Реабилитирован в 1954 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР.

⁶¹ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 66. Л. 57.

⁶² Там же. Л. 64.

⁶³ Там же. Л. 65–108.

⁶⁴ Там же. Д. 64. Л. 29–34. К сожалению, более подробно проанализировать ход работы Пленума райкома 27 сентября 1937 г. не представляется возможным, поскольку его стенограмма (Там же. Д. 67) до сих пор засекречена.

Были рассмотрены организационные вопросы. Инженер Главэнерго О. И. Дианова исключена из членов ВКП (б) за участие в троцкистской оппозиции 1924–1925 гг. и неискренность⁶⁵.

Секретарь парткома Наркомтяжпрома СССР А. Л. Капланский решением бюро РК ВКП (б) был освобожден от исполнения своих обязанностей как не справившийся с политическим руководством парторганизацией. За потерю бдительности в отношении группы троцкистов и отсутствие острой борьбы по разоблачению врагов народа в наркомате, за связь с врагами народа Семушкиным и Раскиным и зажим самокритики ему был объявлен строгий выговор с предупреждением. А. Л. Капланский выведен из состава бюро райкома как отстраненный от работы и привлеченный к партийной ответственности⁶⁶.

Можно установить, когда фактически закончилось исполнение А. Г. Зверевым обязанностей первого секретаря Молотовского РК ВКП (б). Это произошло 25 ноября 1937 г., о чем свидетельствует стенограмма расширенного заседания Пленума райкома⁶⁷. В нем приняли участие 77 членов и кандидатов в члены Пленума, члены ревизионной комиссии, секретари парткомов и доверенные лица кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Стенограмма также фиксирует присутствие второго секретаря Московского горкома ВКП (б) Г. А. Братановского и заместителя заведующего отделом партийных кадров МГК ВКП (б) Тимофеева (инициалы установить не удалось)⁶⁸.

Повестка дня включала вопросы проведения массово-политической и организационной работы на избирательных участках в связи с выборами в Верховный Совет СССР, назначенными на 12 декабря 1937 г. В этой связи отметим, что на данном заседании А. Г. Зверев присутствовал уже в статусе кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, поскольку в соответствии со ст. 59 Положения о выборах в Верховный Совет СССР, утвержденного Постановлением ЦИК СССР от 9 июля 1937 г., не позднее чем за 30 дней, т. е. до 12 ноября 1937 г., он был зарегистрирован в этом качестве по Касимовскому избирательному округу Рязанской области.

В повестку дня был включен организационный вопрос, непосредственно относящийся к деятельности А. Г. Зверева в Молотовском РК ВКП (б), по которому выступил второй секретарь райкома партии Э. И. Сагалов. В стенограмме

⁶⁵ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 64. Л. 34.

⁶⁶ Там же. Л. 35. Следует отметить, что еще в июне 1937 г. А. Л. Капланский подал в вышестоящие партийные инстанции жалобу на неправомерные в отношении его действия. В 1938 г. во исполнение постановления январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков» по ней была проведена проверка. См.: *Шубин А. В.* 1937. АнтиТеррор Сталина. М., 2010. С. 114. Дальнейшую судьбу А. Л. Капанского установить не удалось.

⁶⁷ Там же. Д. 68. Л. 1–30.

⁶⁸ Там же. Л. 1.

зафиксированы его слова: «Все вы знаете, что т. Зверев работает замнаркомфина, а числится первым секретарем РК и членом бюро. Есть предложение освободить т. Зверева от обязанностей первого секретаря РК ВКП (б) и члена бюро, ввиду перехода на другую работу». Предложение было принято⁶⁹.

Второй секретарь Московского горкома и обкома ВКП (б) Г. А. Братановский предложил на пост первого секретаря т. Емельянова, инженера Автозавода имени И. В. Сталина, 1904 года рождения, члена партии с 1928 г.⁷⁰

Пленум райкома партии вывел из членов бюро начальника Управления НКВД Молотовского района Д. А. Замятина «как человека, находящегося под следствием, за поступок, недостойный коммуниста». Из членов Пленума был исключен секретарь парткома ВЦСПС С. О. Глусов «как враг народа арестованный органами НКВД и исключенный из рядов ВКП (б)»⁷¹.

Вероятно, и А. Г. Зверев осознавал опасность, грозившую ему лично и его семье (молодой жене и троем детям⁷²) в условиях разворачивавшихся массовых репрессий. Так, по обвинению в «участии в контрреволюционной террористической организации» были репрессированы избранные, как и А. Г. Зверев, в мае 1937 г. первые секретари райкомов партии Москвы: Дзержинского — А. Д. Быков (1904–1938); Коминтерновского — А. И. Петров (1900–1938); Советского — И. Е. Персиц (1908–1938). Первый секретарь Свердловского райкома ВКП (б) К. П. Чудинова (1894–1993) была арестована, находилась в заключении и ссылке до реабилитации в 1954 г.

Среди тех, кто, как и А. Г. Зверев, назначенный в сентябре 1937 г. на должность замнаркома финансов СССР, был выдвинут на вышестоящую должность из московской парторганизации и уже в 1938 г. подвергся репрессиям, были: Я. Г. Сойфер (1885–1938) — первый секретарь оргбюро ЦК ВКП (б) по Тульской области; М. И. Марчук — первый секретарь оргбюро ЦК ВКП (б) по Краснодарскому краю; Г. М. Стацевич (1898–1942) — первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП (б); В. Я. Симочкин (1895–1939) — первый секретарь Ивановского обкома ВКП (б) и ряд других⁷³.

Заключение. К сожалению, сухие строки архивных документов, в первую очередь стенограмм, протоколов и других материалов партийных мероприятий, дают лишь приблизительное представление о личности и деятельности Арсения Григорьевича Зверева на посту первого секретаря райкома ВКП (б) Молотовского района Москвы, на котором он был весьма непродолжительный период времени.

⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 68. Л. 21.

⁷⁰ Там же. Л. 22.

⁷¹ Там же. Д. 58. Л. 24.

⁷² В личное дело бригадного комиссара запаса А. Г. Зверева 28 июня 1940 г. внесен следующий состав его семьи: жена — Ревкова Екатерина Васильевна, 1908 г. р.; сын Владимир, 1927 г. р.; сын Олег, 1929 г. р., дочь Раиса, 1932 г. р. См.: ЦАМО. Ф. 100000. Инв. № 1468274. Л. 2.

⁷³ Абрамян К. А. 1937 год. Н. С. Хрущев и московская парторганизация. М., 2018. С. 233.

Однако мы можем с уверенностью утверждать, что, вступив на эту должность и исполняя свои обязанности, он пользовался значительным авторитетом в советских и партийных органах столицы. Как было сказано, в тяжелых условиях борьбы с «врагами народа» на партийной конференции Арсений Григорьевич уверенно проходил все этапы голосования по своей кандидатуре: в президиум конференции, в члены бюро райкома и, наконец, на должность первого секретаря райкома. Как свидетельствуют стенограммы партконференции и пленумов райкома, его предложения и замечания, как правило, одобрялись и принимались.

Исполнение А. Г. Зверевым обязанностей руководителя достаточно высокого партийно-номенклатурного уровня было связано с большими эмоциональными и физическим нагрузками. Тем более, как мы уже установили, с 13 сентября по 25 ноября 1937 г. Арсений Григорьевич исполнял две должности. Во-первых, А. Г. Зверев продолжал руководить работой Молотовского РК ВКП (б), присутствовал на различных заседаниях, принимал участие в выработке партийных решений. Во-вторых, как заместитель наркома финансов СССР, он сразу включился в работу по корректировке государственного бюджета на завершающий квартал года. За короткое время структуры Наркомфина СССР во главе с А. Г. Зверевым сделали все, для того чтобы в кратчайшие сроки подготовить финансовую систему страны к суровым испытаниям, а с началом Великой Отечественной войны внесли достойный вклад в перевод всей экономики страны на военные рельсы, в достижение победы над фашизмом⁷⁴.

Отметим и еще одно важное обстоятельство: А. Г. Зверев — выходец из многодетной рабочей семьи, с юных лет пролетарий Трехгорки, вступил в партию в годы Гражданской войны, в рядах Красной армии воевал с врагами революции, получил высшее образование, постоянно рос по советской и партийной линии — все это свидетельствует о его искренней вере в идеалы социализма, в то, что только советская власть предоставила ему возможность и право полностью раскрыть и реализовать свои способности.

Литература

1. Абрамян К. А. 1937 год. Н. С. Хрущев и московская парторганизация. М.: РОССПЭН, 2018. 286 с.
2. Муромцева Л. Х. Во главе народного комиссариата финансов в годы Великой Отечественной войны (К 80-летию Великой Победы и 125-летию со дня рождения А. Г. Зверева) // Исторический вестник. 2025. Т. LII. С. 262–277. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.007>
3. Пачкалов А. В. Неизвестные страницы воспоминаний наркома финансов СССР А. Г. Зверева: испанское золото в СССР // Финансы. 2025. № 3. С. 8–16.

⁷⁴ Подробнее см.: Муромцева Л. Х. Во главе народного комиссариата финансов в годы Великой Отечественной войны (К 80-летию Великой Победы и 125-летию со дня рождения А. Г. Зверева) // Исторический вестник. 2025. Т. LII. С. 262–277. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.007>

4. Пачкалов А. В. Неизвестные страницы воспоминаний наркома финансов СССР А. Г. Зверева: ленд-лиз // Финансы. 2025. № 2. С. 24–27.
5. Пачкалов А. В. Неизвестные страницы воспоминаний наркома финансов СССР А. Г. Зверева: Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития // Финансы. 2025. № 5. С. 50–55.
6. Сабитова Н. М., Шавалеева Ч. М. Финансовое обеспечение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне // Финансы. 2025. № 4. С. 8–13.
7. Шубин А. В. 1937. АнтиТеррор Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 352 с.

References

1. Abramyan K. A. 1937 god. N. S. Khrushchev i moskovskaia partorganizatsiia [1937. Khrushchev and the Moscow Party organization]. Moscow: ROSSPEN, 2018. 286 p. (In Russ.).
2. Muromtseva L. Kh. Vo glave narodnogo komissariata finansov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (K 80-letiiu Velikoi Pobedy i 125-letiiu so dnia rozhdeniia A. G. Zvereva) [At the head of the People's Commissariat for Finance in the years of the Great Patriotic War (On the 80th anniversary of the Great Victory and 125th anniversary of the birth of A. G. Zverev)] // The Historical Reporter. 2025. Vol. 52. P. 262–277. <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.007>
3. Pachkalov A. V. Neizvestnye stranitsy vospominanii narkoma finansov SSSR A. G. Zvereva: ispanskoe zoloto v SSSR [Unknown pages of memoirs of the People's Commissar of Finance of the USSR A. G. Zverev: Spanish gold in the USSR] // Finance. 2025. № 3. P. 8–16. (In Russ.).
4. Pachkalov A. V. Neizvestnye stranitsy vospominanii narkoma finansov SSSR A. G. Zvereva: lend-liz [Unknown pages of memoirs of the People's Commissar of Finance of the USSR A. G. Zverev: Lend-lease] // Finance. 2025. № 2. P. 24–27. (In Russ.).
5. Pachkalov A. V. Neizvestnye stranitsy vospominanii narkoma finansov SSSR A. G. Zvereva: Mezhdunarodnyi valiutnyi fond i Mezhdunarodnyi bank rekonstruktsii i razvitiia [Unknown pages of memoirs of the People's Commissar of Finance of the USSR A. G. Zverev: The International Monetary Fund and the International Bank for Reconstruction and Development] // Finance. 2025. № 5. P. 50–55. (In Russ.).
6. Sabitova N. M., Shavaleeva Ch. M. Finansovoe obespechenie pobedy Sovetskogo Soiuz v Velikoi Otechestvennoi voine [Financial security for the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War] // Finance. 2025. № 4. P. 8–13. (In Russ.).
7. Shubin A. V. 1937. AntiTerror Stalina [Stalin's anti-Terror]. Moscow: Iauza; Eksmo, 2010. 352 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-126-139

Медведева Татьяна Валерьевна

кандидат исторических наук

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

t.medvedeva@inslav.ru; ORCID: 0000-0002-2272-1111

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-КАНАДСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА 1920–1930-х гг.: ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ РАЗОРВАННЫХ СВЯЗЕЙ

Аннотация. Историю межгосударственных отношений традиционно изучают, отталкиваясь от официальной документации Министерства иностранных дел, посольств и консульств. Но история советской дипломатии в XX в. дает немало примеров того, как после разрыва официальных отношений двусторонние связи государств продолжали развиваться и могли оказывать положительное влияние на вопросы внешней политики. В статье проблема поиска и анализа источников для реконструкции двусторонних отношений рассматривается на примере советско-канадских связей конца 1920–1930-х гг., однако комплекс выявленных источников можно считать общим для разных стран и истории их взаимоотношений с Советским Союзом в этот период.

Документы центральных российских архивов позволяют говорить об активном неофициальном взаимодействии СССР и Канады в 1930-е гг. как в экономической, так и в общественно-политической и культурной сферах. Эти материалы позволяют проследить, как выстраивались экономические отношения двух стран после разрыва дипломатических отношений в условиях эмбарго, наложенного на импорт некоторых советских товаров и фактической торговой войны в первой половине 1930-х гг.; показывают, как развивались культурные отношения и какие институциональные формы они принимали, как был организован прием канадских граждан в СССР и их знакомство со страной под пристальным руководством чиновников из Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Материалы Коминтерна и Профинтерна характеризуют связи с канадскими коммунистами и профсоюзными деятелями в условиях дипломатической напряженности накануне Второй мировой войны.

При этом советско-канадские контакты в 1930-е гг. находились в тени советско-американских связей, которые значительно превосходили их по масштабам и с которыми они были организационно тесно связаны.

Ключевые слова: советско-канадские отношения, международные отношения, внешняя торговля, культурная дипломатия, научный туризм, Профинтерн, исторические источники, архивные документы.

Для цитирования: Медведева Т. В. Архивные документы по истории советско-канадских отношений конца 1920–1930-х гг.: источники для реконструкции разорванных связей // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 126–139. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-126-139>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-126-139

Medvedeva Tatyana V.

Candidate of Historical Sciences

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

t.medvedeva@inslav.ru; ORCID: 0000-0002-2272-1111

ARCHIVAL DOCUMENTS ON THE HISTORY OF SOVIET-CANADIAN RELATIONS IN THE LATE 1920s AND 1930s: SOURCES FOR THE RECONSTRUCTION OF BROKEN TIES

Abstract. The history of interstate relations has traditionally been studied based on official documentation from the Ministry of Foreign Affairs, embassies, and consulates. However, the history of Soviet diplomacy in the 20th century provides numerous examples of how bilateral relations continued to develop after official relations broke down, and could have had a positive impact on foreign policy issues.

This article examines the challenge of finding and analyzing sources to reconstruct bilateral relations, using the example of Soviet-Canadian relations in the late 1920s and 30s. The identified sources, however, can be considered relevant to other countries and their relations with the Soviet Union during that period.

The documents from the central Russian archives allow us to talk about the active, unofficial cooperation between the USSR and Canada in the 1930s. This cooperation was seen in the economic, socio-political, and cultural spheres. These documents help us to understand how economic relations between the two countries developed after the severance of diplomatic ties, due to the embargo on the import of certain Soviet goods and a trade war that took place in the first half of the 30s. They also show us how cultural relations evolved and what forms they took. We can see how the reception of Canadians in the USSR was organized and how they were introduced to the country, under the close supervision of officials from the Society for Cultural Relations with Abroad. Furthermore, the materials from the Comintern and Profintern provide information about relations with Canadian communists and trade unionists during a time of diplomatic tension leading up to World War II.

At the same time, Soviet-Canadian relations in the 1930s were overshadowed by Soviet-American relations, which were significantly larger in scale and closely linked organizationally.

Keywords: Soviet-Canadian relations, international relations, foreign trade, cultural diplomacy, scientific tourism, Profintern, historical sources, archival documents.

For citation: Medvedeva T. V. Archival documents on the history of Soviet-Canadian relations in the late 1920s and 1930s: sources for the reconstruction of broken ties // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 126–139. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-126-139>

Введение. Историю межгосударственных отношений в отечественной историографии принято изучать, основываясь на официальной документации Министерства иностранных дел, посольств и консульств. Но история советской дипломатии в XX в. дает немало примеров того, как после разрыва официальных отношений двусторонние связи государств продолжали развиваться и могли оказывать положительное влияние на вопросы внешней политики. Заголовок статьи отсылает к периоду 1920–1930-х гг., когда официальные отношения СССР и Канады были разорваны. Это создало в отечественной историографии своеобразный вакуум, обусловленный отсутствием дипломатических контактов в указанный период и, соответственно, официальных документов внешнеполитического ведомства. Период 1893–1927 гг. был исследован в 1990-е гг. в монографии Г. И. Лузянина¹, однако в ней были затронуты лишь политические аспекты советско-канадских отношений. За рамками данной работы остались вопросы торговли и экономического взаимодействия СССР и Канады. Кроме того, вне поля зрения исследователя оказались материалы Исполнительного комитета Коминтерна, определявшего взаимодействие с канадскими коммунистами.

С началом Второй мировой войны контакты двух стран активизировались, что привело к восстановлению дипломатических отношений в 1942 г. Этому новому этапу двусторонних связей посвящена диссертация Т. А. Щербини² и статья группы саратовских авторов, посвященная роли личности канадского премьер-министра У. Л. М. Кинга в процессе сближения двух государств³. Период Второй мировой войны также нашел отражение в сборнике документов, вышедшем в 2020 г. к 75-летию Победы⁴. Культурные связи двух стран в эпоху холодной войны подробно освещены в монографии И. А. Аггеевой⁵.

С канадской стороны межвоенный период в отношениях двух стран был исследован более тщательно, однако с использованием исключительно канадских документов и материалов в большинстве работ. Наиболее подробно

¹ Лузянин Г. И. Россия и Канада в 1893–1927 гг. М., 1997.

² Щербина Т. А. Канадо-советские отношения (1942–1953 гг.): основные тенденции и направления: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

³ Учаев А. Н., Учаева Н. А., Демидова Е. И. Восприятие СССР премьер-министром Канады У. Л. М. Кингом в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 593–602.

⁴ Северные союзники: СССР и Канада в годы Второй мировой войны: документы и материалы / сост. К. В. Минкова; вступ. статья А. Н. Учаева. СПб., 2020.

⁵ Аггеева И. А. Культурные связи эпохи холодной войны: СССР – Канада (1950–1970-е гг.). М., 2011.

вопросы двусторонних отношений были освещены в монографиях А. Балавидера (1972) и Л. Блека (1998)⁶.

В настоящее время актуальным видится изучение неофициальной международной истории XX в., минимально отраженной в дипломатических нотах и договорах. Целью статьи является выявление круга документов, а вместе с ними и круга вопросов, как экономических, так и общественно-политических, которые продолжали обсуждаться и решаться в период разрыва официальных отношений. Обзор, характеристика особенностей и оценка информационного потенциала этих документов составляют задачи данной статьи. Они решаются на примере советско-канадских отношений конца 1920–1930-х гг., но комплекс рассмотренных источников является общим для британских доминионов и истории их взаимоотношений с Советским Союзом, а если смотреть шире, то и для ряда других крупных держав (и, заметим, не только в период 20–30-х гг. прошлого века).

Ход и результаты исследования. Установление полноценных советско-канадских отношений произошло в начале 1920-х гг., когда в 1922 г. канадское правительство признало Советскую Россию де-факто после присоединения Канады к Англо-советскому торговому соглашению 1921 г., а затем и де-юре в 1924 г. В мае 1927 г. Великобритания обвинила СССР во вмешательстве в британскую внешнюю политику и разорвала с ним дипломатические отношения, Канада последовала за метрополией⁷. Советское официальное агентство в Канаде 22 июня 1927 г. было закрыто⁸.

Период с конца 1927 до начала 1942 г. характеризуется отсутствием прямых официальных отношений между Канадой и СССР и весьма ограниченным числом официальных документов, напрямую регламентирующих различные аспекты экономического и политического взаимодействия двух государств. И именно для этого периода особенно важным становится изучение неофициальных связей и максимально полная характеристика круга источников, освещающих эти связи. Документы отечественных центральных архивов позволяют проследить, как перестраивались культурные связи двух стран, как меняется структура экспорта-импорта и объемы торговли в новых условиях, как взаимодействуют в новых условиях коммунистические и профсоюзные деятели двух стран.

Основные источники, характеризующие эти связи, сосредоточены в нескольких московских архивах: Российском государственном архиве социально-политической истории — РГАСПИ (ф. 17 (ЦК ВКП (б)); ф. 495 (Исполнительный комитет Коминтерна); ф. 534 (Красный Интернационал профсоюзов));

⁶ *Balawyder A. Canadian-Soviet relations between the world wars. Toronto, 1972; Black J. L. Canada in the Soviet mirror: Ideology and perception in Soviet foreign affairs, 1917–1991. Toronto, 1998.*

⁷ Северные союзники: СССР и Канада в годы Второй мировой войны. С. 16.

⁸ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 099. Оп. 7. П. 1. Д. 1. Л. 25.

Российском государственном архиве экономики — РГАЭ (ф. 413 (Наркомат внешней торговли СССР); ф. 5240 (Наркомат внешней и внутренней торговли СССР); ф. 3429 (ВСНХ)); Государственном архиве Российской Федерации — ГАРФ (ф. Р-5283 (Всероссийское общество культурной связи с заграницей)).

Программные положения и тезисы, определяющие политическую линию в отношениях двух государств, содержат с советской стороны материалы Политбюро Центрального комитета РКП (б) (ВКП (б))⁹. Открытые ныне для исследователей протоколы заседаний Политбюро содержат решения по ключевым вопросам советско-канадских отношений. Большинство решений (в особенности после 1927 г.) проходят под грифом «Особая папка». Как правило, внешнеполитические постановления принимались Политбюро при составлении инструкций относительно переговорной позиции СССР либо утверждении предназначенных для последующего обнародования деклараций. В тех случаях, когда рассматривалась целесообразность пересмотра отношений с теми или иными странами, тексты постановлений Политбюро обычно приобретали урезанную или сжатую форму (решение «О Канаде»), в них опускались указания на мотивы и международно-политический эффект, ожидаемый в результате выполнения предписываемых действий.

Одной из причин тяготения к краткости являлось стремление обеспечить секретность принимаемых решений. Своевременность пересмотра и ужесточения режима делопроизводства (после вторжения и захвата бумаг в представительстве СССР в Пекине) подтвердили обыски, проведенные британской полицией в здании АРКОС — Всероссийского кооперативного акционерного общества — и торговой делегации СССР в Лондоне в середине мая 1927 г. За этим последовало постановление Политбюро «О мерах конспирации», предписавшее «совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна и МОПРа», ежедневно менять шифры, «отменить систему широкой информации полпредств через рассылку особых докладов»¹⁰. В итоге протоколы содержали минимальную информацию относительно дискуссий по наиболее важным международным делам, с 1933 г. из протоколов были исключены упоминания о лицах, вносивших соответствующие предложения и докладчиках на Политбюро. В материалах коллегии Наркомата иностранных дел Политбюро фигурировало как «правительство» и «сессия», а с 1927 г. эвфемизм «инстанция» стал применяться и в «совершенно секретных» решениях Политбюро (в качестве самоназвания).

Добавим для сравнения, что материалы Палаты общин канадского парламента, публикуемые из года в год, достаточно подробно характеризуют спектр мнений по ряду проблем межгосударственных отношений, оценки стратегии правительства, а также выступления ведущих политиков, определяющих приоритеты внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности. Некоторые

⁹ РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП (б)). Оп. 3, 162, 163.

¹⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 24. Протокол № 106 (особый № 84) закрытого заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 28.05.1927, п. 2.

заявления канадских руководителей интересно сопоставить с документами, относящимися к этим же вопросам, чтобы представить широту интерпретаций и обоснований ключевых решений¹¹.

Важные комплексы материалов по истории советско-канадских связей представляют в РГАСПИ фонды Исполнительного комитета Коминтерна (ф. 495, оп. 98: документы Компартии Канады) и Красного Интернационала профсоюзов (ф. 534), а также несколько документов из фонда Международной организации помощи борцам революции (ф. 539). В документах Коминтерна хорошо представлена руководящая роль ВКП (б) и тесная связь канадских и советских коммунистов. Особый интерес представляет борьба с троцкизмом в Канаде, развернувшаяся в прессе и общественных дискуссиях 1936–1937 гг. после судебных процессов в СССР и «разоблачения» Л. Д. Троцкого и его последователей, Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева¹².

Фонд Профинтерна характеризует взаимодействие канадских профсоюзов, и в первую очередь Лиги рабочего единства (WUL), с советскими коммунистическими деятелями в условиях Великой депрессии и повсеместной борьбы с «красной угрозой» в Канаде¹³. В документах освещаются вопросы финансирования Лиги рабочего единства и ее печатного органа газеты Workers' Unity¹⁴.

Не столь определяющим, но от этого не менее важным источником являются неопубликованные материалы внешнеторговых ведомств СССР (эти функции переходили от Наркомата внешней торговли к Наркомату внешней и внутренней торговли), а также Высшего совета народного хозяйства. Здесь необходимо назвать одну из немногих статей канадских авторов, К. Нигарта и Л. Блека, привлекавших материалы РГАЭ для реконструкции экономических связей двух стран в начале 1930-х гг.¹⁵ и недавнюю статью К. В. Минковой, посвященную перспективам развития советско-канадских экономических отношений в последующие годы после окончания Второй мировой войны¹⁶. На материале советско-американских договоров построено близкое по тематике исследование белорусских авторов, подробно рассмотревших формы экономического сотрудничества двух стран в 1920–1930-е гг.¹⁷

¹¹ Canada. House of Commons Debates. 1928. 16th Parliament. 2nd session. Vol. 1–3, index // Parliament of Canada. URL: <https://parl.canadiana.ca/browse/eng/c/debates/16-2> (дата обращения: 08.12.2025).

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 98. Д. 184. Л. 23–39.

¹³ Там же. Ф. 534. Оп. 7. Д. 334, 336.

¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 387. Л. 1–11.

¹⁵ Black J. L., Niergarth K. Revisiting the Canadian-Soviet barter proposal of 1932–1933: The Soviet perspective // International Journal Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2016. Vol. 71. Issue 3. P. 409–432.

¹⁶ Минкова К. В. Перспективы развития советско-канадских экономических отношений после окончания Второй мировой войны (по материалам РГАЭ) // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 8. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760032164-7-1/>

¹⁷ Петаченко Г. А., Шабасова М. А. Эволюция форм советско-американского экономического сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 4. С. 63–72.

Именно в РГАЭ находятся материалы, которые характеризуют повседневную деятельность торгпредств, и в частности переписка с канадскими предпринимателями, докладные записки и справки Института монополии внешней торговли, документация по заключенным и незаключенным контрактам, материалы Русско-канадско-американского пассажирского агентства — РУСКАПА (ликвидировано в 1930 г.)¹⁸ — и документы официального агентства СССР в Канаде до 1927 г.

Показательны документы о передаче дел официального агентства в Канаде после закрытия в 1927 г. Амторгу¹⁹, который представлял собой акционерное общество, учрежденное в США с целью содействия советско-американской торговле и выступал посредником в экспортно-импортных операциях. Амторг осуществлял закупки в США оборудования для нужд СССР, проводил приемку закупленных товаров и контролировал их отгрузку. В отличие от канадских представительств он не закрывался в 1930-е гг.: более того, до 1933 г., пока в Штатах не было дипломатического представительства Советского Союза, он фактически выполнял его функции. Именно ему активно передаются все сделки с канадскими контрагентами, и он дальше их ведет в 1930-е гг. Например, сохранились материалы о крупной товарообменной сделке 1933 г., предполагавшей поставку в СССР скота и кож в обмен на ввоз советской нефти и угля в Канаду (так называемая сделка Дж. Серкау)²⁰.

В документации внешнеторговых ведомств обращает на себя внимание тщательность проработки многих сделок. Предварительная переписка Наркомата с агентством в Канаде (позже — с Амторгом), инициирование конъюнктурных обзоров и справок в Институте монополии внешней торговли, проверка рыночных цен на закупаемые товары и согласование различных сторон сделки с ведомством в СССР, которому предназначались закупаемые товары, изучение материалов зарубежной прессы. Результаты всех этих мероприятий отложились в фондах соответствующих учреждений и достаточно подробны. Ценно, что подавляющее большинство из них носит сугубо экономический характер и лишено привнесенных извне соображений политической конъюнктуры и идеологической важности тех или иных внешнеторговых решений. Некоторые обзоры и докладные записки имеют гриф «Не подлежит оглашению».

Существенное место среди источников для реконструкции экономических отношений занимают материалы справочного и аналитического характера. Это в первую очередь статистические таблицы²¹, обзоры; довоенные обобщающие

¹⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 5. Д. 1220. Л. 113–120.

¹⁹ Там же. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 1557. Л. 1–6.

²⁰ Там же. Ф. 413. Оп. 13. Д. 529. Л. 12–13.

²¹ См.: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960; Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918–1937. Статистический справочник / сост. С. Н. Бакулин, Д. Д. Мишустин. М., 1939; Statistical Abstract for the British Empire. London, 1926–1939.

исследования, проводимые Наркоматом внешней торговли²². Важны сведения не только по канадско-советскому экспорту-импорту, но и по торговле с США и Великобританией.

Если говорить о статистических данных, сложность представляет сопоставление сведений разных источников, так как курсы советского рубля и иностранных валют за рассматриваемый период неоднократно менялись; в советских планах отчетные годы до 1928 г. не совпадают с календарными; советская система учета грузов в портах отличалась от западной, а товарные номенклатуры претерпевали изменения.

В частности, значительные сложности вызывала несогласованность в учете цен на импортируемые и экспортируемые товары, основанных на условиях доставки и отправки грузов. В советских документах чаще всего используется цена фоб (FOB — Free on Board), а в канадских — цена сиф (CIF — Cost, Insurance and Freight). В первом случае цена предполагала передачу товара от поставщика к покупателю в порту страны отправления, после погрузки товара на судно, а во втором — продавец брал на себя расходы и риски, связанные с транспортировкой, до момента вручения покупателю. Иными словами, цены сиф получаются путем прибавления к плановым ценам фоб расходов по морскому фрахту и страхованию в пути. Однако во многих советских статистических и плановых документах не оговаривается, какие цены приводятся. Существовали и другие обозначения цен, связанные с условиями продажи. Этими расхождениями, а также разницей в учете стран-экспортеров (при ре-экспорте), вероятно, объясняется значительная разница в данных советских, канадских и английских статистических источников.

Основные статистические сборники по внешней торговле, выходившие в СССР, как правило, воспроизводили данные предыдущих выпусков, дополняя их и корректируя коэффициент, использовавшийся для пересчета курса рубля в разные годы (чтобы данные разных лет могли быть корректно сопоставлены). Таким образом, в большинстве случаев данные об объеме поставок идентичны, тогда как стоимость товаров значительно отличается от той, которая была указана в соответствующих договорах.

Канадские и английские источники приводят зачастую сведения, в корне отличные от советских как по номенклатуре и составу товаров, так и по объемам продаж. Так, по канадским данным 1928–1929 гг., ввоз товаров из СССР в Канаду имел объемы 15 и 48 тыс. фунтов стерлингов, соответственно, а ввоз 1931 г. вдвое превышал объемы 1930 г.²³ А по данным советских сборников «Внешняя торговля СССР» в 1928–1929 гг. ввоза советских товаров в Канаду не было вовсе, а данные 1931 г., в сравнении с 1930 г., составляют сотые доли процента²⁴.

²² Справочная книга НКВТ. М., 1936; Международная торговля и внешняя торговля СССР / под ред. Д. Д. Мишустина. М., 1941.

²³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 286. Л. 134–135.

²⁴ См., например: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. С. 1039–1041.

Канадские источники приводят данные по советского ввозу антрацита в Канаду в 1928–1929 гг. (соответственно, на 79 и 683 тыс. канадских долларов)²⁵. В материалах обзоров, создаваемых в Наркомате внешней торговли в 1931 г. есть данные канадских источников, подробно представляющие структуру советского экспорта в Канаду в 1929–1930 гг., которая, как и импорт за эти годы, кардинально отличается от советских данных (показатели советского экспорта 1929 г. и отчасти 1930 г., разница в динамике объемов и номенклатуре по канадскому экспорту в СССР)²⁶. Список таких расхождений достаточно велик.

Кроме того, в начале 1930-х гг. курсы национальных валют испытывали значительные колебания, что затрудняет корректное сопоставление сведений из разных источников, приводящих данные в английских фунтах стерлингов, канадских и американских долларах, советских рублях.

Учитывая все это, возможно делать выводы на основе в первую очередь динамики показателей (их относительного роста или спада), а не их абсолютных величин, также учитывая объемы поставлявшихся товаров (по весу и количеству).

Для исследования советско-канадских отношений в сфере науки и культуры наиболее ценны материалы Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС), существовавшего с 1925 г. Во многом усилия именно этой организации способствовали поддержанию интереса к СССР²⁷.

ВОКС координировал культурные, научные и литературные обмены и был организацией, которая часто принимала видных гостей в Советском Союзе с Запада и организовывала их контакты с советскими коллегами. В СССР все приезжавшие канадские граждане знакомились со страной под пристальным руководством ВОКС. Общество тщательно прорабатывало маршруты и темы туристических поездок, контролировало запросы со стороны канадских гостей, предлагая на экспорт положительный образ молодой Страны Советов.

К деятельности ВОКС часто обращаются исследователи в России и за рубежом. Именно это направление межгосударственных контактов 1930-х гг. изучено наиболее подробно. В контексте заявленной темы необходимо назвать несколько работ: небольшую статью канадского исследователя К. Нигарта²⁸, работы отечественных авторов Л. В. Михайловой²⁹ и И. В. Кабановой³⁰,

²⁵ Trade of Canada for 1932. Dominion Bureau of Statistics. Ottawa, 1933. P. 668.

²⁶ См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 41. Л. 13.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5283 (Всесоюзное общество культурной связи с границей). Оп. 3 (Англо-американский отдел).

²⁸ Niergarth K. Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and western visitors to the Soviet Union, 1921–1941 // *Labour/Le Travail*. 2014. Vol. 74. P. 401–403.

²⁹ Михайлова Ю. Л. «Ни слова политики, а какая агитация и пропаганда!»: советская культурная дипломатия в Латвии в межвоенный период // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. № 11 (85).

³⁰ Кабанова И. В. Англо-американская путевая проза 1930-х гг. о Советской России // *Литература двух Америк*. 2021. № 10. С. 228–265.

рассматривающих смежные направления работы Общества. В статье Г. Б. Куликовой³¹ прекрасно показаны общие принципы приема иностранных писателей в 1930-е гг., а в недавно вышедшей статье И. Б. Орлова поставлена проблема особенностей научного и конгрессного туризма как самостоятельного канала научного обмена в СССР³². Материалы о советско-канадских культурных и научных связях 1930-х гг. из фонда ВОКС позволяют развивать исследования в этих направлениях.

Организация Общества культурной связи в Канаде в 1926 г. проходила под пристальным контролем руководства ВОКС и лично его председателя Ольги Давидовны Каменевой: в ее переписке с официальным агентом (затем полномочным представителем) СССР в Канаде А. А. Языковым, координировавшим там создание и работу Общества культурной связи, его помощником И. Ю. Куликом, с главой Общества полковником Х. Дж. Маки (Mackie) и другими представителями Канады обсуждаются все основные проблемы создания и деятельности этой канадской общественной организации. В конце 1920-х – 1930-е гг., когда без поддержки официального агентства СССР Общество практически развалилось, основным источником для истории советско-канадских культурных связей остаются дневники и отчеты по Англо-американскому отделу ВОКС. В 1931 г. в Торонто был образован Временный национальный комитет общества «Друзья Советского Союза»³³. Отсутствие масштабных совместных проектов двух стран и значительных культурных мероприятий в этот период компенсировалось стабильным интересом канадской общественности к самым разным областям советской жизни, к советской науке и культуре.

В фонде ВОКС есть материалы по работе практически с каждым канадцем, приезжавшим в СССР. Сведения об организации канадско-советских связей и методах работы культурной дипломатии сохранились в текущей переписке Общества, отчетах о пребывании туристов и в отчетах Англо-американского отдела, в который входила Канада и другие доминионы. На каждого посетителя составлялась анкета, куда заносились его вопросы и интересы в СССР, дальнейшее сопровождение туриста должно было отвечать этим запросам.

Со стороны Советского Союза через ВОКС серьезно поддерживались журналисты из Америки и Канады, которые были готовы публиковать «дружественные» статьи в прессе. Одним из таких лиц был либеральный голландско-канадско-американский журналист Пиерр Ван Паассен (Pierre van Raassen), посещавший Союз в 1932 и 1933 гг. и написавший серию статей по возвращении в Канаду³⁴. Другой журналист, Клод Буржуа, просил ВОКС выслать материалы

³¹ Куликова Г. Б. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4. С. 43–59.

³² Орлов И. Б. Особенности научного туризма в СССР (постановка проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 8. С. 112–125.

³³ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 2. Д. 94. Л. 40.

³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 386. Л. 1–7.

о жизни в СССР и сам предлагал разместить свои статьи о жизни советских людей в канадской прессе³⁵. Для канадского экономиста доктора Уильяма Тейлора, посетившего СССР в 1936 г. и проявлявшего интерес к пятилетнему планированию, был организован прием в Госплане СССР (с ним беседовал заместитель председателя Госплана И. А. Краваль и член президиума Госплана Б. В. Троицкий). Общение с советскими экономистами так впечатлило канадца, что он отказался от культурной программы тура и решил остаться в Москве для дальнейшего общения с коллегами из СССР (впоследствии Тейлора на родине обвиняли в шпионаже за энергичную пропаганду советских достижений)³⁶. Среди посетителей ВОКС в 1936 г. примечательным туристом был священник Дональд Стюарт, который ожидал назначения в канадскую колонию для заключенных и хотел бы ознакомиться с деятельностью советских колоний, поскольку собирал материал для книги о работе с заключенными³⁷. Для таких гостей ВОКС организовывал экскурсии в показательную Большевскую коммуны.

Одним из характерных примеров конгрессного туризма можно считать прием известного канадского профессора медицины Фредерика Бантинга из Университета Торонто в 1935 г. Он был приглашен на Физиологический конгресс в Ленинграде, и для него ВОКС организовало несколько бесед о системе советского здравоохранения. По его словам, СССР стала для него «самой интересной страной в мире, у которой нужно многому поучиться»³⁸.

Заключение. Таким образом, архивные документы дают возможность проследить, как выстраивались экономические отношения Канады и СССР после разрыва дипломатических отношений в условиях эмбарго, наложенного на импорт некоторых советских товаров, и фактической торговой войны в первой половине 1930-х гг. Можно увидеть, как развивались культурные отношения в этих условиях и какие институциональные формы они принимали. Документы показывают, как был организован прием канадских граждан в СССР, которые знакомились со страной под пристальным руководством чиновников из Общества культурной связи с заграницей. Материалы Коминтерна и Профинтерна демонстрируют, как поддерживались связи с канадскими коммунистами и профсоюзным движением в условиях дипломатической и политической напряженности накануне Второй мировой войны.

Документы отечественных центральных архивов позволяют говорить об активном неофициальном взаимодействии двух государств в рассматриваемый период как в экономической, так и в общественно-политической и культурной сферах. При этом каждая группа источников имеет свои особенности и сложности при исследовании, которые важно учитывать.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 351. Л. 1–14.

³⁶ Там же. Д. 726. Л. 122–122 об., Д. 727. Л. 221–226.

³⁷ Там же. Д. 727. Л. 70.

³⁸ Там же. Д. 602. Л. 20.

Литература

1. Аггеева И. А. Культурные связи эпохи холодной войны: СССР – Канада (1950–1970-е гг.). М.: ИВИ РАН, 2011. 214 с.
2. Кабанова И. В. Англо-американская путевая проза 1930-х гг. о Советской России // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 228–265. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-228-265>
3. Куликова Г. Б. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4. С. 43–59.
4. Лузянин Г. И. Россия и Канада в 1893–1927 гг. М.: Прометей, 1997. 261 с.
5. Минкова К. В. Перспективы развития советско-канадских экономических отношений после окончания Второй мировой войны (по материалам РГАЭ) // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 8. <https://doi.org/10.18254/S207054760032164-7>
6. Михайлова Ю. Л. «Ни слова политики, а какая агитация и пропаганда!»: советская культурная дипломатия в Латвии в межвоенный период // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 11 (85). <https://doi.org/10.18254/S207987840008082-9>
7. Орлов И. Б. Особенности научного туризма в СССР (постановка проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 8. С. 112–125. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-112-125>
8. Петаченко Г. А., Шабасова М. А. Эволюция форм советско-американского экономического сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 4. С. 63–72.
9. Северные союзники: СССР и Канада в годы Второй мировой войны: документы и материалы / сост. К. В. Минкова; вступ. статья А. Н. Учаева. СПб.: Скифия-принт, 2020. 340 с.
10. Учаев А. Н., Учаева Н. А., Демидова Е. И. Восприятие СССР премьер-министром Канады У. Л. М. Кингом в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 593–602. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-593-602>
11. Щербина Т. А. Канадо-советские отношения (1942–1953 гг.): основные тенденции и направления: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 279 с.
12. Balawyder A. Canadian-Soviet relations between the world wars. Toronto: University of Toronto Press, 1972. 248 p.
13. Black J. L. Canada in the Soviet mirror: ideology and perception in Soviet foreign affairs, 1917–1991. Ottawa: Carleton University Press, 1998. 466 p.
14. Black J. L., Niergarth K. Revisiting the Canadian-Soviet barter proposal of 1932–1933: The Soviet perspective // International Journal Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2016. Vol. 71. Issue 3. P. 409–432.
15. Niergarth K. Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and western visitors to the Soviet Union, 1921–1941 // Labour/Le Travail. 2014. Vol. 74. P. 401–403.

References

1. Aggeeva I. A. Kul'turnye sviazi epokhi kholodnoi voiny: SSSR — Kanada (1950–1970-e gg.) [Cultural ties of the cold war: USSR – Canada (1950s–1970s)]. Moscow: IVI RAN, 2011. 214 p. (In Russ.).

2. Kabanova I. V. Anglo-amerikanskaia putevaia proza 1930-kh gg. o Sovetskoi Rossii [English and American travel writing of the 1930s on Soviet Russia] // *Literature of the Americas*. 2021. № 10. P. 228–265. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-228-265> (In Russ.).
3. Kulikova G. B. Pod kontrolem gosudarstva: prebyvanie v SSSR inostrannykh pisatelei v 1920–1930-kh godakh [Under state control: The stay of foreign writers in the USSR in the 1920s–1930s] // *Otechestvennaia istoriia* [Russian history]. 2003. № 4. P. 43–59. (In Russ.).
4. Luzyanin G. I. Rossiia i Kanada v 1893–1927 gg. [Russia and Canada in 1893–1927]. Moscow: Prometei, 1997. 261 p. (In Russ.).
5. Minkova K. V. Perspektivy razvitiia sovetsko-kanadskikh ekonomicheskikh otnoshenii posle okonchaniia Vtoroi mirovoi voiny (po materialam RGAE) [Prospects for the development of Soviet-Canadian economic relations after the end of World War II (Based on materials from the Russian State Archive of Economics)] // *Rossiia i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st century]. 2024. № 8. <https://doi.org/10.18254/S207054760032164-7> (In Russ.).
6. Mikhailova Yu. L. «Ni slova politiki, a kakaia agitatsiia i propaganda!»: sovetskaia kul'turnaia diplomatiia v Latvii v mezhoennyi period [“Not a word of politics, but what agitation and propaganda!”: Soviet cultural diplomacy in Latvia in the interwar period] // *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»* [Istoriya]. 2019. Vol. 10. № 11 (85). <https://doi.org/10.18254/S207987840008082-9> (In Russ.).
7. Orlov I. B. Osobennosti nauchnogo turizma v SSSR (postanovka problemy) [Features of scientific tourism in the USSR (Problem statement)] // *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023. Vol. 22. № 8. P. 112–125. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-112-125> (In Russ.).
8. Petachenko G. A., Shabasova M. A. Evoliutsiia form sovetsko-amerikanskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva v 1920-kh – nachale 1930-kh gg. [The evolution of forms of Soviet-American economic cooperation in the 1920s – early 1930s] // *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023. № 4. P. 63–72. (In Russ.).
9. Severnye soiuzniki: SSSR i Kanada v gody Vtoroi mirovoi voiny: dokumenty i materialy [Northern Allies: The USSR and Canada During World War II: Documents and Materials] / compiled by K. V. Minkova; introductory article by A. N. Uchaev. St. Petersburg: Skifia-print, 2020. 340 p. (In Russ.).
10. Uchaev A. N., Uchaeva N. A., Demidova E. I. Vospriiatie SSSR prem'er-ministrom Kanady U. L. M. Kingom v period Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 gg. [Canadian prime minister W. L. M. King's perception of the USSR during World War II, 1939–1945] // *Herald of an Archivist*. 2021. № 2. P. 593–602. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-593-602> (In Russ.).
11. Shcherbina T. A. Kanado-sovetskie otnosheniia (1942–1953 gg.): osnovnye tendentsii i napravleniia [Canadian-Soviet relations (1942–1953): Main trends and directions]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Stavropol, 2004. 279 p. (In Russ.).
12. Balawyder A. Canadian-Soviet relations between the world wars. Toronto: University of Toronto Press, 1972. 248 p.
13. Black J. L. Canada in the Soviet mirror: ideology and perception in Soviet foreign affairs, 1917–1991. Ottawa: Carleton University Press, 1998. 466 p.

14. Black J. L., Niergarth K. Revisiting the Canadian-Soviet barter proposal of 1932–1933: The Soviet perspective // *International Journal Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2016. Vol. 71. Issue 3. P. 409–432.

15. Niergarth K. Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and western visitors to the Soviet Union, 1921–1941 // *Labour/Le Travail*. 2014. Vol. 74. P. 401–403.

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-140-154

Залесская Ольга Владимировна

доктор исторических наук, доцент

Благовещенский государственный педагогический университет

Благовещенск, Россия

olgazallesskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1369-1993

**ДВА КИТАЙЦА И ОДИН РУССКИЙ:
КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ УПРАВЛЕНИЯ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КРАЕВОЙ ВЫСШЕЙ
КИТАЙСКОЙ ЛЕНИНСКОЙ ШКОЛОЙ**

Аннотация. В статье рассматривается история создания и деятельности Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы, функционировавшей во Владивостоке в 1933–1938 гг. на фоне масштабных преобразований советской национальной политики и политики коренизации. Особое внимание уделено анализу управленческих стратегий руководителей школы — двух китайцев и одного русского, — а также их вкладу в развитие образовательных и кадровых практик для интеграции китайских трудящихся в советское общество. На основе архивных документов и материалов на китайском языке, впервые введенных в научный оборот, автор исследует структуру учебного процесса, содержание программ, специфику подготовки специалистов для работы в условиях межэтнического взаимодействия и трансграничного сотрудничества. Работа восполняет пробелы в изучении биографий руководителей школы и их дальнейшей революционной деятельности, а также раскрывает особенности политики в отношении китайских мигрантов на советском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Россия, Китай, советский Дальний Восток, Дальневосточная краевая высшая китайская ленинская школа, советская национальная политика, российско-китайские отношения.

Для цитирования: Залесская О. В. Два китайца и один русский: ключевые фигуры управления Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школой // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 140–154. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-140-154>

Original article

UDC 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-140-154

Zalesskaia Olga V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Blagoveshchensk State Pedagogical University

Blagoveshchensk, Russia

olgazalesskaya@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1369-1993

TWO CHINESE AND ONE RUSSIAN: KEY FIGURES IN THE MANAGEMENT OF THE FAR EASTERN REGIONAL HIGHER CHINESE LENIN SCHOOL

Abstract. This article examines the history of the Far Eastern Regional Higher Chinese Lenin School, which operated in Vladivostok from 1933 to 1938, against the backdrop of sweeping transformations in Soviet national policy and the policy of «korenization.» Particular attention is paid to analyzing the managerial strategies of the school's leaders — two Chinese and one Russian — as well as their contributions to the development of educational and personnel practices for integrating Chinese workers into Soviet society. Based on archival documents and Chinese-language materials, introduced into scientific discourse for the first time, the author explores the structure of the educational process, the content of programs, and the specifics of training specialists for work in the context of interethnic interaction and cross-border cooperation. The study fills gaps in the knowledge of the biographies of the school's leaders and their subsequent revolutionary activities, and also reveals the specifics of policies toward Chinese migrants in the Soviet Far East.

Keywords: Russia, China, Soviet Far East, Far Eastern Regional Higher Chinese Lenin School, Soviet national policy, Russian-Chinese relations.

For citation: Zalesskaia O. V. Two Chinese and one Russian: key figures in the management of the Far Eastern Regional Higher Chinese Lenin School // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 140–154. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-140-154>

Введение. В 20–30-е гг. XX в. советская власть осуществила глубокие преобразования во всех сферах общественной жизни России. Радикальные перемены произошли в системе образования и подготовке кадров. В свете реализации принципов советской национальной политики, политики коренизации и предоставления преференций по национальному признаку исключительную важность приобретает вопрос привлечения и интеграции в систему социалистического строительства китайских трудящихся. На советском Дальнем Востоке, где происходили постоянные маятниковые перемещения китайских мигрантов, необходимость формирования специализированных кадров для осуществления в их среде культурно-просветительной и партийно-организационной работы встала особенно остро. Создание

в этих условиях Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы, официально основанной 1 марта 1933 г. и просуществовавшей до 1938 г., стало уникальным экспериментом в области межнационального образования и кадровой подготовки. В исследовании деятельности и особенностей функционирования этой школы до сих пор немало белых пятен: неизвестны судьбы многих ее выпускников, в научной литературе слабо освещен их вклад в революционное дело в Китае и т. д. Данная статья призвана заполнить имеющийся пробел о жизни и деятельности руководства Ленинской школы. Предметом научного анализа нашего исследования стали судьбы ее высшего руководящего состава — директоров и заместителя директора по учебной части, двоих китайцев и одного русского.

Актуальность исследования обусловлена тем, что Дальневосточная краевая высшая китайская ленинская школа представляла собой не просто образовательный институт, а сложную систему подготовки специалистов, объединявшую в себе идеологическую, профессиональную и межкультурную функции. Анализ деятельности школы позволяет проследить эволюцию методов подготовки кадров для работы в условиях международного и межгосударственного сотрудничества, а также осветить специфику политики в отношении китайских мигрантов на советском Дальнем Востоке.

История создания и функционирования Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы получила достаточно подробное освещение в работах О. В. Залесской¹, Д. А. Анча и Н. Г. Мизь². Однако в данных исследованиях не раскрываются биографии руководителей школы, не дается освещение их жизни и дальнейшей работы после закрытия школы. В настоящей статье автор существенно дополняет картину революционного образования и воспитания китайских рабочих в стенах Ленинской школы, проводит анализ управленческих стратегий ее руководителей, показывает их дальнейший жизненный путь, революционную и политическую деятельность.

В исследовании были использованы материалы на китайском языке, переведенные автором, а также архивные документы из фондов Государственного архива Приморского края (фонды П-1190 «Дальневосточная краевая Китайская Ленинская школа повышенного типа» и П-1 «Приморский областной комитет ВКП (б)»). Материалы данных фондов позволили автору осветить основные направления образовательного процесса китайской Ленинской школы, охарактеризовать содержание учебных планов, программ, структуру обучения, количественный состав учащихся и т. п.

¹ Залесская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009; *Ее же*. Основные направления в образовании и обучении китайского населения на советском Дальнем Востоке в 20–30-е годы XX в. // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 116–129.

² Анча Д. А., Мизь Н. Г. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. 2-е изд., доп. Владивосток, 2015.

Ход и результаты исследования. После Октябрьской революции в СССР произошли кардинальные изменения, затронувшие и политику в отношении национальных меньшинств, а особенно китайских мигрантов, прибывавших на российский Дальний Восток. Первоначально с целью мобилизации рабочей силы и подготовки специалистов для строительства социалистической экономики создавались различные учреждения, направленные на формирование в их среде интернационального сознания. Предложение об их создании было сделано 26 июня 1920 г. на заседании II конгресса Коминтерна одним из деятелей Коммунистического Интернационала Г. Марингом, который заявил: «III Интернационал должен дать возможность выходцам из Дальнего Востока [следовательно, из Китая] прожить здесь [в Советской России] по полугоду и прослушать курсы коммунизма, чтобы они правильно понимали, что здесь происходит... чтобы они могли провести в жизнь советскую организацию и повести коммунистическую работу в колониях... Мы здесь в России должны дать возможность восточным революционерам получить теоретическое образование, чтобы Дальний Восток стал живым членом Коммунистического Интернационала»³.

В 1921 г. в Москве был организован Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), получивший в 1923 г. имя И. В. Сталина. С 1925 г. для нужд подготовки китайских революционеров функционировал Университет трудящихся Китая (УТК) имени Сунь Ятсена (переименованный в 1928 г. в Коммунистический университет трудящихся Китая — КУТК), основной задачей которого являлась «передача китайской общественности всего опыта общественного движения в Европе, Америке и на Востоке, чтобы, таким образом, облегчить передовой китайской интеллигенции работу по руководству национально-освободительным движением Китая во все более усложняющихся международных условиях»⁴. Как отмечал в своих воспоминаниях бывший выпускник УТК Шэн Юэ, «если студенты из Европы и США привозили домой книжки и тетрадки, содержащие “науку”, “демократию” и, возможно, мечты, то те, кто учился в России, возвращались с мечтами о новом Китае, вкупе с политическими программами для их реализации и членством в партии для их поддержки. И эти учившиеся в России студенты в итоге сыграли огромную роль в формировании судьбы Китая»⁵.

С присоединением российского Дальнего Востока к РСФСР проблема социализации и профессиональной подготовки китайских мигрантов стала особенно острой. В условиях, когда численность китайского населения в регионе

³ Цит. по: *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001. С. 228–229.

⁴ Цит. по: *Панин Е. В.* Из истории создания и деятельности университета для китайских трудящихся в Москве (1925–1930 годы) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. № 2-2. С. 74.

⁵ *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М., 2009. С. 24.

достигала 70 тыс. человек, а потребность в высококвалифицированных кадрах для работы в партийных и культурно-просветительных структурах была крайне высокой, возникла необходимость создания специализированного учебного заведения непосредственно в Дальневосточном регионе. Принятое 25 января 1933 г. на заседании секретариата Далькрайкома ВКП (б) решение об объединении китайского отделения Далькомвуза в Хабаровске и Владивостокской краевой китайской совпартшколы стало основой для создания Ленинской школы повышенного типа с нахождением во Владивостоке⁶. Таким образом, формирование Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы носило характер интегративного проекта, объединявшего разнородные образовательные практики и адаптированного к специфике приграничного региона. Вновь созданная школа должна была обеспечить подготовку кадров не только для работы среди китайских трудящихся, но и для дальнейшей их политической подготовки, что являлось актуальной задачей в условиях советской программы интернационализации.

Первым директором школы стал Ли Ипин 李一平, китаец по происхождению (русское имя — Георгий Ильич Стаканов), также известный под именами Ли Яокуй, Ван Дали, Ван Юэсинь. Он родился в 1903 г. в поселке Юйцзяфан, расположенном в уезде Ляочэн провинции Ляонин. С ранних лет проявив себя как партийный активист, он вступил в ряды китайского комсомола (а затем и в ряды Коммунистической партии Китая — КПК), был направлен на учебу в Пекин и уже в 1925 г. начал работать в сфере партийной пропаганды. В 1929 г. он окончил КУТК и был переведен в китайскую совпартшколу во Владивостоке преподавателем марксизма-ленинизма. С 1931/1932 уч. г. был заведующим совпартшколы, а после создания китайской Ленинской школы стал ее директором; в этой должности он проработал до октября 1933 г.⁷ Функциональная модель, разработанная Ли Ипином, предусматривала систематизированное освоение как теоретических дисциплин (ленинизм, политэкономия, история ВКП (б)), так и практических курсов, направленных на получение навыков организации пропагандистской работы среди китайских трудящихся. Под руководством Ли Ипина произошло упорядочение структуры школы: были созданы три новые кафедры (экономическая, историческая и языковая), а также учреждено переводческое бюро, что позволило усилить теоретическую и практическую подготовку слушателей⁸.

Ли Ипин приложил значительные усилия к разработке учебных программ, адаптированных под реалии подготовки кадров для партийно-просветительной работы на Дальнем Востоке. Его управленческий опыт и глубокое понимание партийной идеологии способствовали становлению работы школы на первом этапе, благодаря чему сформировался устойчивый кадровый резерв

⁶ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об.

⁷ Анча Д. А., Мизь Н. Г. Указ. соч. С. 252–253.

⁸ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 93. Л. 15–16 об.

для дальнейшей интеграции китайцев в структуру партийно-просветительной работы. Благодаря усилиям Ли Ипина была создана методологическая база, позволяющая эффективно адаптировать образовательный процесс для слушателей, обладающих различной степенью подготовки. Его деятельность оказала устойчивое влияние на формирование образовательной практики в порубежном Дальневосточном регионе, где вопросы межкультурного взаимодействия стояли особенно остро.

Вскоре после создания школы на ее базе была сформирована особая комиссия, которая проверила работу всех китайских отделений средних и высших учебных заведений Владивостока. По результатам работы комиссии Народным комиссариатом РСФСР по просвещению было принято решение об укрупнении Ленинской школы. В Ленинскую школу перешли все студенты и преподаватели китайских отделений Интерпединститута и Интерпедрабфака, школе также было передано занимаемое студентами общежитие⁹. Таким образом, с октября 1933 г. произошла серьезная реорганизация школы. Ли Ипин ушел с поста директора на преподавательскую работу.

Следующим руководителем школы стал Чжан Сичоу 张锡铸, китаец по происхождению (русское имя — Иван Николаевич Гуйский). Известен также под именем Чэнь Даган 陈大刚. Гуйский был назначен на должность директора в условиях, когда требовалось не только изменение организации учебного процесса, но и внедрение новых образовательных стандартов, соответствующих требованиям социалистической идеологии и задачам межгосударственного сотрудничества.

Чжан Сичоу родился в феврале 1905 г. в области Фучжоу провинции Сычуань. Начальное образование он получил в школе деревни Шасигоу. В 1923 г. он присоединился к патриотическому движению против японской агрессии, из-за чего в начале 1924 г. был отчислен из учебного заведения; он продолжил обучение в учительской семинарии повышенного типа в Чунцине. В этот период он активно изучал и распространял революционные идеи, став одной из заметных фигур студенческого антиимпериалистического и антифеодального движения в Чунцине. В 1926 г. Чжан вступил в ряды КПК. Занимал посты председателя Чунцинского студенческого союза, главы организационного отдела Сычуаньско-Восточного студенческого союза, секретаря учебного комитета Чунцинского комитета комсомола и начальника организационного отдела Чунцинского комитета КПК¹⁰.

В 1927 г. вместе с Жэнь Биши, Ян Шанькунем и Ляо Сухуа, впоследствии ставшими известными китайскими революционерами, по направлению партийной организации Чжан Сичоу был отправлен на учебу в Советский Союз, где был зачислен в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

⁹ Залесская О. В. Основные направления в образовании и обучении китайского населения на советском Дальнем Востоке в 20–30-е годы XX в // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 125.

¹⁰ 张锡铸 = Чжан Сичоу // 百度百科 = Энциклопедия Байду. URL: <http://baike.baidu.com/item/%E5%BC%A0%E9%94%A1%E4%BF%A6/8669778?fr=aladdin> (дата обращения: 20.04.2025).

В январе 1928 г. Чжан перевелся в КУТК. После окончания учебы в июне 1929 г. Исполнительный комитет Коминтерна направил его на работу в Китай, однако из-за событий на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г. поездка не состоялась, и Чжан остался в Дальневосточном крае. Сначала он работал политруком в китайском отряде Осовиахима в Хабаровске, а в конце 1929 г. был командирован в китайскую совпартшколу во Владивостоке. С января 1930 г. по февраль 1933 г. он занимал должность заведующего учебной частью и преподавателя в этой школе. В 1931 г. стал членом ВКП (б)¹¹.

В мае следующего года Чжан Сичоу женился на русской девушке Любови Дмитриевне Позднеевой, уроженке Ленинграда, которая также работала в школе и впоследствии стала известным востоковедом и заведующей кафедрой китайской филологии Института восточных языков МГУ. У них родились три дочери¹².

С февраля по октябрь 1933 г. Чжан возглавлял китайское отделение Интерпединститута, а с 1 октября 1933 г. был назначен директором Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы¹³. Одним из ключевых аспектов ее деятельности стала разработка и внедрение учебных программ, учитывающих специфику подготовки китайских трудящихся. Организация учебного процесса предполагала разделение на три ступени: подготовительное отделение, среднюю и высшую ступени. Каждая из них имела свою специфику и задачи¹⁴.

Подготовительное отделение было рассчитано на одногодичное обучение китайских рабочих с базовым уровнем образования, направленное на формирование базовых знаний о русском языке, арифметике и элементарных принципах социалистической идеологии. Особое внимание уделялось общеобразовательной подготовке, что позволяло обеспечить поступление учащихся с различным уровнем исходной подготовки на последующие уровни обучения. На среднюю ступень приходилось обучение продолжительностью два года (для отделения партийного просвещения) и три года (для отделения педрабфака); акцент делался на партийно-политической и просветительской работе и подготовке кадров для местных органов самоуправления. Высшая ступень, рассчитанная на двухлетнее обучение с разделением на два отделения — для партийных, советских и профессиональных работников и педагогическое, — являлась заключительным этапом подготовки квалифицированных специалистов.

Каждая ступень предусматривала систематизированное освоение дисциплин, таких как ленинизм, политэкономия, история партии, история Коминтерна, экономика Китая, педагогика, естествознание, математика, а также языковых дисциплин — китайского и русского литературных языков. Преподавание велось как с использованием традиционной иероглифической письменности, так и с применением нового латинизированного алфавита, что позволяло

¹¹ 张锡铸 = Чжан Сичоу // 百度百科 = Энциклопедия Байду. URL: <http://baike.baidu.com/item/%E5%BC%A0%E9%94%A1%E4%BF%A6/8669778?fr=aladdin> (дата обращения: 20.04.2025).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

выпускникам сохранять языковую гибкость и соответствовать требованиям современного на тот момент образовательного процесса¹⁵.

В целом методологическая база, разработанная руководством школы, предусматривала активное использование междисциплинарного подхода. В системе обучения сочетались теоретическая подготовка и практические занятия. Такой подход способствовал не только усвоению учебного материала, но и развитию навыков коммуникации, что являлось важным элементом в системе подготовки специалистов для работы в условиях приграничного взаимодействия.

Организационные решения, принятые на заседаниях секретариата Далькрайкома ВКП (б), а также тщательная подготовка учебного процесса свидетельствуют о том, что руководство школы стремилось минимизировать разрыв между теорией и практикой. Постоянно велась работа по оптимизации расписания занятий, улучшению материально-технической базы и созданию комфортных условий для студентов. Несмотря на объективные трудности — нехватку квалифицированных преподавателей, дефицит учебников, проблемы медицинского обслуживания, — учебное заведение продолжало развиваться. В 1933/1934 уч. г. в школе числилось 233 студента, в 1935/1936 уч. г. — 281 чел.¹⁶.

К концу 1934 г. в соответствии с рекомендациями Наркомпроса учебный план школы был пересмотрен и доработан. На подготовительном курсе основное количество учебных часов было выделено на изучение родного языка, а также значительное внимание уделялось русскому языку и арифметике. В программу подготовки были включены занятия по физкультуре и военному делу. На партийно-советском отделении приоритет отдавался социально-экономическим дисциплинам: истории СССР, истории ВКП (б), истории Коминтерна, политической экономии и другим предметам. Для политпросветотделения, наряду с социально-экономическими дисциплинами, химией, физикой и естествознанием, 160 часов было отведено на курс по культурно-просветительской работе. В учебном плане педагогического отделения наибольшее количество часов было отдано для изучения русского языка и математики (668 и 674 часа соответственно)¹⁷.

Чжан Сичоу уделял большое внимание предварительной подготовке будущих студентов и организации заочного обучения. В 1935 г. он добился от руководителей крупных предприятий, на которых работали китайцы (Дальзавод, порт, железная дорога), создания и содержания на базе предприятий пунктов заочного обучения китайских рабочих без отрыва от производства. Это было серьезным шагом в деле развертывания просвещения среди китайских мигрантов Владивостока¹⁸.

¹⁵ Залесская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). С. 179–180.

¹⁶ ГАПК. Ф. П-1190. Оп. 1. Д. 6. Л. 11; Д. 11. Л. 11–12.

¹⁷ Там же. Д. 8. Л. 4–5.

¹⁸ Анча Д. А., Мизь Н. Г. Указ. соч. С. 282.

Необходимо отметить, что на всем протяжении своего существования Ленинская школа испытывала постоянную нехватку учебников и учебных пособий на китайском языке. Чжан Сичоу приложил немало усилий для организации перевода новейших учебников, пособий и материалов силами преподавателей на китайский язык. Это была огромная работа, проводившаяся преподавателями и сотрудниками школы помимо учебных занятий. Чжан Сичоу добился дополнительной оплаты преподавателям школы этих переводов, а также получил разрешение на вывоз из Благовещенска литографической машины и организацию печатания переведенных пособий непосредственно в школе. К новому 1934/1935 уч. г. в школе появилась собственная типография, и по учебной литературе школа практически полностью перешла на самообеспечение, так как переводы учебников школы из-за их повышенной сложности не включались в планы государственных издательств¹⁹.

Несмотря на объективные сложности, школа продолжала готовить кадры для военных и других политических органов Дальневосточного края. Потребность в выпускниках школы была огромна. При острой нехватке квалифицированных китайских кадров — партийных и профсоюзных инструкторов для работы в колхозах, на промышленных предприятиях и стройках, в городских и краевых комитетах — выпускники Ленинской школы были нарасхват. После завершения обучения они распределялись Далькрайкомом ВКП (б) на должности инструкторов в различных организациях края и колхозах, в областные и районные исполнительные комитеты, в клубы, редакции китайских газет, китайские школы и т. д. Так, например, в 1937 г. по постановлению бюро Далькрайкома ВКП (б) выпускники-китайцы китайской Ленинской школы были распределены следующим образом:

- ✓ в штаб Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) — 5 чел. (Хан-Пей-Пинь²⁰, Ва-Ча-Сюань, Ма-Шан-Шин, Цао-Сю-Фен, Тан-Чан-Сан);

- ✓ в китайские начальные школы и неполные средние школы: Пи-Кю-И (Владивосток), Чжан-Мин-Сан (Владивосток), Чжао-Цзы-Мин (начальная школа Хабаровска), Тянь-Сун-Пин (начальная школа Благовещенска), Сунн-Ко-Би (начальная школа Благовещенска), Хан-Фу-Жуй (начальная школа г. Ворошилов), Фу-Жан-Жу (китайка, начальная школа Хабаровска), Чжан-Му-Хан (китайка, преподавала разговорный язык в ДВГУ);

- ✓ инструкторами облоно по обучению взрослых: Цао-Хун-Чан (Уссурийский облоно), У-Я-Мо (Хабаровский облоно);

- ✓ заместителями заведующих китайских клубов по массовой работе Ко-Вун-Шин (Владивосток), У-Че-Мун (г. Ворошилов), Сюй-Це-Сян (Благовещенск), Тянь-Фу (клуб колхоза «Кантон-коммуна», Хабаровск)²¹.

¹⁹ Анча Д. А., Мизь Н. Г. Указ. соч. С. 275–276.

²⁰ Здесь и далее в написании китайских имен сохранена орфография источника.

²¹ ГАПК. Ф. П-1190. Оп. 1. Д. 11. Л. 50–51.

Часть выпускников передавалась в распоряжение штаба ОКДВА и в различные ведомственные спецотделы.

Наиболее успешные выпускники школы направлялись работать китайскими инструкторами в городские и районные комитеты партии, а также в городские и районные советы, поскольку в этих структурах постоянно ощущалась нехватка квалифицированных специалистов по работе с китайским населением. По состоянию на 1934 г. китайские партийные инструкторы имелись лишь в крайкоме ВКП (б) и горкомах Владивостока, Хабаровска и Благовещенска — всего четыре человека. Кроме того, по одному китайскому инструктору работало в крайисполкоме, Амурском и Приморском облисполкомах, а также во Владивостокском горсовете. В остальных городских советах и районных исполнительных комитетах такие специалисты отсутствовали. В школу регулярно поступали запросы на подготовку китайских инструкторов для других регионов СССР, однако в период с 1930 по 1934 г. только трое выпускников были направлены за пределы Дальневосточного края — на Донбасс, в Якутскую АССР и Иркутск²².

Важную управленческую роль в системе Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы сыграл заместитель директора по учебной части Михаил Иванович Грудинин. Родившийся 21 сентября 1901 г. в селе Ивановском (ныне с. Ивановка) Ивановского района Амурской области, в 1917 г. он поступил в учительскую семинарию в Благовещенске. В 1920 г. вступил в коммунистическую фракцию Амурского союза молодежи. В период 1920–1922 гг. он проходил обучение на педагогических курсах, а в 1924 г. работал заведующим рабочего клуба в Благовещенске. С 1925 по 1927 г. занимал различные должности в партийных структурах: технического секретаря Амурского губкома, штатного пропагандиста Благовещенского обкома ВКП (б), инструктора агитационно-пропагандистского отдела (АПО) горкома, заместителя заведующего АПО горкома, а также заместителя руководителя вечерней совпартшколы. В 1925 г. Грудинин был принят в ВКП (б)²³.

По рекомендации Амурского областного комитета ВКП (б) Михаил Иванович был направлен на обучение в Московский институт востоковедения имени Н. Н. Нариманова, где в 1928–1932 гг. проходил подготовку на китайском отделении. Окончив институт, Грудинин был направлен в распоряжение Далькрайкома ВКП (б) в Хабаровск, где с сентября 1932 г. занимал должность заведующего китайским отделением Далькомвуза. В марте 1933 г. он был переведен во Владивосток и назначен заместителем директора по учебной части Дальневосточной китайской ленинской школы, в которой проработал до ее закрытия в 1938 г. Наряду с административной работой Грудинин в октябре 1933 – августе 1939 г. преподавал русский язык на китайском отделении

²² ГАПК. Ф. П-1190. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–10.

²³ Мережко А. Пером и словом // Тихоокеанская звезда. 2008. 24 июня.

школы, а также китайский язык и литературу Китая в Дальневосточном государственном университете²⁴.

Назначение М. И. Грудинина на должность заместителя по учебной части имело важное значение для организации образовательного процесса. Он обеспечивал координацию работы преподавателей, осуществлял контроль за соблюдением учебных планов и методических рекомендаций, а также активно участвовал в разработке программ обучения. Особое внимание в его деятельности уделялось вопросам межкультурного взаимодействия: он организовывал работу по интеграции китайской и русской методик преподавания, что способствовало формированию единой образовательной платформы. Работа Грудинина стала одним из факторов, обеспечивших высокую востребованность выпускников школы в системе партийно-организационной работы Дальневосточного края.

Однако от его работы зависело не только качество преподаваемых дисциплин, но и успешность функционирования школы как базы подготовки разведывательных агентов для работы в оккупированных японцами провинциях Китая и на территории марионеточного государства Маньчжоу-Го. Агентами являлись не все учащиеся школы, а только их некоторая часть: в большинстве своем это были бывшие разведчики, готовые к повторной переброске. На каждом из курсов школы формировалась спецгруппа из 5–10 человек, которая, помимо утвержденной программы, получала также и спецподготовку по физкультуре, конспирации, использованию радиации и т. п. Работа с данными курсантами напрямую курировалась иностранным и контрразведывательным отделами Приморского областного управления НКВД²⁵, поэтому еще 8 августа 1933 г. Грудинин получил допуск к секретной переписке от 9-го отделения Управления госбезопасности Приморского областного управления НКВД²⁶. Это, конечно, было связано и с общим курированием им всего контингента школы, студентов и преподавателей, в сложных, нестабильных условиях складывавшейся международной обстановки на Дальнем Востоке.

Наращивание японских военных сил в Маньчжурии вынудило советское руководство принять решение о выселении иностранцев с приграничных советских дальневосточных территорий. Согласно постановлениям Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1938 г. и 10 июня 1938 г. все китайцы должны были быть переселены с Дальнего Востока в Сибирь, Казахстан и районы Западной Сибири²⁷. Преподаватели и студенты Дальневосточной ленинской школы подверглись репрессиям; деятельность школы была прекращена.

После закрытия школы ее директор Чжан Сичоу (Гуйский) в сентябре 1939 г. был переведен в Москву, где работал редактором и переводчиком

²⁴ Мережко А. Указ. соч.

²⁵ Анча Д. А., Мизь Н. Г. Указ. соч. С. 285–287.

²⁶ ГАПК. Ф. П-1190. Оп. 1. Д. 14. Л. 79.

²⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 498, 539–540.

в издательстве иностранных языков Коммунистического Интернационала. В феврале 1948 г. Чжан Сичоу, прожив в СССР более двадцати лет, получил разрешение на возвращение в Китай и в августе того же года прибыл в Харбин. Его семья осталась в Советском Союзе. В Китае он был назначен первым заместителем директора Харбинского колледжа иностранных языков и руководителем Северо-Восточного финансово-экономического комитета Шэньянского отделения КВЖД. В этот период он был и переводчиком в составе женских делегаций и делегаций Всекитайской федерации профсоюзов в Советскую Россию, а также ездил в Восточную Европу для участия в международных конференциях. В ноябре 1949 г. Гуйский был назначен заместителем директора Бюро русских переводов ЦК КПК и директором Пекинской школы русского языка, созданной на базе русского отряда 3-го филиала Яньаньского антияпонского военно-политического университета (основан в 1941 г.). Его обязанности включали переводы для руководства партии и государства, координацию вопросов, связанных с отношениями с Советским Союзом, и помощь соответствующим департаментам Госсовета в управлении работой экспертов.

В июне 1954 г. Чжан Сичоу вновь посетил Советский Союз с инспекцией по вопросам положения китайских студентов, а также с намерением повидать свою семью. Это посещение обострило семейную драму: вторая дочь, Светлана, тяжело переживая разлуку с отцом, совершила первую неудачную попытку самоубийства, а в августе 1954 г., узнав о его скором отъезде, покончила с собой, бросившись под поезд. После похорон дочери Чжан Сичоу вернулся в Китай. Его жена, профессор МГУ Любовь Позднеева, и другие члены семьи приезжали в Китай до начала культурной революции, но воссоединение семьи так и не состоялось.

В 1955 г. Пекинская школа русского языка была преобразована в Пекинский институт русского языка, а в 1959 г. вошла в состав Пекинского института иностранных языков (с 1994 г. — Пекинский университет иностранных языков). Чжан Сичоу был назначен деканом и секретарем партийного комитета института. В течение десяти лет он занимался подготовкой кадров в области иностранных языков для нужд нового Китая. В период культурной революции подвергся репрессиям, провел восемь лет в заключении. В 1980 г. был полностью оправдан и переведен обратно в Пекин в качестве консультанта Института иностранных языков. Он скончался в Пекине 5 мая 1989 г. в возрасте 84 лет²⁸.

Что касается Михаила Ивановича Грудинина, то после закрытия китайской Ленинской школы его судьба была тесно связана с Китаем и с китайским языком. В условиях возросшего военно-политического напряжения на Дальнем Востоке после инцидентов у озера Хасан и на реке Халхин-Гол в Главном политическом управлении Красной армии был сформирован 7-й отдел, ответственный

²⁸ 北京外国语大学的学校领导 = Руководители школ Пекинского университета иностранных языков // 百度百科 = Энциклопедия Байду. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/137836314674796685.html> (дата обращения: 21.04.2025).

за специальную пропаганду. В 1939 г. в структуре политотдела 1-й Отдельной Краснознаменной армии было создано отделение спецпропаганды, куда Грудинин был назначен на должность ответственного редактора газеты на китайском языке. В августе 1939 г. он прибыл в г. Ворошилов (ныне Уссурийск) и приступил к исполнению обязанностей спецпропагандиста. В 1945 г. с началом боевых действий против Японии Грудинин был назначен ответственным редактором газеты на китайском языке политуправления 1-го Дальневосточного фронта. В сентябре 1947 г. он стал начальником отделения спецпропаганды политотдела 25-й армии. В октябре 1948 г. Михаил Иванович был переведен в Порт-Артур, где стал редактором газеты «Шухубао» («Голос правды»), издаваемой редакцией спецпропаганды политотдела 39-й армии. В ноябре 1951 г. он был переведен в Хабаровск в политуправление войск Дальнего Востока, а через два года, в октябре 1953 г., по ходатайству Министерства культуры СССР, был уволен из армии и назначен главным редактором иновещания на страны Дальнего Востока и США.

В 1958 г. в Хабаровске было создано агентство «Интурист», и Грудинин стал его первым управляющим. На этой должности он проработал до 1963 г. Михаил Иванович Грудинин скончался 15 февраля 1964 г. и был похоронен в Хабаровске²⁹.

Заключение. Создание Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы стало инновационным шагом в системе подготовки кадров для культурно-просветительной и партийно-организационной работы среди китайских трудящихся на советском Дальнем Востоке. Организационные решения, принятые на основе анализа текущей ситуации и специфики приграничного региона, дали возможность адаптировать образовательный процесс к потребностям интеграции мигрантов.

Личностные и профессиональные качества двух ключевых руководителей — Ли Ипина и Чжан Сичоу — сыграли решающую роль в формировании методологической базы школы. Их опыт и преданность своему делу позволили создать систему подготовки специалистов, учитывающую как идеологические, так и практические аспекты социалистического строительства.

Роль заместителя по учебной части Михаила Ивановича Грудинина стала стратегически важной для координации работы учебного заведения. Его деятельность, направленная на интеграцию методик преподавания и решение насущных задач школы, способствовала успешному управлению образовательным процессом в условиях приграничного региона.

Межэтническое сотрудничество, реализованное через синтез управленческих стратегий китайских и русских специалистов, оказало влияние на дальнейшее развитие системы подготовки кадров. Несмотря на объективные трудности — дефицит материально-технических ресурсов, проблемы медицинского обслуживания и различие уровней образования поступающих, — система,

²⁹ Мережко А. Указ. соч.

созданная руководством школы, оказалась жизнеспособной; она была разрушена только репрессивными методами. Выпускники школы стали востребованными во всей системе партийно-просветительской работы Дальневосточного края.

Анализ деятельности двух китайских руководителей и русского заместителя по учебной части Дальневосточной краевой высшей китайской ленинской школы позволяет сделать вывод, что разработанный и реализованный комплекс образовательных, организационных и методологических решений способствовал формированию уникальной системы подготовки кадров в условиях приграничья. Школа стала важным звеном в системе социалистического строительства. Из среды китайского населения готовились кадры инструкторов, организаторов, партработников. Предоставление возможностей для обучения стало одним из путей получения китайскими мигрантами ранее недоступного им высшего образования. В процессе обучения в школе в сознании китайских мигрантов был сформирован образ России, что по возвращении китайских подданных на родину оказывало влияние на дальнейшее восприятие ими происходивших в России социально-политических и экономических процессов. Полученный китайскими мигрантами опыт революционной, политико-преобразовательной и идеологической деятельности был применен ими после возвращения на родину в Китай.

Литература

1. Анча Д. А., Мизь Н. Г. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. 2-е изд., доп. Владивосток: Дальнаука, 2015. 312 с.
2. Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. 380 с.
3. Залеская О. В. Основные направления в образовании и обучении китайского населения на советском Дальнем Востоке в 20–30-е годы XX в. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 5. С. 116–129.
4. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. 1927–1938 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов и др. М.: МФД, 2004. 736 с.
5. Панин Е. В. Из истории создания и деятельности университета для китайских трудящихся в Москве (1925–1930 годы) // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. № 2-2. С. 72–79. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2011-11-2-2-72-79>
6. Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. 456 с.
7. Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 320 с.

References

1. Ancha D. A., Miz N. G. Kitaiskaia diaspora vo Vladivostoke: stranitsy istorii [Chinese diaspora in Vladivostok: Pages of history]. 2nd ed., expanded. Vladivostok: Dal'nauka, 2015. 312 p. (In Russ.).

2. Zalesskaya O. V. Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.) [Chinese migrants in the Russian Far East (1917–1938)]. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 380 p. (In Russ.).
3. Zalesskaya O. V. Osnovnye napravleniia v obrazovanii i obuchenii kitaiskogo naseleniia na sovetskom Dal'nem Vostoke v 20–30-e gody XX v. [Main directions in the education and training of the Chinese population in the Soviet Far East in the 20–30s of the XX century] // Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. 2007. № 5. P. 116–129. (In Russ.).
4. Lubiianka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina: Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1927–1938 [Stalin and the Main department of state security of the NKVD. Stalin's archive: Documents of the highest organs of party and state power. 1927–1938] / edited by acad. A. N. Yakovlev; compiled by V. N. Haustov et al. Moscow: MFD, 2004. 736 p. (In Russ.).
5. Panin E. V. Iz istorii sozdaniia i deiatel'nosti universiteta dlia kitaiskikh trudiashchikhsia v Moskve (1925–1930 gody) [From the history of the creation and operation of the University for Chinese workers in Moscow (1925–1930)] // Izvestiya of Saratov State University. History. International Relations. 2011. № 2-2. P. 72–79. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2011-11-2-2-72-79> (In Russ.).
6. Pantsov A. V. Tainaia istoriia sovetsko-kitaiskikh otnoshenii. Bol'sheviki i kitaiskaia revoliutsiia (1919–1927) [The secret history of Soviet-Chinese relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. Moscow: Muravei-Gaid, 2001. 456 p. (In Russ.).
7. Sheng Yue. Universitet imeni Sun' Iatsena v Moskve i kitaiskaia revoliutsiia. Vospominaniia [Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution. Memoirs.]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2009. 320 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94-327

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-155-167

Култыгин Иван Николаевич

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

kultyginin822@mgpu.ru; ORCID: 0009-0007-6661-0003

АМЕРИКАНСКИЕ МИССИОНЕРЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ КАК ФАКТОР АМЕРИКАНО-ОСМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX в.

Аннотация. В статье на основании источников и соответствующих аналитических материалов рассматривается деятельность американских миссионеров на Ближнем Востоке в контексте американо-османских отношений в XIX в. Цель статьи — ответить на вопрос, были ли миссионеры в большей степени раздражающим элементом, мешавшим США вести свою политику с Османской империей, или являлись полезным активом, позволявшим укреплять позиции Соединенных Штатов в регионе? В ходе исследования было установлено, что главной целью американо-османских отношений была стабильная и растущая торговля. Вместе с тем на фоне внутренних культурных и религиозных процессов другой целью США была поддержка американских протестантских миссионеров. Работа протестантских миссионеров, сосредоточившихся в итоге на образовательной и публикационной деятельности, вызывала постоянные противоречия в американо-османских отношениях, что, впрочем, не разрушало их ввиду обоюдной нужды друг в друге как в экономической, так и в культурной, а также политической сферах. В то же время миссионеры выступали агентами мягкой силы США, создавая сеть лояльности, состоящую из представителей местной интеллигенции, что позднее предоставило Соединенным Штатам возможность проникнуть на Ближний Восток наравне с великими державами Старого Света.

Ключевые слова: США, история международных отношений, миссионеры, Ближний Восток, Османская империя, американо-османские отношения, протестантская дипломатия, мягкая сила.

© Култыгин И. Н., 2025

Для цитирования: Култыгин И. Н. Американские миссионеры на Ближнем Востоке как фактор американо-османских отношений в XIX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 155–167. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-155-167>

Original article

UDC 94-327

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-155-167

Kultygin Ivan N.

Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

kultyginin822@mgpu.ru; ORCID: 0009-0007-6661-0003

**AMERICAN MISSIONARIES
IN THE MIDDLE EAST AS A FACTOR
IN AMERICAN-OTTOMAN RELATIONS IN THE 19th CENTURY**

Abstract. The article examines the activities of American missionaries in the Middle East in the context of American-Ottoman relations in the 19th century based on sources and relevant analytical materials. The purpose of the article is to try to answer the question: were the missionaries more of an irritant that hindered the United States in its policy towards the Ottoman Empire, or were they a useful asset that allowed strengthening the position of the United States in the region? The study found that the main goal of American-Ottoman relations was stable and growing trade. At the same time, against the background of internal cultural and religious processes, another goal of the United States was to support American Protestant missionaries. The work of Protestant missionaries, which eventually focused on educational and publishing activities, caused constant contradictions in American-Ottoman relations, which, however, did not destroy American-Ottoman relations due to the mutual need for each other, both in the economic, cultural and political spheres. At the same time, missionaries acted as agents of US “soft power”, creating a “loyalty network” consisting of local intelligentsia, which later provided the United States with the opportunity to penetrate the Middle East on par with the Great Powers of the Old World.

Keywords: USA, history of international relations, missionaries, Middle East, Ottoman Empire, American-Ottoman relations, protestant diplomacy, soft power.

For citation: Kultygin I. N. American Missionaries in the Middle East as a factor in American-Ottoman relations in the 19th century // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 155–167. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-155-167>

Введение. В XIX в. Соединенные Штаты установили формальные и неформальные отношения с Османской империей, включавшей в себя весь современный Ближний Восток. В рамках этих отношений американцы открыли активную торговлю с Османской империей и вступили

в конкуренцию с гигантами Старого Света, пользуясь не только широко известной сегодня политикой открытых дверей, но и активно расширяя свое культурное влияние посредством масштабной сети миссионерских организаций. С одной стороны, это влияние, особенно в немусульманской среде, позволяло укреплять торговые связи, как это было, например, в случае с армянской или греческой диаспорами. С другой стороны, миссионерская активность зачастую вызывала негативную реакцию местного мусульманского населения и Высокой Порты. При этом американо-османские отношения, в том числе и роль миссионеров в них, в отечественной историографии вплоть до настоящего времени остаются малоисследованной проблемой, хотя, как это будет показано далее, они заслуживают внимания в качестве одного из первых случаев применения Соединенными Штатами культурной дипломатии.

В отечественной историографии внешняя политика США на Ближнем Востоке традиционно широко освещается после окончания Первой мировой войны. Действиям же Америки в регионе до этого периода уделяется редкое внимание и чаще всего в контексте международных отношений Османской империи с европейскими странами. Характерным примером такого рассмотрения американо-османских отношений является классическая монография В. И. Шеремета¹. В иных работах американо-османские отношения в XIX в. затрагиваются лишь в контексте общей истории отношений США и Турции, занимая в ней весьма скромное место². На первый взгляд это кажется справедливым, поскольку деятельность США на Ближнем Востоке сложно сравнить по масштабам с такой же деятельностью Франции или Великобритании. Впрочем, несмотря на это, именно в XIX в. США заложили основу для своей будущей политики в этом регионе, что отмечается в работах зарубежных исследователей³.

Деятельность американских миссионеров в Османской империи, в том числе в контексте внешней политики США, нечасто становилась предметом отечественных исследователей⁴. За рубежом эта тема исследована значительно глубже. Можно выделить труды зарубежных авторов, которые рассматривают работу американских миссионеров в контексте американо-османских отношений⁵. Современные исследования, которые обращают внимание на более тонкие

¹ Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века. М., 1986.

² Гучанин М. П. Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества М., 2002.; Смольняк И. В. Основные этапы американо-турецких отношений до начала Второй мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1 (1). С. 81–89.

³ Bryson T. A. American diplomatic relations with the Middle East, 1784–1975: A survey. Metuchen, N. J., 1977; US foreign policy in the Middle East from American missionaries to the Islamic state / ed. by G. F. Gresh, T. Keskin. 1st ed. London, 2018; American-Turkish encounters: Politics and culture, 1830–1989 / ed. by N. B. Criss et. al. Cambridge, 2011.

⁴ Зими́на Н. Г. Американские миссионеры в Османской империи (XIX – начала XX века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9. № 2. С. 47–51.

⁵ Grabill J. L. Protestant diplomacy and the Near East: Missionary influence on American policy, 1810–1927. Minneapolis, 1971.

процессы и взаимодействия, например реакцию правительства Османской империи на миссионерскую деятельность⁶ или реакцию местного населения от мусульман до христиан на протестантский прозелитизм⁷. В некоторых работах анализируется образ Османской империи и Ближнего Востока, создаваемый американскими миссионерами, и его роль в формировании специфического отношения к региону⁸.

Однако зарубежные исследователи, рассматривая роль протестантских миссионеров во внешней политике США, практически не предпринимают попыток оценить миссионерский фактор в американо-османских отношениях, встроить его в более широкий контекст внешней политики США на Ближнем Востоке в последующий период. Это кажется серьезным упущением, поскольку ясно, что американские миссионеры являлись агентами так называемой мягкой силы США уже в тот период. Таким образом, научная новизна настоящей работы заключается в попытке рассмотреть вопрос деятельности американских миссионеров в Османской империи в контексте американо-османских отношений именно с этой точки зрения.

Цель данной статьи — проанализировать роль американских миссионеров в американо-османских отношениях и ответить на вопрос, были ли миссионеры в большей степени раздражающим элементом, мешавшим США вести свою политику с Османской империей, или являлись полезным активом, позволявшим укреплять позиции Соединенных Штатов в регионе.

В качестве источников для данной работы выступили американо-османские международные договоры⁹, воспоминания некоторых миссионеров, например Вильяма Гуделла¹⁰, а также отчеты Американского совета уполномоченных по делам иностранных миссий¹¹.

Ход и результаты исследования. Неформальное начало американо-османских отношений было положено не дипломатами, а предпринимателями.

⁶ *Cagri E.* Ottoman official attitudes towards American missionaries // *Milletleraras.* Ankara, 2000. Vol. XXX. P. 191–212.

⁷ *Yetkiner C.* After merchants, before ambassadors: Protestant missionaries and early American experience in the Ottoman Empire, 1820–1860 // *American-Turkish encounters: Politics and culture, 1830–1989* / ed. by N. B. Criss et al. Cambridge, 2011. P. 8–34.

⁸ *Madi-Sisman O., Sisman C.* From “heathen Turks” to “cruel Turks”: Religious and political roots of the changing American perception towards the Middle East // *US foreign policy in the Middle East from American missionaries to the Islamic state* / ed. by G. F. Gresh, T. Keskin. 1st ed. London, 2018. P. 13–27.

⁹ Treaty of the commerce and navigation. May 7, 1830 // *Treaties and other international agreements of the United States of America: 1776–1949* / compiled under the direction of Ch. I. Bevans. Vol. 10. Washington, D. C., 1972. P. 619–622; Treaty of the commerce and navigation. February 25, 1862 // *Ibid.* P. 628–629.

¹⁰ *Goodell W.* Forty years in the Turkish Empire; or, Memoirs of rev. William Goodell, D. D., late missionary of the A. B. C. F. M. at Constantinople / by his son-in-law, E. D. G. Prime, D. D. New York, 1876.

¹¹ *Bartlett S. C.* Historical sketch of the missions of the American board in Turkey. Boston. 1876.

Судя по всему, еще в 1780-е гг. американские торговцы начали проводить свои операции в порту Смирны. Так, в 1785 г. одна из фирм в Бостоне рекламировала османские финики, поступившие в продажу¹². В дальнейшем, как можно судить по документам, торговля в той или иной степени расширялась, поскольку в 1795 г. Соединенными Штатами был заключен договор «О мире и дружбе» с Алжиром, являвшимся вассалом Османской империи, основной целью которого должно было стать решение проблемы безопасности для американских торговых судов, подвергавшихся грабежу со стороны пиратов Варварского берега (северная часть Африканского континента). В обмен на это США обязывались ежегодно выплачивать дэю¹³ Алжира 12 тыс. долларов¹⁴. Впервые официальное лицо США прибыло в Константинополь в 1800 г.: капитан корабля «Джордж Вашингтон» Вильям Бейнбридж привез в Алжир ежегодную выплату, однако дэй отправил его лично в столицу Османской империи для доставки денег. Там капитан встретился с верховным главнокомандующим турецкого флота. Результатом их общения стала договоренность о том, что США и Османской империи необходимо установить официальные договорные отношения. Однако вплоть до 1830 г. формальные связи между странами так и не были установлены. События Наполеоновских войн, общее противодействие установлению американо-османских отношений со стороны великих держав, в особенности Великобритании, а также проблемы с торговыми пошлинами со стороны Османской империи ставили перед сторонами политические, дипломатические и экономические препоны. Последние стали настоящим камнем преткновения, поскольку Высокая Порта принципиально отказывалась уравнивать пошлины на американские товары с таковыми на английские и французские (на американские товары назначалась пошлина в размере 5 % от стоимости, а на европейские — 3 %). В 1830 г. противоречия были устранены и между США и Османской империей был подписан договор «О коммерции и навигации», который, помимо прочего, предполагал установление официальных дипломатических отношений и обеспечение правового урегулирования конфликтов между гражданами США и подданными великого султана¹⁵. В 1862 г. он был перезаключен и еще сильнее расширил возможности торговли: США стали пользоваться режимом наибольшей благосклонности наравне, например, с Великобританией¹⁶.

Одной из приоритетных целей американской политики в отношении Османской империи в XIX в. было поддержание стабильных и безопасных торговых

¹² *Leland J. G. American relations with Turkey 1830–1930: An economic interpretation. Philadelphia, 1932. P. 41.*

¹³ Дэй — титул наместника Османского султана и Порты. Выбирался из среды янычаров.

¹⁴ *Treaty of the peace and amity. September 5, 1795 // Treaties and other international agreements of the United States of America: 1776–1949 / compiled under the direction of Ch. I. Bevans. Vol. 5. Washington, D. C., 1970. P. 32–36.*

¹⁵ *Treaty of the commerce and navigation. May 7, 1830. P. 619–622.*

¹⁶ *Treaty of the commerce and navigation. February 25, 1862. P. 628–629.*

отношений, масштабы которых заметно выросли за XIX в. с 560 тыс. долларов в 1831 г. до 6 млн долларов в 1899 г.¹⁷ К 1876 г. США заняли четвертое место по общему объему импорта и экспорта с Османской империей, обогнав Россию и лишь на 500 тыс. долларов уступая Франции¹⁸.

Однако, помимо прагматических торговых интересов, США преследовали и идеалистические цели. Процессы Второго великого пробуждения породили массовое миссионерское движение, нацеленное на решение с помощью протестантизма различных социальных проблем (рабства, войны, бедности и т. п.) не только в самих Соединенных Штатах, но и в других регионах, в том числе на Ближнем Востоке¹⁹. Американские миссионеры имели достаточно тесные связи с государственными деятелями США. Так, Вильям Гуделл, сыгравший большую роль в ближневосточной миссии Американского совета уполномоченных по иностранным миссиям (далее — Совет), был другом Дэвида Портера — поверенного в делах США при Великой Порте, а также приятелем Чарльза Райнда — одного из основных участников переговоров между этими странами в 1830 г.

Первые американские миссионеры, члены организации «Американский совет уполномоченных по делам иностранных миссий» — одной из самых знаменитых протестантских миссионерских организаций как в США, так и в мире, — прибыли в Османскую империю в 1820 г. и немедленно приступили к попыткам организации постоянной миссии. Совет предполагал, что главными объектами обращения в «истинное христианство» на Ближнем Востоке должны стать прежде всего евреи, христиане других конфессий (копты, армяне, грузины, греки) и мусульмане²⁰. Вскоре Совет и его миссионеры поняли, что задача по обращению евреев и мусульман в протестантизм практически невыполнима, а их критика традиционных христианских направлений вызывает лишь раздражение и противодействие. Например, патриарх маронитов запретил своей пастве читать брошюры, распространяемые американскими миссионерами²¹. Судя по всему, примерно в 1825–1830 гг. стратегия американских миссионеров перешла от прямого прозелитизма к привитию американских протестантских ценностей через образование, прессу и издательскую деятельность, в особенности это касалось немусульманского городского населения. Именно в указанный период в Османской империи, в Константинополе (с 1830 г. — Стамбул) начинают появляться первые американские школы, привлекавшие в основном армян, позже появляются и издательства.

Не без затруднений американские протестанты все же увеличивали свое влияние на христианское население (главным образом армянское) Османской империи. Это привело к масштабному конфликту с армянской церковью, закончившемуся

¹⁷ *Leland J. G.* Op. cit. P. 46–47.

¹⁸ *Ibid.* P. 52.

¹⁹ *Grabill J. L.* Op. cit. P. 5

²⁰ *Yetkiner C.* Op. cit. P. 14.

²¹ *Ibid.* P. 18.

ее расколом. Появление в 1846 г. в Константинополе Армянской евангелистской церкви привело к признанию в 1847 г. Великой Портой протестантов в качестве отдельной независимой конфессии.

Периодом большой активности протестантских миссий стали 1840-е гг. К 1850 г. они распространили свое влияние во многих уголках Малой Азии, на территориях современных Ливана и Сирии. Там открывались американские миссионерские школы. Так, в Стамбуле в 1863 г. открылся знаменитый Роберт-колледж (Robert College) — старейшая американская образовательная организация за пределами США. Во второй половине XIX в. сеть протестантских образовательных учреждений распространилась по всей Османской империи, в особенности на территориях современной Турции, Ливана и Сирии. Расширялись старые и появлялись новые издательства, переводились все большие объемы литературы. Многие миссионеры параллельно являлись и исследователями. Их работы создавали определенный образ Ближнего Востока, влиявший на американцев и небольшую прослойку читателей в самой Османской империи. Деятельность миссионеров высоко оценивалась официальными лицами США и Османской империи. Так, поверенный в делах США при Высокой Порте Дэвид Портер отмечал, что миссионеры выгодны правительству Соединенных Штатов, так как кроме религиозной деятельности они ведут масштабные исследования и просветительскую работу²². Хагоп Эффенди — гражданский глава протестантского сообщества Османской империи — писал в своем отчете султану о благоприятных социальных последствиях деятельности американских протестантов. По его словам, 85 % протестантского сообщества империи могут читать и писать за счет широкого распространения в их среде начального образования, полученного ими в протестантских школах, что, безусловно, улучшает качество их жизни²³.

Однако находились и иные представители османского общества, которые в той или иной степени отрицательно относились к американским протестантам. Некоторые боролись с ними на местном уровне, другие же обращались к Великой Порте и султану за помощью, что неизбежно приводило к конфликтам уже на государственном уровне в рамках американо-османских отношений.

Любопытно, что практически все противоречия, возникавшие в американо-османских отношениях, так или иначе были связаны с деятельностью миссионеров. Затруднения возникали по всем направлениям их работы: прозелитизму, образованию, печати.

Одной из причин конфликтов, произошедших на ранних этапах развития протестантской миссионерской сети, стала деятельность американских миссионеров на территории современного Ливана, вызвавшая резко негативную реакцию маронитского и православного населения²⁴, что вылилось в погромы,

²² Field J. A. *America and the Mediterranean world, 1776–1882*. Princeton, N. J., 1962. P. 184.

²³ Bartlett S. C. *Op. cit.* P. 25.

²⁴ Grabill J. L. *Op. cit.* P. 8.

направленные в том числе и против американских миссионеров. В 1841 г. один из пасторов маронитской церкви сообщил правителю региона о том, что деятельность миссионеров по обращению местных католиков в протестантизм носит разрушительный характер и раскалывает общину²⁵. Ситуация стремительно ухудшалась, приводила к конфликтам между маронитами, с одной стороны, и друзьями и миссионерами — с другой (американские миссионеры открывали свои станции и школы на друзской части Ливанского хребта, но действовали и на территориях маронитов). Правитель региона проинформировал о ситуации Великую Порту, а она, в свою очередь, направила ноту протеста поверенному в делах США, призывая остановить деятельность миссионеров на Ливанском хребте во избежание локального конфликта общин. Этим поверенным был Дэвид Портер, который, как упоминалось выше, высоко оценивал работу миссионеров. В ответ на ноту Портер сообщил, о том, что он не может повлиять на деятельность протестантов. Проблема вскоре приобрела региональный масштаб и привела к прямому конфликту маронитов и друзов. Погромы, происходившие в рамках этого противостояния, затронули в том числе и миссионеров. На этом фоне Высокая Порта издала указ о запрете деятельности американских миссионеров на Ливанском хребте. На несколько лет миссионеры действительно покинули эту территорию, а официальные лица США никак не прокомментировали указ Порты, отметив только, что не считают деятельность миссионеров причиной столкновений²⁶.

Вторая половина XIX в. стала периодом широкого развития сети образовательных организаций американских миссионеров в Османской империи. По мере их расширения проблемы, связанные с протестантским и либеральным характером образования, получаемого подданными султана, постоянно нарастали²⁷, достигнув своего пика к концу века. Наиболее острой среди них была армянская. Как уже упоминалось, главной аудиторией американских протестантов среди немусульманского населения Османской империи были армяне, образовавшие свою отдельную евангелистскую церковь. В период подъема армянского националистического движения Османское правительство выразило недовольство распространением либерального образования в провинциях, где большинством населения были армяне. Многие армянские ученики и учителя протестантских школ были обвинены в участии в антитурецких выступлениях и арестованы, а их образовательные программы посчитали одним из факторов, повлиявших на распространение армянского национализма²⁸. Ситуация осложнялась еще и тем, что, как считали власти Османской империи, некоторые американские миссионеры поддерживали армян. В этом отношении показателен случай Джорджа Наппа, который, по словам османского

²⁵ Cagri E. Op. cit. P. 196.

²⁶ Ibid. P. 197.

²⁷ Ibid. P. 202.

²⁸ Grabill J. L. Op. cit. P. 47–49.

правительства, призывал своих студентов и их родителей последовать примеру восставших в Эрзуруме в 1890 г. Он должен был предстать перед судом Османской империи, однако, по сути, был спасен американским поверенным в делах США при Высокой Порте, который убедил османское правительство в том, что Напп должен быть судим в США. Разумеется, миссионер в итоге не был осужден²⁹.

В период армянского кризиса разгорелся и конфликт правительств США и Османской империи по вопросу компенсации за поврежденные и разрушенные в ходе подавления восстаний школы. Американские миссионеры через правительство США потребовали от Османской империи возместить 100 тыс. долларов за разрушение Евфратского и Центрального турецкого колледжей, которые, по их словам, были повреждены турецкими солдатами. Османское правительство отклонило данное требование. В результате настойчивости миссионеров вопрос дошел до сената США, который затребовал отчет от президента С. Г. Кливленда, в котором последний подтвердил полученный ущерб. Президентом и сенатом США было принято решение отправить три военных корабля в порты Османской империи в целях защиты миссионеров от дальнейших нападений и оказания давления на Османское правительство, а позднее был направлен и четвертый корабль в бухту Измира. Вследствие оказанного давления Османское правительство в 1901 г. все же возместило США полученный американскими колледжами ущерб³⁰.

Издания американских миссионеров также обостряли противоречия в американо-османских отношениях. Следует отметить, что, хотя большая часть публикаций американских протестантских издательств имела религиозный характер, некоторые из них представляли собой исследовательские труды по социальным, политическим, этнографическим и лингвистическим темам, написанных порой в достаточно критическом по отношению к Османской империи духе. И научные, и религиозные публикации зачастую вызывали раздражение у правительства Османской империи. По всей видимости, именно последние вызывали наибольшее недовольство, в особенности распространение Библии. В 1860-е гг. Высокая Порта, равно как и американские протестанты, обратили внимание на появление случаев обращения мусульман в христианство. Миссионеры немедленно приступили к публикации текста Библии на турецком языке. В ответ на это Порта в 1862 г. усилила цензуру в отношении религиозных книг, которые определялись в качестве религиозной пропаганды. Они подлежали проверке и в случае необходимости конфисковывались. Это вызвало негодование официальных лиц США, однако правительство империи отвечало, что не имеет ничего против публикаций немусульманских религиозных книг

²⁹ Sahim E. Faithful encounters. Authorities and American missionaries in the Ottoman Empire. Montreal, 2018. P. 57–59.

³⁰ Cagri E. Op. cit. P. 206–207.

и работ, однако оно не может позволить им бесконтрольно распространяться³¹. В дальнейшем требования цензуры лишь ужесточались. Под ее надзор попала вся иностранная литература, которая привозилась или издавалась в Османской империи. Вводились также новые условия публикаций. Так, например, каждый экземпляр Библии должен был иметь идентификатор на первой странице, где четко указывался характер книги (религиозная) и для кого она опубликована (христианин-протестант, католик, православный). Это привело к возмущению американских официальных лиц в Стамбуле, однако Порты была непреклонна в силу принципиальности вопроса, касающегося обращения мусульман в христиан³². В итоге это привело к тому, что официальные публикации Библии в Османской империи прекратились. Впрочем, это не мешало американским миссионерам издавать ее неофициально, что также становилось предметом споров между США и Османской империей.

Схожая ситуация возникала и с нерелигиозными публикациями миссионеров: так, под цензуру попадали любые тексты, критически изображавшие ислам или политическую систему Османской империи. Под это широкое определение подходило большинство миссионерских изданий. Например, одна из статей газеты «Вашингтон пост», цитировавшая критический миссионерский материал о политике Османской империи по отношению к христианам, была не допущена цензорами к распространению и была вырезана из газетного выпуска³³. Запрещенные материалы часто обнаруживались в миссионерских школах при проверках, как в случае со школой в Антепе в 1888 г.³⁴

Важно отметить, что все обозначенные выше проблемы были связаны между собой. Случаи обнаружения в протестантских школах и университетах запрещенной литературы логически увязывались с уже упомянутой поддержкой армянского населения в период восстаний в последнем десятилетии XIX в. со стороны американских миссионеров. В данном случае западный тип образовательных программ не мог не подпитывать определенные националистические и освободительные идеи. В том или ином виде деятельность американских миссионеров, наряду с миссионерами других стран, действительно подтачивала Османскую империю изнутри. Однако, как мы видим, это не приводило к полному запрету миссионерской деятельности и разрыву отношений с США. Обычно все заканчивалось нотами протеста или на проблему просто закрывали глаза.

Заключение. Американо-османские отношения, официально начавшиеся в 1830 г., трудно сравнивать по масштабам с отношениями Порты с ведущими европейскими державами — Великобританией, Францией и Россией. Однако

³¹ *Cagri E.* Op. cit. P. 209.

³² *Ibid.* P. 210.

³³ *Sahim E.* Op. cit. P. 100–101.

³⁴ *Ibid.* P. 104.

на протяжении XIX в. наблюдается их стабильный рост, особенно в направлении главного интереса двух стран — торговли. Вместе с тем в связи с внутренними религиозно-культурными и идеологическими процессами в США еще одной заботой американского правительства стала посильная защита и поддержка протестантских миссионеров, проникших на территорию Османской империи даже раньше установления формальных отношений между двумя странами.

Деятельность миссионеров, сводящаяся к трем основным направлениям: прозелитизму, распространению западной модели образования и издательской деятельности — и преследующая распространение все тех же западных ценностей, вызывала постоянные противоречия между Османским правительством, с одной стороны, и миссионерами, поддерживаемыми правительством США — с другой. Ноты протеста в отношении миссионерской деятельности американцев, обвинения в поддержке националистических антиосманских движений и инспирировании различных межконфессиональных конфликтов — все это не привело не только к разрыву отношений между США и Османской империей, но и даже к более-менее масштабному конфликту между ними. Обе стороны, несмотря на противоречия, пытались сохранить и приумножить то небольшое, что создавало условия для их взаимодействия. Вероятно, причиной этому стали обстоятельства эпохи: Османской империи нужны были американские протестанты, например в контексте образовательных реформ Танзимата. А на международной арене Османской империи нужен был если не союзник, то «добрый знакомый», который пусть и не имел широкой возможности помочь, (однако все же помогал, торгуя), но также не имел возможности и навредить, в отличие от гигантов Старого Света.

В то же время, несмотря на проблемы, доставляемые деятельностью американских миссионеров своему правительству, их работа скорее была полезна США. Верно, что Соединенным Штатам часто приходилось лавировать, чтобы, с одной стороны, защитить своих миссионеров, а с другой — не навредить отношениям с османской империей. Взамен США получили значительную прослойку Османского общества, лояльную к их стране, что впоследствии позволило им проникнуть на Ближний Восток наравне с другими мировыми державами. Еще одним результатом деятельности американских миссионеров стало желание многих представителей армянской интеллигенции отдать мандат над планировавшейся тогда независимой Арменией именно США, на что указывает отчет комиссии Кинга – Крейна³⁵.

Таким образом, можно утверждать, что американские протестанты стали эффективным средством мягкой силы США на Ближнем Востоке.

³⁵ *Nazaryan G. P.* The San Remo conference and the Armenian question (April of 1920) // Interactive Science. 2018. № 4 (26). С. 17–18.; *Crane Ch. K., King H. Ch.* Report of the American section of the International Commission on Mandates in Turkey // Papers relating to the foreign relations of the United States. 1919. Vol. XII. The Paris Peace Conference. Washington, 1947. P. 820.

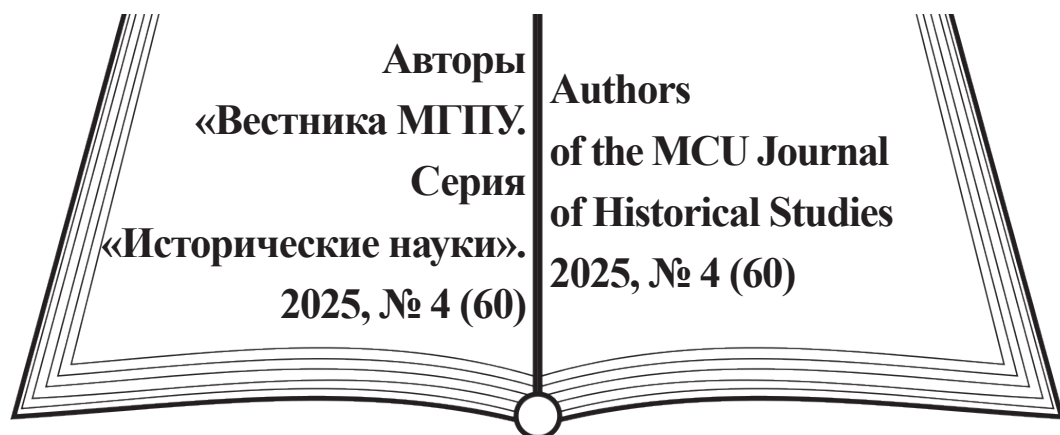
Литература

1. Гучанин М. П. Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. 187 с.
2. Зимина Н. Г. Американские миссионеры в Османской империи (XIX начало XX века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9. № 2. С. 47–51. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2009-9-2-48-51>
3. Смольняк И. В. Основные этапы американо-турецких отношений до начала Второй мировой войны // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1 (1). С. 83–89.
4. Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века. М.: Наука, 1986. 316 с.
5. American-Turkish encounters: Politics and culture, 1830–1989 / ed. by N. B. Criss et al. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. 412 p.
6. Bryson T. A. American diplomatic relations with the Middle East, 1784–1975: A survey. Metuchen, N. J.: Scarecrow Press, 1977. 431 p.
7. Cagri E. Ottoman official attitudes towards American missionaries // Milletleraras. Ankara, 2000. Vol. XXX. P. 191–212.
8. Field J. A. America and the Mediterranean world, 1776–1882. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1962. 485 p.
9. Grabill J. L. Protestant diplomacy and the Near East: Missionary influence on American policy, 1810–1927. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1971. 395 p.
10. Leland J. G. American relations with Turkey 1830–1930: An economic interpretation. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1932. 402 p.
11. Madi-Sisman O., Sisman C. From “heathen Turks” to “cruel Turks”: Religious and political roots of the changing American perception towards the Middle East // US Foreign policy in the Middle East from American missionaries to the Islamic state / ed. by G. F. Gresh, T. Keskin. 1st ed. London: Routledge, 2018. P. 13–27.
12. Nazaryan G. P. The San Remo conference and the Armenian question (April of 1920) // Interactive Science. 2018. № 4 (26). С. 17–19. <https://doi.org/10.21661/r-470363>
13. Sahim E. Faithful encounters. Authorities and American missionaries in the Ottoman Empire. Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2018. 236 p.
14. US Foreign policy in the Middle East from American missionaries to the Islamic state / ed. by G. F. Gresh, T. Keskin. 1st ed. London: Routledge, 2018. 326 p.
15. Yetkiner C. After merchants, before ambassadors: Protestant missionaries and early American experience in the Ottoman Empire, 1820–1860 // American-Turkish encounters: Politics and culture, 1830–1989 / ed. by N. B. Criss et al. Cambridge, 2011. P. 8–34.

References

1. Guchanin M. P. Turtsiia i SShA: osnovnye etapy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva [Türkiye and the USA: Main stages of trade and economic cooperation]. Moscow: Institut izucheniia Izrailia i Blizhnego Vostoka, 2002. 187 p. (In Russ.).
2. Zimina N. G. Amerikanskie missionery v Osmanskoi imperii (XIX – nachalo XX veka) [American missionaries in the Ottoman Empire (19th – early 20th centuries)] // Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. 2009. Vol. 9. № 2. P. 47–51. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2009-9-2-48-51> (In Russ.).

3. Smolnyak I. V. Osnovnye etapy amerikano-turetskikh otnoshenii do nachala Vtoroi mirovoi voyny [The fundamental stages American-Turkish relations before to the beginning of the Second World War] // Herald of Vyatka State University. 2011. № 1 (1). P. 83–89. (In Russ.).
4. Sheremet V. I. Osmanskaia imperiia i Zapadnaia Evropa. Vtoraia tret' XIX veka [The Ottoman Empire and Western Europe. The second third of the XIX century]. Moscow: Nauka, 1986. 316 p. (In Russ.).
5. American-Turkish encounters: Politics and culture, 1830–1989 / ed. by N. B. Criss et. al. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. 412 p.
6. Bryson T. A. American diplomatic relations with the Middle East, 1784–1975: A survey. Metuchen, N. J.: Scarecrow Press, 1977. 431 p.
7. Cagri E. Ottoman official attitudes towards American missionaries // Milletleraras. Ankara, 2000. Vol. XXX. P. 191–212.
8. Field J. A. America and the Mediterranean world, 1776–1882. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1962. 485 p.
9. Grabill J. L. Protestant diplomacy and the Near East: Missionary influence on American policy, 1810–1927. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1971. 395 p.
10. Leland J. G. American relations with Turkey 1830–1930: An economic interpretation. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1932. 402 p.
11. Madi-Sisman O., Sisman C. From “heathen Turks” to “cruel Turks”: Religious and political roots of the changing American perception towards the Middle East // US Foreign policy in the Middle East from American missionaries to the Islamic state / ed. by G. F. Gresh, T. Keskin. 1st ed. London: Routledge, 2018. P. 13–27.
12. Nazaryan G. P. The San Remo conference and the Armenian question (April of 1920) // Interactive Science. 2018. № 4 (26). C. 17–19. <https://doi.org/10.21661/r-470363>
13. Sahim E. Faithful encounters. Authorities and American missionaries in the Ottoman Empire. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2018. 236 p.
14. US Foreign policy in the Middle East from American missionaries to the Islamic state / ed. by G. F. Gresh, T. Keskin. 1st ed. London: Routledge, 2018. 326 p.
15. Yetkiner C. After merchants, before ambassadors: Protestant missionaries and early American experience in the Ottoman Empire, 1820–1860 // American-Turkish encounters: Politics and culture, 1830–1989 / ed. by N. B. Criss et al. Cambridge, 2011. P. 8–34.

**Авторы
«Вестника МГПУ.
Серия
«Исторические науки».
2025, № 4 (60)**

**Authors
of the MCU Journal
of Historical Studies
2025, № 4 (60)**

Аксянова Ольга Владиславовна — методист Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Нижний Новгород, Россия.

Aksyanova Olga V. — Methodist of the Nizhny Novgorod State Reserve Museum of History and Architecture, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: aksyanova.ov@yandex.ru

Андреев Игорь Львович — кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Andreev Igor L. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: andreev_hist@mail.ru

Ван Хуни — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Wang Hongyi — Postgraduate Student at the Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: wanghongyi25@126.com

Гребенкин Алексей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия.

Grebenkin Alexey N. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia.

E-mail: angrebyonkin@mail.ru

Залесская Ольга Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск, Россия.

Zallesskaia Olga V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a foreign language, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: olgazallesskaya@gmail.com

Култыгин Иван Николаевич — аспирант Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Kultygin Ivan N. — Postgraduate Student of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: kultyginin822@mgpu.ru

Медведева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия.

Medvedeva Tatyana V. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: t.medvedeva@inslav.ru

Могилевский Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Mogilevskiy Nikolay A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

Муромцева Людмила Халиловна — кандидат исторических наук, начальник Управления по надзору за аудиторской деятельностью Федерального казначейства, Москва, Россия.

Muromtseva Lyudmila Kh. — Candidate of Historical Sciences, Head of the Supervision Department for auditing activities of the Federal Treasury, Moscow, Russia.

E-mail: muromtseva-2020@inbox.ru

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, руководитель Центра краеведческих исследований Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Seleznev Fedor A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, Head of the Center for Local History Research at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: fseleznev@mail.ru

Челнокова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель по учебной работе начальника департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Chelnokova Alla Yu. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of History for Academic Affairs, Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: allajurevna@yandex.ru

Чурилова Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Churilova Irina M. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: churilovaim@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». **MCU Journal of Historical Studies** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2025, № 4 (60)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

кандидат исторических наук, директор, профессор
Института гуманитарных наук МГПУ *В. В. Кириллов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 30.12.2025 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 11 печ. л. Тираж: 1 000 экз.